

Содержание

Сын Люцифера. *День 4-й*

Мара

7

Сын Люцифера. *День 5-й*

Ирочка

27

Сын Люцифера. *День 6-й*

Дар

109

Сын Люцифера. *День 7-й*

Заклинание

127

Сын Люцифера. *День 8-й*

Секта

149

*Ангел черный, ангел бездны!
В мрак крошечный, в мрак беззвездный
Унеси меня скорей!
Пожалей.*

*И в аду, мой ангел мрачный,
В свет холодный, в свет прозрачный,
Словно в омут, в глубину
Я нырну.*

*И — ни боли, ни страданий,
Ни волнений, ни рыданий.
Лишь бесстрашья чистота,
Пустота.*

*На душе — лишь лед да иней.
Отблеск красный, отблеск синий!..
Не взглянуть! Слепит глаза!
Но слеза!..*

*Ни рыданий, ни волнений,
Ни томлений, ни молений.
Сухо все. Лишь тишь да гладь.
Благодать.*

*Да не та, увя, не божья.
Что ж поделать, у подножья
Алтаря мне места нет.
Только свет!*

*Свет холодный, свет прозрачный!
Ангел темный, ангел мрачный.
Вера вер и мера мер —
Люцифер!*

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 4-й

И настал четвертый день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Сказано в Библии: «Более же всего облекитесь
в любовь, которая есть совокупность совершенства».
Что это значит?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Я покажу Тебе, что это значит, Сын Мой.

МАРА

«Не отдавай жене души твоей».

*Книга премудрости Иисуса,
сына Сирахова*

Из дневника Валерия Витальевича Заславского

Сегодня мой день рождения. 40 лет. Юбилей. Настроение ужасное.

Ну, и что? Чего я добился в жизни? На что ее угрохал? Как там говорил Верещагину незабвенный Абдулла в «Белом солнце пустыни»? «Хорошая жена, хороший дом — что еще нужно человеку, чтобы встретить старость»?.. Во-во! Золотые слова! Как раз про меня. В самую точку. Все у меня есть, — «хорошая жена, хороший дом» — все достигнуто, стремиться не к чему. И дальше что? Старость теперь встречать? Дальше-то что!?

Когда-то я мечтал стать миллионером. Ну вот, я им стал. И что? Да ничего! Та же тоска и скука, что и у всех, только икру можно есть ложками. Единственная радость. А так... Можно, конечно, утешаться тем, что у остальных еще хуже. У них даже и икры нет. Одни только ложки.

* * *

В окно роскошного лимузина Заславского легонько постучали. Он повернул голову. Приветливо улыбающаяся стройная девушка — молоденькая совсем, лет пятнадцати, не больше —

протягивала ему какой-то рекламный буклет. Заславский чуть приоткрыл окно, и девушка сразу же сунула ему буклет в образовавшуюся щель. Взяв его в руки, он машинально опустил на листок глаза, а когда через секунду поднял их, девушки рядом уже не было. Заславский растерянно поискал ее взглядом, но в этот момент свет светофора сменился на зеленый, сзади нетерпеливо засигналили, и Заславский, проклиная все на свете, тронулся с места.

Девушка ему понравилась. Даже очень. Точнее, собственно, «понравилась» — это не то слово. Она его попросту ошеломила.

Из дневника

Господи, какую девушку я сегодня видел! Бог ты мой! Весь день только о ней и думаю. Такого со мной вообще никогда еще не было. Так и стоит ее лицо перед глазами! Улыбка... Глупо, конечно, но я, кажется, в нее влюбился. С первого взгляда! Да не «кажется», а точно. Найду! Во что бы то ни стало! Найду, чего бы мне это ни стоило. Найду, найду, найду! Обязательно найду! Милая...

* * *

Заславский с трудом разыскал указанный в буклете адрес. Тьмутаракань какая-то! Он и вообще Москву знал плохо, а тут еще такое место... Дыра какая-то. Еле по карте нашел. Впрочем, если бы ехать пришлось не на другой конец Москвы, а за тридевять земель, Заславский все равно бы поехал. Хоть на край света! Он и сам не понимал, что с ним такое творилось.

Кризис среднего возраста, — криво усмехнулся он про себя. — Седина в бороду, бес в ребро.

Из дневника

Ездил на эту лекцию. Из буклета. Как ни странно, впечатление в целом благоприятное. И это при том, что настроен-то я был изначально крайне скептически. И поехал, разумеется, не все эти бредни слушать, про Космос и Высшие Силы, а с одной-единственной целью — Ее найти.

Ведь, если она их буклеты распространяет, значит, как-то она с ними связана. Значит, и найти ее через них можно будет. Да вплоть до того, что встану около их конторы на машине и буду стоять, сколько потребуется, пока ее не увижу! Хоть неделю, хоть две! Да сколько угодно! Ну, я думаю, конечно, что до этого дело не дойдет, найдутся и более реальные пути, но, тем не менее, если потребуется — да никаких проблем! Надо — значит, надо! Главное — Ее найти! А цена значения не имеет.

Найду! Никуда она от меня не денется... Нет! Так нехорошо про нее писать. Как-то уничижительно звучит. Найду и предложу руку и сердце. Тьфу! Самому читать противно, какие я глупости пишу и пошлости. Значит, действительно я влюблен. Влюблен-влюблен — влюблен! Влюбленные всегда глупеют! Ну, в общем, найду, а там посмотрим. Там уж и видно будет. Сначала найти еще надо.

Да, так насчет лекции. Как ни странно, повторяю, лекция неглупая. Весьма и весьма. Умная, можно сказать. Даже на меня, в моем теперешнем э-э... восторженном, так скажем, состоянии, сильное, тем не менее, впечатление произвела. Очень даже сильное! Вообще об интересных вещах говорили. И интересные взгляды высказывали.

Черт! Чего-то коряво я пишу как-то, ну, не важно. У меня какое-то вообще состояние сейчас... рассеянное, экзальтированное (правильно хоть слово-то написал? вроде... экзальтация, экзальтированное). Сумбур какой-то в голове. Хочется петь, смеяться от радости. Найду, найду, найду!

Да, так все-таки насчет лекции. Любопытные вещи говорили. Действительно любопытные. О некоторых просто обычно не задумываешься. Попытаюсь сейчас записать, что успел запомнить. А то наверняка забуду потом. А вещи действительно очень любопытные.

Так... Надо по пометкам своим разобраться. Я там даже пометки себе по ходу лекции делать начал. Во как! Чудеса в решете. Я и в институте-то никогда ничего не записывал. А тут прямо проняло!

Так...Так... Пометки эти!.. Вот что значит, практики нет. В общем, не то я, похоже, напомечал. Какие-то имена непонятные. Бергсон, Уайтхед, Мах... А!.. Ну это, вероятно, авторы, которые упоминались в лекции. Это я себе пометил, чтобы почитать потом при случае. Так, фраза какая-то по-латыни. «Ignoramus et ignorabimus!» — «Мы не знаем и не будем знать!» (Дюбуа Реймон). Забавно... Ну, и чего? Все? А где?.. Все ясно, короче. Попытаюсь по памяти восстановить.

Так вот, речь шла о сверхъестественном. Существует оно или нет? Да. Ни одного научно подтвержденного факта нет. Но что это означает? Что действительно ничего сверхъестественного не существует? Вовсе нет. Это означает лишь, что методы научного исследования к подобного рода явлениям неприменимы в принципе. Только и всего. Ведь все научные методы основаны на повторяемости явления. Опыт всегда можно повторить. Это основа основ. Только такие явления и можно изучать. Простейшие. Для изучения же более сложных, нерегулярных явлений научные методы не годятся. Ведь если явление уникально и больше не повторяется или повторяется в непредсказуемые моменты времени, то его и изучать невозможно.

Вот привидение. Появляется в непредсказуемые моменты и так же непредсказуемо исчезает. Как его можно изучать? Это же тебе не маятник, который всегда под рукой. Качнул — и изучай

на здоровье. Привидение в лабораторию не затащишь. А значит, невозможно его и изучать. Единственное, что возможно, это зафиксировать его присутствие. Сфотографировать, например. Да и то чисто случайно. Если повезет. Систематически же изучать невозможно. Но это вовсе не означает, что привидений не существует. Вот если ко мне завтра черт явится! Я могу с ним сколько угодно общаться, разговаривать и пр., но с точки зрения науки он не существует. Поскольку «изучать» его невозможно. Даже факт присутствия «научно» зафиксировать нельзя. Сфотографировать, там и т. п. Если он сам этого не захочет. Но значит ли это, что он действительно не существует?

Ну, в общем, и все в таком же духе. Причинность, детерминизм... Короче, вывод такой. То, что познаваемо в принципе, что наука может изучать — это еще не весь наш мир. Это всего лишь его часть, причем совершенно незначительная. Огромнейший пласт явлений неизучаем и непознаваем в принципе. Например, все, что касается личного духовного опыта...

Любопытно... Весьма любопытно... Самое любопытное, что в сущности-то это все совершенно очевидно и даже сомнений никаких не вызывает. (Ну, действительно, как можно изучать черта?) Когда над этим хоть немного подумаешь всерьез. Иное дело, что как-то не думаешь никогда над этим. Вбили нам с детства: наука! наука!.. А что наука? Наука, по Маху, дает нам некоторые полезные правила действия, но не более.

Короче, сильная лекция. Сильная. Весьма. Я, между прочим, не случайно о черте упомянул. Поскольку, собственно, так и не понял, кто они? Что это за организация? Кружок, что ли, какой? Секта? Не знаю даже, какое слово правильно употребить. Ну, не суть важно. Так вот, про черта они что-то слишком уж много говорили. Причем в очень таком... сдержанно-уважительном тоне. Сатана,.. Вельзевул,.. Князь Тьмы... и все в таком же духе. Примеры все тоже так или иначе в эту

сторону сворачивали. Не просто: сверхъестественное, а именно: Сатана и пр. Странно все это, короче, как-то. Сатанисты, что ль? Впрочем, мне-то что? По барабану! Сатанисты не сатанисты... Наплевать! Я вступать к ним не собираюсь. Мне бы только Ее, девочку мою, найти.

Как искать, кстати, пока совершенно непонятно. Сегодня, по крайней мере, я ее тут не видел. Целый день только зря проторчал. Сначала на лекции, потом еще у офиса ихнего на машине. Все ждал, может, появится. Ну, в общем, еще день-два подожду, а потом придется что-то делать. Спрашивать у кого-то и пр. А чего спрашивать-то? «Девочка тут одна, которая мне ваш буклет всучила, где ее найти?» — «А чего это ты ей интересуешься, педофил проклятый?!» Н-да... Ну, не важно. С этим мы справимся. Вопрос денег. А их у меня, слава богу, достаточно.

Если здесь концов нет (скажем, она случайно подрабатывала, один раз) — начну всерьез искать. Найму людей, чтобы по школам искали, фотографировали всех подряд 14–16-летних девушек, отбирали более-менее симпатичных (чтобы сузить поле поисков — ведь она-то красивая была!.. прекрасная!.. замечательная!.. лучшая в мире!) и привозили мне. А дальше я уж сам просматривал. Сколько их? Тысячи? Десятки тысяч? Не важно! Значит, десятки. Хоть сотни! Но я Ее найду. Все равно найду. Во что бы то ни стало. Любой ценой. Любой! Абсолютно.

* * *

Весь следующий день Заславский просидел в офисе секты (так он про себя теперь называл всю эту контору). Прослушал очередную лекцию, перезнакомился с кучей каких-то совершенно странных и диких людей, от кришнаитов до скучающих дамочек среднего возраста его круга, не знающих, чем себя занять. Все это было замечательно, и лекция опять была очень инте-

ресная («Порядок и хаос»), но пришел-то он сюда не за этим. Девушки по-прежнему не было. Похоже, надежды встретить ее здесь не оправдались. Надо было что-то делать. Менять тактику.

Из дневника

Опять весь день проторчал в этой секте, и все без толку. Господи! Чего только не наслушался! Что у людей в голове?! Совершенно особый мир какой-то.

Один рассказывает:

«Впал я в состояние транса, и ко мне явились одновременно бог и дьявол. И стали тянуть меня в разные стороны. Бог говорит: его надо в рай. А дьявол: его нельзя в рай, он совершил много дурных поступков! А бог: он их из лучших побуждений совершал.

И открылся вверху какой-то светлый туннель, и только я туда полетел, как очнулся».

Ну, в общем, дурдом на колесиках. Сам тут дураком станешь. С девушкой одной познакомился. Ну, точнее, женщиной молодой, лет 30-и. Ребенок есть. Совершенно, судя по всему, обеспечена, со средствами. А я, говорит, на все подобные семинары хожу. Просто, чтобы время занять. Караул, короче! Чем только люди не занимаются от скуки. Хоть богом, хоть чертом, лишь бы время убить.

Ладно, впрочем. Мне не до этого. Да! Лекция была опять интересная. «Порядок и хаос». Хотя, черт с ней, и с лекцией тоже! Меня все эти проблемы, в общем-то, совершенно не волнуют. Любопытно, конечно, но не до такой же степени, чтобы сюда специально ради этого ехать. Потасился бы я с утра пораньше к черту на кулички про «Порядок и хаос» слушать и со всякой шизой общаться! Как же! Да провались они все! У них своя жизнь, у меня своя. Вполне меня устраивающая. Ну, может, и

не совсем устраивающая, но уж, по крайней мере, не настолько неустраивающая, чтобы на подобные сборища от скуки ездить. Ладно, тьфу! Запутался я во всех этих дурацких рассуждениях. Да и голова у меня сейчас совсем не тем занята. Перечитал тут свои последние записи — как будто вообще не я писал. Какой-то просто поток сознания.

Где Она, короче? Где!? Где, где, где? Где, где, где, где, где, где, где, где??! Где????!!!!

Я не могу ни думать ни о чем, ни заниматься ничем. Места себе не нахожу! Все мысли — только о ней. О ней! о ней! о ней! Где она? Ласточка моя, касаточка. Девочка... ненаглядная... Думаю о ней, и плакать от нежности хочется. Я даже и представить себе раньше не мог, что такое возможно. Думал, только в книжках.

Не знаю, мне кажется, если бы я ее сейчас из окна увидел, я бы вниз прыгнул, лишь бы ее еще раз не потерять. Я просто с ума схожу! Я бы за один только ее взгляд сейчас все отдал! Бросил бы все и уехал бы с ней куда глаза глядят.

Р. S. Хотя, нужно оно ей, это твое «все»!.. Как и ты сам.

Р. P. S. Пытался письмо ей написать любовное. Ничего, естественно, не получается. И писать я не умею, да и слов таких, наверное, нет. Если бы я смог на бумаге выразить, что я сейчас чувствую!.. Вот, кстати, прекраснейшее подтверждение вчерашней лекции. Личный, индивидуальный духовный опыт, чувства, эмоции, любовь — абсолютно неизучаемы и непознаваемы. А значит, с точки зрения современной науки вообще не существуют. Но почему-то, когда я говорю, что люблю! мне все верят, а когда, что видел сегодня ночью привидение — в лучшем случае скептически усмеваются. А в чем, собственно, разница-то? И то, и другое — неподтверждаемо.

* * *

На следующий день была суббота. Заславский это как-то заранее не сообразил, а потому сие событие, совершенно в общем-то ординарное, застало его врасплох. Он покрутился немного около запертой двери хорошо знакомого ему уже теперь офиса и не солоно хлебавши поехал домой. Настроение у него было ужасное. Мысль, что ни сегодня, ни завтра он Ее уж точно теперь не увидит, была совершенно непереносима. Как будто в жизни неожиданно образовалась какая-то двухдневная зияющая пустота. Бездна, которую невозможно ничем заполнить.

Из дневника

Суббота. Офис закрыт. Кошмар. Жизнь потеряла смысл. Как я эти два дня проживу — сам не знаю. Все мысли — о Ней, о Ней и только о Ней! Ни о чем другом думать не могу. Да и не хочу... Нет ничего другого... Вообще ничего больше нет. Только Она. Одна во всем мире... Да и мира никакого нет. Она и есть мир! Больше нет ничего. Я бы умер сейчас за один только Ее взгляд, за одно только слово. Сказала бы Она — и я бы умер. И был бы счастлив.

Господи! Если Ты есть, дай мне Ее еще хоть раз увидеть! Ну хоть мельком, хоть один-единственный разочек!

Попробую все-таки написать ей письмо. Нет сил удержаться. Никогда я его, наверное, не отправлю, но...

ПИСЬМО.

Я люблю Тебя! Люблю. Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю! Я всегда любил Тебя, просто раньше я этого не знал, а теперь знаю. И всегда теперь буду любить. Вечно. Я никогда больше Тебя не покину. Если Ты прогонишь меня — я просто

умру. Как умирает человек без пищи, без воздуха. Я даже имени Твоего не знаю, но вот я думаю о Тебе — и сердце рвется от нежности. Улыбаешься Ты — и все вокруг улыбается, мир улыбается; хмуришься — и вселенная застилается мраком.

Ты и есть моя вселенная. Другой нет и не надо.

Ты знаешь, мне было очень плохо без тебя. Очень! Правда. Правда-правда! Я вообще не знаю, как я жил все эти годы. Да я и не жил. Так... Прозябал. Катился куда-то по инерции. Зачем-то женился, зачем-то развелся, зачем-то опять женился. Встречался с какими-то женщинами... Ты прости меня, ладно? Это не я был. Все это теперь не имеет значения. Кроме Тебя. Только Ты одна. Ты, Ты, Ты. И ничего больше. Ничего. Только Ты.

* * *

В понедельник Заславский примчался к офису ни свет ни заря. Примерно за час до открытия. Он бы и еще раньше приехал, да в пробке застрял.

Не успел он припарковаться, как в стекло постучали. Он даже вздрогнул, насколько эта ситуация напомнила ему ту, на светофоре, когда он встретил Ее.

Однако на сей раз это была, разумеется, не она. Молодой мужчина лет 30-ти или чуть больше стоял у машины и вежливо улыбался. Заславский нажал кнопку и, и стекло поехало вниз.

— Валерий Витальевич?

— Да, — несколько удивленно ответил Заславский.

— Нам надо поговорить. Насчет Мары.

— Какой Мары? — замирая, переспросил Заславский, уже догадываясь, о ком пойдет речь.

— Ну, той девушке, на светофоре. Вы же ее ищете?

— Садитесь, — не отрывая глаз от незнакомца, негромко произнес Заславский и облизал пересохшие губы.

Мужчина открыл дверь и сел рядом, на переднем сиденье. Он внимательно смотрел на Заславского и не торопился почему-то начинать разговор.

— Так **что** Вы мне хотели сказать? И откуда, кстати, Вы меня знаете? — холодно глядя на него, спросил Заславский. Он прекрасно знал себе цену и умел сразу дать почувствовать это собеседнику.

Однако на сей раз все это не сработало.

Сидящий рядом мужчина лишь снисходительно усмехнулся и спокойно ответил:

— Сейчас я Вам, Валерий Витальевич, все объясню. Выслушайте меня, и все поймете. Дело в том, что я глава этой... организации, — мужчина показал глазами на дверь офиса. Того самого, открытия которого ждал Заславский. — Имя мое... ну, по некоторым причинам обойдемся без имен. Да и незачем оно Вам. Какая Вам разница? Так вот, к Вам в четверг подошла на светофоре девушка и предложила наш рекламный буклет. И с тех пор Вы только о ней и думаете. Так?

— Откуда Вы знаете? — вне себя от изумления, с каким-то даже испугом переспросил Заславский. Он разом утратил всю свою обычную самоуверенность.

— Это Мара, — спокойно ответил мужчина.

— Мара — это ее имя? — волнуясь, уточнил Заславский.

— Для Вас да.

— Что значит, для меня «да»? А для других? Это ее настоящее имя?

— Для Вас настоящее.

— Послушайте! — взорвался наконец Заславский. — Перестаньте говорить загадками! «Для Вас да»!.. «Для Вас настоящее»!.. Что за ерунда, в конце-то концов?! Детский сад какой-то, ей-богу!

При последних словах Заславского мужчина чуть заметно поморщился и примирительно произнес:

— Валерий Витальевич! Если бы Вы меня просто слушали, как я Вам с самого начала и советовал, а не перебивали и не задавали встречных вопросов, Вы бы уже давным-давно все поняли.

— Хорошо, я Вас слушаю, — успокаиваясь, ответил ему Заславский и приготовился слушать.

— «Мара» — это, согласно словарю Даля: морок, наваждение, обаяние, греза, мечта, призрак, привидение.

— Какое еще «привидение»? — забыв про только что данное обещание не перебивать, ошарашенно переспросил Заславский. — Вы шутите?

Мужчина слегка улыбнулся и укоризненно покачал головой.

— Хорошо, хорошо, извините. Говорите, я Вас слушаю, — Заславский замолчал. Ему почему-то вдруг показалось, что несмотря на свою кажущуюся молодость, его собеседник на самом-то деле старше его лет на сто, если не на всю тысячу.

— Видите ли, Валерий Витальевич, у нас не совсем обычное общество. Мы изучаем проблемы сверхъестественного, необычного... Чернокнижие,.. черная магия,.. колдовство,.. ведовство,.. волхование... В общем, много чего. Все это на самом деле существует, рядом с нами и далеко не так нереально, как многим кажется. Ну, Вы были на наших лекциях, примерно представляете, что я имею в виду. Нерегулярные явления, если угодно. Нарушение причинности и детерминизма. Все то, короче, что современными научными методами изучать невозможно в принципе. Невозможно же «изучать» черта? Если, конечно, он сам этого не захочет, — мужчина хмыкнул. Заславский почувствовал какой-то неприятный холодок в груди, сообразив, что тот только что фактически дословно процитировал ему фразу из его собственного дневника. Это что, ненавязчивый примерчик неограниченных возможностей черной магии? — Н-да... Ну, так вот мы и подошли наконец к самому главному.

Мара — это на нашем языке существо противоположного пола, специальным образом...ну, заколдованное, что ли, так скажем, хотя на самом деле здесь механизм несколько иной, все гораздо сложнее... ну, не важно! Так вот, заколдованное так, чтобы очаровать, влюбить в себя того, кого требуется. Ради кого, собственно, все и затевается. В данном случае, Вас, уважаемый Валерий Витальевич! Эта девушка специально на Вас настроена. Сила воздействия чар Мары на объект такова, что противиться им он не в силах. Он думает только о ней, мечтает только о ней постоянно. Ну, Вы сами все это сейчас чувствуете, что я Вам рассказываю!

Заславский слушал все это, и голова у него шла кругом. Магия,.. колдовство,.. мара...

— Подождите-ка,.. — наконец вычленил он самое главное. — Что значит: специально на меня настроенная? Кем?

— Нами, — мужчина спокойно улыбнулся. — Нами, Валерий Витальевич. Нашим обществом.

— Так вы что, за мной следили, что ли?

— Разумеется, Валерий Витальевич, разумеется.

— Но зачем!?!?

— Деньги! Деньги, деньги, деньги. И ничего больше. Все очень просто. Нам нужны средства, и Вы их нам предоставите. Завтра до полуночи переведете на наш счет, — мужчина протянул Заславскому какой-то листок, тот его машинально взял и принялся с недоумением читать.

— Что это?

— Наши банковские реквизиты. Номер счета, на который Вы должны перевести деньги.

— 12 миллионов 375 тысяч 859 долларов 75 центов, — прочитал вслух Заславский и вопросительно поднял глаза на своего собеседника.

— Да-да! Именно столько, — с улыбкой подтвердил тот.

— Ого! — иронически усмехнулся в свою очередь Заславский. В груди его поднималось холодное бешенство. Его что, шантажируют? — 75 центов!

— Именно! — весело засмеялся мужчина. — Именно 75 центов, Валерий Витальевич. Иными словами, все, что у Вас есть на счету. С точностью до цента.

— Откуда Вы знаете сумму моего счета? — в ярости прошипел Заславский. Мужчина продолжал лучезарно улыбаться. — А, ну да, черная магия! Ладно, это я сам сегодня же выясню. Что это у меня в банке за черный маг завелся. Ладно, с этим разберемся. Теперь по делу. Я чего-то не пойму. С чего это Вы взяли, что я Вам все свои деньги отдам? И причем здесь эта девушка?

— Можете не отдавать, — равнодушно ответил мужчина. Заславский с изумлением на него взглянул. — Дело Ваше.

— И что тогда?

— Тогда завтра в полночь чары спадут.

— Что?!!

— Я говорю, завтра в полночь чары с Вас спадут, — мужчина опять ослепительно улыбнулся и посмотрел Заславскому прямо в глаза. — Вы будете снова свободны. Как птичка! — он шутливо помахал руками. — Летите, куда хотите. Возвращайтесь к своей прежней счастливой и безмятежной жизни со своими миллионами, особняками и красавицей-женой. Мисс какого она у Вас там города?

— Пензы, — автоматически ответил Заславский.

— Ну, вот видите! Она же у Вас и на первенстве России ведь какое-то высокое место заняла? Да?.. Второе, кажется?.. Первое, между нами говоря, должно было бы быть, но Вы сами не захотели. Чтобы голова у девушки сразу не закружилась. И правильно, между прочим, сделали. Словом, Вам, Валерий Витальевич, можно только позавидовать. Деньги,.. дом,.. такая жена!.. Хороший дом, хорошая жена — что еще нужно человеку, чтобы

встретить старость? — Заславский опять вздрогнул, услышав очередную цитату из своего дневника.

— Подождите, подождите, — попытался сосредоточиться он. — А что будет с... ней? С... Марой?

— С ней? Ничего. Она ничего и не заметит. Просто Вы ее разлюбите. Навсегда.

— И все?

— И все.

Мысль, что он Ее завтра навсегда потеряет, окатила Заславского волной ледяного ужаса.

Спокойно, спокойно!.. — попробовал одернуть он себя. — Это шантажист. Он специально мне сроки сжатые ставит. Нельзя ему поддаваться. И идти на поводу.

— Врете Вы все! — собрав в кулак всю свою волю, грубо сказал он, и сам, в свою очередь, посмотрел своему собеседнику прямо в глаза. — Навсегда, как же!.. Если Вы заколдовали ее один раз, сможете заколдовать и в другой. Если потребуется. «Завтра»!.. «До полуночи»!.. К чему такая спешка?! Чтобы я обдумать ничего не успел? Меры принять?

— Видите ли, Валерий Витальевич, — несколько не смущаясь и словно не замечая вызывающего тона Заславского, все также спокойно и невозмутимо пояснил мужчина. — Создание Мары — процесс чрезвычайно сложный и деликатный. Приходится принимать во внимание и учитывать массу самых разнообразных факторов. Расположение звезд, время рождения и пр., и пр. Очень непростое и тонкое дело, право же. Требуется огромное искусство. Так вот, у Вас создание Мары было напрямую связано с Вашим сорокалетием, Валерий Витальевич. Ни в какой другой момент создать ее было невозможно. Сорок лет — это, надо Вам сказать, дата в жизни человека вообще особая. Веха. Рубеж. В общем, второй Мары создать для Вас уже больше не удастся. Никогда. Эта — единственная. Первая и последняя.

(«Единственная?.. Никогда?..» — Заславский почувствовал, что он падает, падает, падает в какую-то черную, бездонную пропасть. — Да врет он все! Не может такого быть!.. А если не врет? Если правда? — при мысли, что он Ее завтра потеряет, Заславский чуть не закричал от боли.)

— Ну, хорошо... Предположим... Ну, а если мы с Вами... как-то договоримся? Что тогда? Я ее... увижу? — мужчина утвердительно кивнул. — Она меня... полюбит? — при одной только этой мысли Заславский вдруг почувствовал, что если собеседник ответит ему сейчас «да», то он немедленно согласится на все. Не только все деньги отдать, но и самого себя в придачу, если потребуется. Пол мыть бесплатно в их офисе.

— Нет, — с сочувствием глядя на Заславского, покачал головой мужчина.

Мир рухнул. Заславский вдруг совершенно ясно понял, что все, что ему говорят сейчас — правда. С ним не шутят и не играют. И про Мару и про все остальное.

— Мары никогда не влюбляются в объект своего воздействия. Но это не имеет значения. Вы все равно будете ее любить вечно. Так же, как сейчас.

— Даже когда она выйдет замуж, постареет?.. — тихо, словно про себя, глядя куда-то в пространство, полуутвердительно переспросил Заславский.

— Для Вас она никогда не постареет. Вы всегда будете видеть ее такой, какой увидели тогда, у светофора. В самый первый раз.

Из дневника *(несколько месяцев спустя)*

Давно не писал. Некогда все было. Развод этот... Имущество... Все эти дрязги. Все же, вроде, оставил, а все равно.

Впрочем, неважно. Не имеет значения все это. Ничего вообще не имеет значения. Кроме Нее. Когда я вижу Ее... Я теперь

часто вижу Ее. Каждый день. Счастье мое... Солнышко мое... Он не обманул. Я действительно буду любить тебя всегда. Что бы ни случилось. Вечно. И в этой, и в той жизни. Мне ничего не надо без тебя. Ни ада, ни рая. И я всегда буду видеть тебя такой же, какой увидел тогда. У светофора. В самый первый раз.

И сказал Люциферу Его Сын:

- Я не хочу сейчас разговаривать. Мне надо подумать.

- Хорошо, - ответил Ему Люцифер. - Подумай. Подумай.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 5-й

И настал пятый день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Как сделать правильный выбор? Как отличить
добро от зла?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Сердце подскажет Тебе, где белое и где черное.

ИРОЧКА

«Там цветут цветы и сладкие грезы!
Там мои, твои любые мечты!»

Современная эстадная песенка

«Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже
немудри, но якоже премудри...»

*Послание к ефесеянам
святого апостола Павла*

«Кто из вас без греха, первый брось в нее камень».

Евангелие от Иоанна

I.

1.

Позже Олег Викторович Красин и сам не мог себе толком объяснить, с чего это вдруг ему вздумалось позвонить по одному из бесчисленных объявлений, заполонивших за последнее время почти все центральные газеты: «Колдовство», «Черная и белая магия», «Сниму порчу» и т. д. и т. п. Так, как-то... Случайно все получилось. По наитию. Никогда до этого не звонил, а тут вдруг взял, да и... Словно бес под руку толкнул. Он даже и не знал в тот момент, о чем он, собственно, собирается говорить-то? Для чего звонит? Просто набрал номер...

Однако разговор превзошел все его ожидания.

— Алло! — услышал он в трубке приятный мужской голос.

— Алло! — после некоторой заминки ответил Красин. — Здравствуйте, я по объявлению.

— Да, Олег Викторович! Я Вас слушаю.

Красин от неожиданности чуть не выронил трубку. На мгновение ему показалось, что он перепутал номер и позвонил по ошибке какому-то своему знакомому. Хотя, какому еще «знакомому»? Голос в трубке никому знакомому его явно не принадлежал.

— Э-э... простите... Я, наверное, не туда попал, не тот номер набрал... А с кем я разговариваю?..

— Да нет, Олег Викторович, никакой ошибки. И номер Вы тот набрали и попали туда. Вы же по объявлению в газете звоните? «Ясновидение и колдовство»?

— Д-да...

— Ну, вот видите. Именно по объявлению Вы и попали.

— Но откуда тогда Вы меня знаете? — растерянно пробормотал сбитый с толку Красин.

— Ну, как откуда? Вы же звоните по объявлению «Ясновидение и колдовство». Яс-но-ви-де-ни-е! Так чего же Вы хотели? — собеседник на том конце провода явно забавлялся.

— Да... — еще более растерянно снова промямлил Красин.

Он совершенно потерялся и абсолютно не представлял себе, что в этой ситуации делать и как теперь себя вести дальше. Все происходящее вообще стало казаться ему каким-то нереальным. Сном каким-то наяву. Да не может такого быть! Сейчас зазвонит будильник, и он проснется. Будильник, однако, что-то не торопился. Сон продолжался.

— Знаете, Олег Викторович, я тут совсем рядом с Вами нахожусь. Буквально в двух шагах. В соседнем доме. (Красин автоматически посмотрел на номер. Да, действительно... Как же он сразу-то не обратил внимание?..) Ну, где булочная. 1-й подъезд, 5-й этаж, квартира 20. Код в подъезде 382. 3-8-2! Запомнили? — Красин механически повторил вслух цифры кода. — Правильно. В общем, заходите прямо сейчас. Жду.

Заходите-заходите! Не пожалее! — энергически добавил напоследок мужчина и повесил трубку.

Красин некоторое время в недоумении на нее смотрел, потом пожал плечами и положил трубку на место. Впечатление от разговора, честно говоря, было сильное. Вот так, сразу: «Здравствуйте, Олег Викторович! Это Вам для знакомства, так сказать, наглядный образчик моего ясновидения». Да-а!.. Впечатляюще!.. Очень впечатляюще. Да-а!.. Что и говорить. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот тебе и колдовство с ясновидением. А я-то думал, что все это жульничество одно. Да-а!..

В голове, кроме этого дурацкого «Да-а!..», ничего не было. Красин, сказать по правде, по-прежнему пребывал в полнейшей растерянности. Сеанс колдовства и ясновидения застал его совершенно врасплох.

Прямо по Булгакову! — мелькнуло у него в голове. — «Мастер и Маргарита» какая-то. Пресловутая сцена в варьете. Сеанс черной магии с последующим ее разоблачением. Кто там меня в нехорошей квартире № 20, интересно, ждет? Воланд и компания? Хотя я, вроде, не Степа Лиходеев и не этот... Как его там?.. Ну, директор этот акустический. Который в ложе с женой и любовницей еще сидел и все разоблачений требовал? Аполлон какой-то там...

«А позвольте, Аполлон Григорьевич, узнать, где Вы были вчера вечером?» М-да... «Аполлон Григорьевич был вчера вечером на заседании акустической комиссии, но я не понимаю, какое это имеет отношение к черной магии?» — «Вуй, мадам! Естественно, Вы не понимаете. Насчет же заседания акустической комиссии Вы в полном заблуждении. Отпустив шофера, Аполлон Григорьевич сел в автобус и отправился в гости к артистке Милице Прокобатько, у которой и пробыл около 4-х часов».

Олег Викторович был человеком весьма и весьма начитанным и в душе очень этим гордился. Классиков он вообще мог

цитировать целыми кусками и имел дурную привычку делать это к месту и не к месту и по любому поводу. То, что сейчас отчество и фамилия этого злосчастливого Аполлона выпали у него из памяти, было неприятно.

Как же его фамилия-то все-таки была? Семплеяров?.. Черт! О чем я думаю!? — опомнился вдруг он. — Булгаков — это, конечно, замечательно, но мне-то что делать? Идти или не идти? А чего не идти-то? Интересно же! Чего он там еще мне понарасказывает? Маг этот черный. Или кто он там? Колдун ясновидящий. Тем более, что бояться мне нечего. Любовницы тайной у меня — увы и слава богу! — нет. По Милициям я на автобусах не разъезжаю. Н-да-с... Пойду, короче. Конечно, пойду! Еще бы! Ну, надо же! Действительно, ясновидящий. «Здравствуйте, Олег Викторович!» Офигеть! Нет, правда! С ума сойти можно!

Последние слова Красин неразборчиво бубнил себе под нос, уже торопливо одеваясь. Его постепенно охватывало то лихорадочное возбуждение, которое всегда охватывает человека при встрече с чем-то чудесным и сверхъестественным. С чем-то необъяснимым. Мысль, что он будет общаться сейчас с самым настоящим колдуном, будоражила воображение.

«Через поля, через моря колдун несет богатыря!», — промурлыкал он вслух, захлопывая дверь. — Или «через леса»?.. Ну, леса, леса!.. «Там чудеса, там леший бродит!..»

Предвкушение от близкой встречи с какой-то тайной стало почти нестерпимым. Красин чуть ли не бегом бросился к лифту.

2.

Дверь в квартире №20 открыли сразу. Молодой мужчина лет 35-и стоял на пороге и вежливо улыбался.

— Пожалуйста, проходите, Олег Викторович! — посторонился он.

Красин молча прошел, решив ничему пока не удивляться. Посмотрим, что дальше будет. Что он мне предложить собирается? Сам же зазвал.

Вообще-то, если честно, Олег Викторович хоть и старался изо всех сил держаться скептически и независимо, но на самом деле чувствовал себя сейчас как ребенок в кукольном театре. Свято верящий, что фея взмахнет вот-вот волшебной палочкой, и... Да только зачем это раньше времени показывать?

— Вот сюда, — мужчина указал рукой на дверь в комнату. — Садитесь, пожалуйста.

Красин неторопливо и с достоинством уселся в предложенное ему массивное кожаное кресло и стал ждать продолжения.

«И...»? «Взмахнет, и...»? Ну, говори, раз уж начал. Не тяни резину. Что ты мне предложить собрался? «Заходите — не пожалеете!» Ну, вот он я. Зашел. Дальше-то что?

— Дальше, Олег Викторович, вот что. (Красин так и подскочил от неожиданности в своем кресле. «Я что, вслух, что ли, последнюю фразу произнес?» — с недоумением спросил он сам себя. Ощущение близости чуда еще более усилилось.) Я тут изучил Вашу астральную карту, пока Вас ждал...

(Олег Викторович невольно досадливо поморщился. «Астральную карту»!.. Многочисленные выступления разного рода шарлатанов в средствах массовой информации, особенно по телевидению, выработали у него стойкую идиосинкразию к подобному рода терминологии.

Хотя, с другой-то стороны, тут-то как раз результаты были налицо. «Здравствуйте, Олег Викторович!» Ладно, какая в конце концов разница!? Карта, так карта. Может, действительно так надо? Память с готовностью нарисовала ему подходящую картинку из «Фауста». Где ведьма варит эликсир молодости и тоже творит при этом какие-то полубезумные заклинания. «К чему, скажи мне, эти представленья?» — «Чудак, ведь это лишь для

смеха!.. Довольно, мудрая Сивилла». Черт! Кажется, я два перевода в одну кучу смешал. Пастернака и Холодковского.)

— Вы хотите помолодеть? — вдруг услышал он вопрос, снова прозвучавший словно в ответ на его мысли.

На этот раз Красин был по-настоящему ошарашен. Сражен наповал. Он в каком-то суеверном ужасе воззрился на сидящего напротив человека. Второе подряд совпадение! Если первое еще можно было списать на какую-то случайность, то второе... Он что, действительно ясновидящий, прах его побери! Но ясновидящих же не бывает!

Олег Викторович почувствовал самый настоящий страх.

Да не бывает такого! Он же в конце концов образованный человек, начитанный. Не специалист, конечно, но телевизор смотрит, газеты читает. Не бывает такого! Чтобы прямо так вот, мысли читали, как с листа. Да что это такое-то?! Что за сеанс черной магии в доме «где булочная»? Может, сейчас и Азazelло с Бегемотом в зеркале появятся, и серой запахнет?

— Простите? — замер вдруг он, осознав наконец и смысл только что услышанного. Ладно, пес с ним, с этим его ясновидением, но что он предлагает?! О чем говорит? Что значит «помолодеть»? Это что, действительно возможно?! неужели?.. Захлестнувшая его безумная надежда вытеснила даже страх. — Как это «помолодеть»? По-настоящему? Это действительно возможно?

(Мозг его лихорадочно работал. Мысли метались. Неужели правда? Да нет, не может быть! Это все бы так молодели. Шарлатанство наверняка какое-нибудь. Фокус-покус. Развод на деньги. Сейчас предложит снадобье какое-нибудь колдовское по немислимым ценам. Или крем какой-нибудь.

Как Маргарите Азazelло дал, — опять услужливо подсказала память. — С болотным запахом. Намазалась — и порядок! «Из зеркала на нее глядела молодая двадцатилетняя женщина, кудрявая от природы». Я, кстати, тоже от природы кудрявый. Был когда-то!

Красин машинально погладил рукой свою давно уже лысую как бильярдный шар голову.)

— Ну, как Вам сказать,.. — неопределенно усмехнулся мужчина. (Сердце у Олега Викторовича упало. Так я и знал! Лажка какая-нибудь. Как обычно. Тьфу ты! А я, дурак, и вправду чуть не поверил!) — Да нет-нет! Вы не расстраивайтесь, Олег Викторович, раньше времени. Помолодеть, к сожалению, невозможно, но вот слетать на пару часов в прошлое — вполне.

— Как это: слетать на пару часов в прошлое? — не понял Красин. — Я что-то не... — он хотел было сказать «не догоняю», но постеснялся почему-то употребить это полужаргонное словечко. Собеседник невольно внушал ему какое-то непонятное уважение, — ...въезжаю. (А, черт!.. Еще лучше! Шило на мыло. Грамотей хренов. Библиофил. Знаток русской изящной словесности, — окончательно смутился Красин.)

— Ну, Вы выберете любой день своей жизни, и я Вас туда отправлю. Часа на два, — словно не замечая этой его невольной оговорки и его смущения, все так же спокойно и утонченно-вежливо пояснил мужчина. (От этого его холодного, невозмутимого, светского тона Красин смутился еще больше. Он чувствовал себя какой-то шантрапой. Плебей, разговаривающий с аристократом, с патрицием. «Не въезжаю!..», «не догоняю!..». Ну, что-о это?.. Лексика, как у пацана на дискотеке. Что за убогий словарь Элочки-людоедки!.. Черт!)

— Простите, простите! — поборол наконец все же свое смущение Красин и попытался вникнуть в суть дела. — Не могли бы Вы мне пояснить все поподробнее, если можно, — призвав на помощь всю свою эрудицию, тщательно подбирая слова и внимательно следя за правильным построением фраз, отчего они сразу же стали получаться какими-то неуклюжими и тяжеловесными, осторожно произнес он. — Я, наверное, все-таки не совсем понимаю то, что Вы имеете в виду.

— Охотно, охотно, Олег Викторович! — широко улыбнулся мужчина и доброжелательно посмотрел на Красина.

(А ведь он не представился! — вдруг мелькнуло у того в голове. — Странно мы как-то разговариваем. Ну, не важно, в конце концов. Его дело. Может, у них, у колдунов, так принято. «Что в имени моем?» Или «твоим»?.. А, не помню! «Моем»!.. «твоим»!.. — какая разница! Вообще завязывать надо с этими бесконечными цитатами по любому поводу. С цитированием этим блядским. С интеллигентщиной. Сосредоточиться ни на чем невозможно. Постоянно «растекаюсь мыслию по древу». Или «мыслей»?.. Чем я там «растекаюсь»?)

Тьфу ты, черт! Вот прицепилось!.. Фраза Роллана Быкова, между прочим. Из фильма «Служили два товарища». С Высоцким в главной роли. Ну, почти главной... Тьфу!! Нет, ну так положительно невозможно ни о чем думать! Вот дьявол! Какой только дрянью голова забита! Не голова, а...)

— Знаете, Вы не отвлекайтесь и внимательно меня сейчас послушайте! — чуть более жестким, повелительным тоном внезапно сказал или, точнее, по сути приказал Красину его удивительный собеседник.

(Как Иешуа Понтию Пилату, — успел только подумать Красин, после чего все цитаты и прочий словесный мусор мгновенно вылетели у него из головы. Мысли сделались необычайно ясными и четкими, как после большой чашки крепчайшего кофе; и он, все же несколько удивившись самым краешком сознания этому необычному факту, тут же послушно приготовился слушать.)

— Итак,.. — мужчина сделал паузу, чуть более пристально взглянул на Красина, убедился, судя по всему, что тот его внимательно слушает, после чего спокойно продолжил, — Вы выбираете в прошлом какой-то день. Желательно эмоционально насыщенный и потому хорошо Вам запомнившийся. И я Вас

туда отправляю. То есть Ваше нынешнее сознание окажется в том Вашем молодом теле.

Вы можете делать там, что угодно. На Вас нынешнем, теперешнем, это никак не отразится и не скажется. Ну, знаете, все эти парадоксы времени, про которые так любят фантасты писать... Дескать, что Вы каким-то своим поступком там измените свое будущее и возвратитесь уже в другой мир. Так вот, ничего подобного Вам не грозит. Делайте смело, что хотите. Даже, если Вы там погибнете — ничего страшного! Просто проснетесь здесь, и все. Да, кстати. Происходить все будет так. Вы во сколько обычно ложитесь спать? В одиннадцать, кажется?.. — Красин машинально кивнул. — Ну, и отлично! Завтра заснете, как обычно, и отправитесь в прошлое. Постарайтесь, чтобы Вас во время сна никто не беспокоил. По крайней мере, в первой половине ночи. Часов до трех. Ну, телефон на всякий случай в спальне отключите... Иначе Ваше путешествие во времени может быть прервано. Если Вас не разбудят, то в прошлом Вы проведете часа два-три. Может, чуть больше. В общем, как получится. По обстоятельствам. Не так уж и плохо, в сущности. Особенно, если с умом этим временем распорядиться. А? — мужчина на секунду остановился и усмехнулся.

— У Вас там появятся некоторые необычные возможности, но Вы сами на месте во всем разберетесь. Это несложно. Вы их просто почувствуете в себе, и все. Так что заранее и объяснять ничего не надо. Только поосторожнее с ними. Не увлекайтесь. Не злоупотребляйте, — он помедлил.

— Теперь главное. Куда отправиться? В какой день? — мужчина сделал еще одну паузу и опять внимательно посмотрел на Красина. Тот слушал, затаив дыхание.

— Видите ли, Олег Викторович, лучше всего подобные путешествия удаются в те дни, когда человек совершил какую-то ошибку, потерпел какую-то неудачу и потом долгие годы, если

не всю жизнь, о ней вспоминает и страстно желает исправить. Негативные эмоции, знаете ли, вообще лучше запоминаются, чем позитивные. Так уж люди устроены. (Слово «люди» прозвучало у него как-то странно. Как будто он и не о себе в том числе говорил, а о чем-то постороннем, его лично впрямую не касающемся. Так мог бы говорить о людях, к примеру, марсианин.)

Ну, поскольку, как я уже Вам сказал, события *там* на событиях здесь никак не отражаются, то пытаться отправляться туда, в прошлое, с целью изменить что-то в своей нынешней жизни, совершенно бесполезно. Скажем, деньги удачно вложить или, наоборот, спасти. Как бы, дескать, мне тогда хорошо сейчас жилось!.. Это все не получится. Поэтому чем-то серьезным там, в прошлом, заниматься — бессмысленно.

Но вот чем-то несерьезным!.. — мужчина остановился и вдруг довольно откровенно подмигнул Красину.

Тот настолько удивился, что даже не успел улыбнуться в ответ. Просто сидел, с глупым видом таращился на собеседника и хлопал глазами.

— Ну, скажем, с девушкой любимой у Вас когда-то ничего не получилось, не сложилось, отказала она Вам — что ж, бывает! — а вот сейчас можно попытаться все исправить. Переиграть! Наверстать упущенное! Вернетесь сюда потом с массой приятных впечатлений и незабываемых воспоминаний! Вот это все вполне возможно.

У Вас ведь были в жизни такие ситуации! — опять заговорщически подмигнул он совершенно растерявшемуся Красину. — Как и у любого из нас? Ну, помните, в институте?.. Ирочку Беляеву?..

(Красин помнил. Он прекрасно помнил ту сцену около института, когда он набрался наконец смелости, нагнал после занятий спешащую домой девушку и предложил ей, заикаясь, бледнея и краснея, «где-нибудь сегодня встретиться». И ее презрительно-равнодушный ответ, что «она сегодня занята».

И как на следующий день ее кавалер, здоровенный такой парень, выше Красина на целую голову и тяжелее килограмм, наверное, на двадцать, отозвал его в сторонку и, нагло ухмыляясь, сообщил, что «они с Ирой так вчера хохотали!».

Впрочем, от предложения Красина, абсолютного чемпиона института по самбо, «поговорить об этом поподробнее», он почему-то уклонился, как-то сразу увял и мгновенно куда-то испарился. Это Красин тоже сейчас со злорадством вспомнил.

Он вообще много чего как-то сразу вспомнил. Вот ведь, сколько времени прошло, он давным-давно уже женат, дети, чуть ли не внуки! Ирочка сто лет как замужем — за тем самым парнем, кстати, кажется! — а он, оказывается, так ничего и не забыл. Да чего там «оказывается»? Разве мало он потом ту сцену вспоминал и в душе прокручивал?! Да раз сто, наверное, не меньше! Да какие сто? Тыщу, небось, а то и больше.

Правильно колдун этот ясновидящий сказал: негативные эмоции не забываются! Ну, может, и не совсем так он сказал, но не суть важно. Смысл именно такой. Тот самый. Действительно не забываются. Огненными буквами, похоже, запечатлеваются они на скрижалях сердца. Выжигаются, блядь, по живому. На всю оставшуюся жизнь. Дддьявол!!)

— Так вот, — вкрадчиво улыбаясь, продолжил мужчина, — Вы ведь можете сейчас все исправить! С Вашим нынешним опытом! Более того! — он сделал очередную эффектную паузу. — Вы можете отправиться туда вместе с ней!

— Как это: вместе с ней? — как эхо, повторил вслед за ним пораженный Красин. Он ничего не понимал.

— Ну, как-как! — уже полностью оставил свои аристократические замашки и перешел на какой-то совсем фамильярный, доверительный и чуть ли не запанибратский даже тон собеседник. — Встретитесь завтра с ней и предложите вместе отправиться туда, в тот памятный для Вас день. Она его, уверен, тоже прекрас-

но помнит. Женщины таких вещей вообще никогда не забывают. Ну, договоритесь, естественно, с ней об условиях, — цинично усмехнулся он. Красин по-прежнему ошалело хлопал глазами. — Ну, что Вы на меня так смотрите? Чего тут непонятного? Стареющая женщина, пожилая, можно сказать, а тут такое предложение! Побывать опять двадцатилетней! Естественно, любая согласится! А уж условия Вы сами ей поставите. Какие захотите! — он опять игриво подмигнул глупо улыбающемуся Красину. — Ну, соображайте же быстрее! Сколько можно кукситься и мямлить!

— Да-а!.. — потрясенно протянул Красин. До него медленно доходило, что именно ему предлагают. — Да-а!.. Это, конечно... А как я ее найду? — спохватился он. — Тем более за один день. У меня с ней никакой связи нет.

Мужчина молча протянул ему какой-то листок.

— Что это? — удивленно спросил Красин.

— Домашний телефон Ирины Николаевны Давыдовой. Это ее нынешняя фамилия. (Ага! — сообразил Красин. — Значит, точно, так она тогда за него и вышла!) Завтра воскресенье, она целый день дома будет. Звоните прямо с утра и договаривайтесь. Да и сегодня у Вас еще время есть. В общем, сориентируетесь!

— Послушайте! — решил наконец Красин. — Откуда Вы все это знаете? И телефон у Вас прямо заранее оказался приготовлен... Как такое может быть?

— Может-может!.. — рассеянно ответил ему мужчина. Он что-то искал взглядом. — А телефон сейчас чей-то найти не проблема, — он поднял наконец глаза на Красина. — Было бы желание. Хотели бы — сами бы давно уж нашли! Сейчас все эти базы данных на каждом углу продаются.

— Да, но откуда Вы вообще о ней узнали!?

— В общем так, Олег Викторович! — тон мужчины снова стал несколько более жестким. — Созванивайтесь с ней, встречайтесь и обо всем договаривайтесь. Чтобы завтра в 11 она

тоже была в постели. Это весьма желательно. Иначе все Ваше путешествие может с треском провалиться. Пойти прахом. И не задавайте глупых вопросов! Вы кому звонили? Ясновидящему? Так чему же Вы теперь удивляетесь? (М-да... — мысленно покрутил головой Красин. — Так-то оно так...) Теперь вот что, — тон мужчины опять неуловимо изменился и сразу сделался теперь каким-то более деловым. — По деньгам не беспокойтесь. Это Вам вообще ничего не будет стоить. Просто у Вас карта астральная очень любопытная. Мне самому интересно. Считайте, что Вам повезло.

(Н-н-да-а!.. — с еще большим сомнением подумал Красин. — Н-н-да-а!.. Бесплатно, значит, то есть даром? Карта, видите ли, у меня любопытная?.. Ну и ну! Бесплатный сыр, вообще-то, как меня учили, бывает только в мышеловке.)

Мужчина мельком глянул на Красина и чуть заметно улыбнулся:

— Ладно-ладно, не переживайте Вы так! Живы останетесь, обещаю. Вернетесь в лучшем виде и переполненные впечатлениями, к тому же. Незабываемыми! — через еле уловимую паузу с какими-то странными интонациями добавил он. — Да! И вот еще что! (Красин невольно насторожился.) Насчет Ваших будущих возможностей... — мужчина на секунду задумался. — А впрочем, не важно... Не важно! — уверенно закончил он. — Итак, Вы согласны?

— На что? — тупо переспросил Красин.

Мужчина, ничего не отвечая, все так же молча на него смотрел.

— А, ну да! Конечно, — опомнился Красин. — Конечно, согласен! Разумеется! — заторопился он.

— Прекрасно. Тогда успехов! Желаю приятно провести время, — мужчина поднялся, давая понять, что разговор закончен. — До свиданья.

— До свиданья, — поднялся и Красин. Голова у него шла кругом. Ему было о чем подумать.

3.

Придя домой, Красин в задумчивости прошел на кухню и стал готовить себе кофе. Растворимый он не признавал, так что процесс приготовления занимал у него обычно довольно много времени и давно уже превратился в своего рода священнодействие, некий ритуал.

Помолка, воду кипятить,.. потом еще надо очень внимательно следить, чтобы кофе не убежал... В общем, целое дело.

Занимался он всем этим чисто автоматически, сам же в это время не торопясь обдумывал все, только что услышанное. И чем больше он над всем этим думал, тем яснее осознавал смысл сделанного ему предложения, и все поистине сказочные перспективы, в связи с этим перед ним открывающиеся. Сразу он их как-то в целом все не охватил и не воспринял, и только теперь до него начало постепенно доходить. Конечно, многое еще оставалось не совсем понятным и представлялось пока как-то смутно — как там маг этот сказал? «на месте разберетесь»? а!.. «сориентируетесь»! — но даже то, что он уже для себя совершенно ясно усвоил...

Да-а!.. Это, я вам скажу! Да-а-а!.. Вернуться в прошлое! Это сколько ж ему тогда было-то? 19? 20?.. Нет, 21, кажется, все-таки. 3-й курс... Или нет, все-таки 20! Ну, не важно — 20,.. 21,.. какая разница!.. Интересно, а чувствовать-то я себя там буду как двадцатилетний? Ну, потенция и все прочее? А то будет, блин, «сказка о потерянном времени». Дети-старички. Может-то может, да не хочется уже давно ничего... Да нет, нет! И хочется тоже. Хочется! Ирочку-то я бы и сейчас...не отказался. Ну, ту, двадцатилетнюю, естественно... Может, конечно, разочаруюсь, когда увижу, как это всегда обычно и бывает, когда слишком уж долго чего-то ждешь и слишком сильно хочешь, но все равно... Столько времени мечтал!

Да, так насчет Ирочки. Позвонить бы ей надо. О встрече договориться. А чего, собственно, тянуть? Сейчас вот кофе попою и позвоню.

К своему удивлению, Красин обнаружил, что волнуется. Ну, надо же! Столько лет прошло. Бог мой! Да-а!.. Действительно, первая любовь не стареет. Не ржавеет!

Ну, положим, не первая. Точнее, не совсем первая. А еще точнее, совсем даже и не первая... Но наиболее запомнившаяся, так скажем. Это уж точно! Наиболее. Остальные все в основном какие-то лахудры были. Безымянные-безликие. Проходные. Все эти Манечки-Валечки, Машки-валяшки, Наталки-давалки. И сосалки. И иже с ними. Имя им легион. Ну, может, и не легион. Это уж я загнул с понтом... Так,.. для красного словца... Слушай, а чего это я тут всем этим словоблудием сам с собою занимаюсь?! Онанизмом словесным, драчу сижую? Я что, звонить боюсь?

Красин достал из кармана листок с телефоном. Та-ак... Это какой же район?.. Черт его знает. Непонятно. Ну, не суть важно. Не о том я сейчас думаю. Так что говорить-то будем? А?

«Привет, Ириночка! Это я... Ну, я, я!.. Да, да!.. Узнала? У меня к тебе предложение одно есть. Не хочешь со мной в прошлое на пару часиков сгонять потрахаться? В 20 лет?.. Ну, помнишь, когда ты меня так шикарно отшила? Ха-ха-ха!.. Ну, да, да! В тот самый день. Но только теперь уж, чтоб без обману! Как приедем, так сразу. В какую-нибудь аудиторию пустую закатываемся и... Так, как? Ты готова? В секс-турчик?.. Тогда до завтра! Позы там пока поразучивай».

Ладно, хватит шутики шутить. Значится, так. Сейчас я ей звоню, договариваюсь о встрече, встречаемся, а там уж на месте я ей все и объясняю. Что и как. И куда. Таким вот манером.

Красин только сейчас заметил, что он, за всеми этими бесконечными и бесплодными рассуждениями, раздумьями и мысленными монологами (онанлогами, блядь! перетираниями!...

переливаниями из... пустого в порожнее), выпил как-то незаметно весь свой кофе. Он в некоторой растерянности посмотрел на пустой ковшик (когда это я успел?), сел к столу и, все так же слегка волнуясь, снял трубку.

Ладно, сейчас-то чего дергаться? — успокоил он сам себя — Ромео нашелся! Пока лишь о встрече договоримся. Только и всего. Если муж возьмет — просто трубку повешу, — в последний момент решил он. — Лучше потом попозже перезвоню.

— Алло! — раздался в трубке чуть низковатый знакомый женский голос. Сердце у Красина стукнуло еще раз. Он мгновенно вспотел. Она! Голос он узнал. Сомнений не было. Она!

— Ирину Николаевну можно?

— Да, минуточку...

— Мам, тебя! — услышал он секундой позже. Так это дочь?! Ни фиги себе! Совсем взрослая уже. Голос один в один. А что, впрочем, уди...

— Да!

— Привет, Ир! — хрипло произнес Красин и откашлялся. (Сколько лет!) — Слушай, ты не удивляйся. Это тебе Красин Олег звонит. Ну, помнишь, мы вместе в институте учились? Я за тобой на 3-ем курсе еще ухаживать пытался, даже встретиться хотел? (А вдруг не помнит!? — мелькнула в голове паническая мысль.)

— Да, здравствуй...

Тон Ирочки был, конечно же, несколько удивленным, но в том, что она его сразу вспомнила, сомнений не было. Имя, правда вслух не называла, но это и понятно. Муж, наверное, где-то рядом бродит.

«Женщины таких вещей вообще никогда не забывают», — тут же припомнилось Красину совершенно безапелляционное утверждение этого таинственного колдуна-ясновидящего (в компетентности которого и в этих вопросах тоже Красин

почему-то нисколько не сомневался), и он сразу же почувствовал себя гораздо уверенней.

Непредсказуемость исчезла. Непостижимость. Аура, что ли, рассеялась... Обычная женщина. Тщеславная и любопытная дочь Евы, как и все они. Он вдруг сразу понял, как себя с ней вести и что говорить. И что все у него получится. О встрече, по крайней мере, договориться уж точно удастся. А там посмотрим.

— Ир, мне надо с тобой срочно встретиться! — уверенно произнес он. — Желательно сегодня. Лучше вообще прямо сейчас. Это для тебя самой крайне важно. Я тут по работе кое-что случайно узнал, тебя напрямую касающееся. Очень важное! Чрезвычайно! Ну, не телефонный разговор. При встрече все расскажу. Скажи, куда подъехать, и я прямо сейчас подскочу. Я на машине, — Красин сделал паузу. — Да! Ты только не говори никому о моем звонке и о нашей встрече! Ни мужу, ни детям, — спохватился он.

(А то мужа еще с собой притащит. Ума хватит! Решит, что это чисто деловое свидание, всей семьи касающееся.)

— Я и так сильно рискую, что тебе звоню. Ну, расскажу когда — сама все поймешь!

(Черт! Я тут не переборщил, часом, со своими страшными тайнами? Пожилая же женщина. Не 20 лет, поди. Перепугается сейчас. Плохо еще, чего доброго, станет. С сердечком, там... Блин! Прямо «12 стульев». Ильф и Петров. Картинка с выставки. «Союз меча и орала». Голодный Остап, чуя уже запах денег, вдохновенно инструктирует заговорщиков. «Полная конфиденциальность!.. Все должно быть тайно!.. Это в ваших же интересах!.. Крепитесь!..» Тьфу! Опять цитаты пошли? Решил же!..)

— Ну,.. не знаю... — услышал он неуверенный голос Иры. — Ну, хорошо... давай... А что все-таки такое?

— Ир, не телефонный разговор, ей-богу! — Красин уже чувствовал себя полным хозяином положения. — Встретим-

ся, и все поймешь. Да ты не волнуйся, ничего страшного, — смилостивился-таки все же он. — Наоборот! Просто очень важная для тебя информация. Для тебя лично. Сюрприз в какой-то мере.

— Ладно, — видимо, приняла для себя окончательное решение Ира. — Можешь к метро «Свиблово» через час подъехать? (А!.. Так вот она, оказывается, где живет! В Свиблово.)

— Да, конечно. Там один выход?

— Нет, кажется, два...

(Ира принялась было путано объяснять, где она будет стоять, но Красин почти не слушал. Да какая разница? Найду. Что там, миллион выходов, что ли? Не у одного, так у другого.)

— Ладно, Ир, ты лучше стой прямо возле выхода, любого, и я тебя сам найду. Хорошо?

— Ну, хорошо, — сразу же легко уступила женщина.

(Натиск!! Быстрота и натиск! Залог успеха! Старинный и безотказный рецепт для взятия женщин и крепостей. Штурм!! Черт! И чего только я тогда, на 3-ем курсе, с ней цацкался? Подхватил бы вот так же в охапку, да и... Э-хе-хе... Эх, молодость, молодость! Ну да, ничего! Даст бог, еще наверстаем. Все у нас с ней еще впереди. Мы еще!..)

— Значит, через час! — все так же напористо продолжил Красин, развивая и закрепляя свой успех. — Это сколько будет?.. Сейчас двадцать минут четвертого. Значит, давай ровно в полпятого. Договорились? Ровно в полпятого, у выхода.

— Хорошо. Я буду одета...

— Ириш! — галантно перебил даму Красин. — Я тебя и так узнаю. В чем бы ты ни была одета.

— Ну, хорошо! — окончательно растаяла явно польщенная собеседница. — Посмотрим! Пока.

Красин подождал, пока Ира не повесит трубку, и только после этого положил трубку сам. Он чувствовал необычный душевный подъем. Все прошло на удивление легко и гладко!

Да я просто ловелас какой-то! — с шутливой гордостью подумал он. — В два счета бабца окрутил. О встрече уболтал. По ушам проехал. Черт! Чего ж я своими-то ушами раньше хлопал?

Позвонил бы ей вот так же лет двадцать назад, наплел с три короба, выманил на встречу, а там уж... Дело техники.

Все так просто, оказывается! Эх, лопух ты, лопух! Лопушина. Лопушишка. Сколько времени зря потерял!.. Хотя, с другой-то стороны, может, оно и к лучшему. Может, и не зря... Что бог ни делает!..

Ладно! Поживем-увидим! Побриться еще надо успеть. Некогда тут рассусоливать, сидеть, опять драчить. Что есть, то есть.

«Отставить разговоры! Вперед и вверх! А там!..» А там видно будет. Что бог даст! Вперед!!

4.

Ирочку Красин узнал сразу. Пожилая, поблекшая, пополневшая, но это все-таки несомненно была она.

Да-а-а!.. — с какой-то безнадежной грустью подумал он. — Я, наверное, так же со стороны выгляжу...

Ему даже подходить как-то страшно стало. Впрочем, он тут же вспомнил, что именно собирается ей предложить, и приободрился. Ключет! Конечно, ключет! Куда она денется. И значит, уже завтра ночью я ее... «Вчера, с божьей помощью, выебал наконец Керн,» — пришла ему вдруг на ум известная неприличная строчка из скандального письма Пушкина.

Гм... Вот и я, будем надеяться,.. завтра,.. с божьей помощью... Наконец-то. Н-да... Ну, посмотрим. С божьей помощью, оно, конечно... Кого угодно выебать можно. Н-да... Ну, подхожу, что ль? С Богом! «Отставить разговоры!»

Красин вылез из машины и решительно направился к одиноко стоящей Ирочке. Та не обращала на него никакого внима-

ния, пока он не подошел к ней совсем близко, почти вплотную. Она его явно не узнавала.

— Привет, Ириш! Не узнаешь? А вот ты совсем не изменилась, — преувеличенно-бойко приветствовал он свою несостоявшуюся некогда пассию, ныне уже порядком потертую, потрепанную жизнью и потускневшую.

Грузная немолодая женщина, к которой были обращены эти сакраментальные слова, некоторое время растерянно в него всматривалась, пока наконец неуверенно ни произнесла:

— Олег?..

— Да, он самый! Что, так изменился? — криво усмехнулся Красин.

(Н-да... То, что она его так явно не узнала, было неприятно... Очень неприятно... Весьма! Что и говорить. Хм... Неужели ж я так же со стороны выгляжу?.. как она? Если даже еще не похуже, наверное, ее-то я все-таки сразу узнал! Н-да-а... Как, блин, с ней о сексе-то разговаривать? Даже неудобно как-то... Язык просто не поворачивается. Да у нее, небось, глаза на лоб полезут! Когда я с ней об этих глупостях речь заведу. Обидится еще!.. Она уж, наверное, и забыла, как это делается. И зачем. И что это вообще такое. У нее, небось, заросло там все. Мхом. Паутиной. Ладно, посмотрим сейчас.)

— Ладно, Ир, пойдем, в машине поговорим, — не дожидаясь ответа, бросил он, махнул рукой в сторону своей машины и пошел чуть впереди, увлекая за собой женщину. Та послушно двинулась вслед за ним.

Сев в машину, Красин немного помедлил, глядя перед собой и собираясь с мыслями, пожевал губами и только потом повернулся наконец к сидящей рядом женщине.

— Ну, прежде всего, Ир, я должен перед тобой извиниться, — спокойно начал он. — Ничего я про тебя сверхважного и сверхтайного не узнал. Это я слукавил слегка. Чуть-чуть. Са-

мую малость. Специально придумал, чтобы тебя на эту встречу выманить, — женщина шевельнулась, и он торопливо продолжил. — Но дело у меня к тебе тем не менее действительно есть! И очень серьезное. Выслушай меня внимательно, и все поймешь.

(Он понял, что начал беседу не совсем удачно — путано, многословно — и чувствовал нарастающее беспокойство сидящей рядом женщины. Ирина Николаевна, похоже, вообще начала уже раскаиваться, что села к нему в машину. «Специально придумал!.., выманил!..» Что все это значит? Чего ему вообще от нее надо? Что он тут затевает? Уж не маньяк ли это какой-нибудь? Кто его знает, чем он тут все эти годы занимался! А теперь свалился как черт из табакерки на ее голову!

В общем, все складывалось как-то не так. Надо было срочно что-то делать. Что-то менять. Красин решил не тянуть больше, а сразу брать, как говорится, быка за рога. Форсировать события и переходить к сути дела.)

— Слушай, Ир, ты в колдовство веришь?

— Что? — замерла женщина и посмотрела на него с еще большей опаской. Теперь уже как на явного сумасшедшего. К которому черт ее дернул залезть в машину.

— Слушай, да не бойся ты! — возможно более убедительным и рассудительным тоном произнес Красин. — Никакой я не псих и не сумасшедший. Нормальный человек. Я просто спрашиваю: ну, веришь ты в колдовство, в приметы, в магию?.. Ну, все же хоть немного верят. Обычный вопрос. Ничего особенного. Чего уж ты прямо так... напрягаешься? Так веришь?

— Ну, не знаю... — все еще настороженно протянула Ира. — Ну, верю, наверное... В приметы верю. А прочему ты спрашиваешь?

— Видишь ли, Ира, — уже спокойнее произнес Красин, — я вчера позвонил по объявлению в газете. (На фиг я ей соврал? Я же сегодня звонил? Ну, не важно.) «Колдовство и ясновидение».

— И что? — с невольным интересом переспросила Ира.

— Представляешь, он меня сразу по имени-отчеству назвал, колдун этот! Хотя я не представлялся. Я просто номер по объявлению набрал, а он мне сразу говорит: «Здравствуйте, Олег Викторович!»! Можешь себе такое представить?

— Что, правда? — с еще большим интересом и с загоревшимися глазами опять переспросила Ира.

Она, похоже, почти уже совершенно успокоилась и теперь явно заинтересовалась происходящим.

Истинная дочь Евы. Легкомысленная и любопытная. «В любом возрасте», — глядя на нее, с невольной иронией подумал Красин.

— Да я сам чуть не обалдел! — постарался еще больше подыграть ей он. — Рассказал бы кто — не поверил! В общем, встретились мы с ним, он у меня прямо в соседнем доме находится, представляешь? — и он мне тако-ое предложение сделал! Закачаешься. Путешествие в прошлое!

— Как это: путешествие в прошлое? — зачарованно переспросила Ира.

Перед Красиным сидела маленькая девочка, слушающая с раскрытым ртом волшебную сказку про доброго волшебника.

— Так! Путешествие в прошлое. Правда, всего только на несколько часов. Я выбираю любой день в прошлом, и он меня туда переносит. Ну, то есть я нынешний оказываюсь в том дне и в том своем молодом теле. Причем он меня заверил, что все, там происходящее, здесь никак не аукнется. То есть словно в каком-то параллельном мире будет происходить. Так что даже, если погибнешь там — просто проснешься здесь, и все!

(Красин чувствовал, что говорит по-прежнему сбивчиво и сумбурно, да и «погибнешь» зря он сюда приплел, но решил, что теперь уже не важно. Ничего страшного. И так сойдет. Главное, что слушает. И бояться перестала. Переспросит, если что. Да

и как тут последовательно говорить? Тема такая, что сам черт ногу сломит! Он и сам-то, если честно, не до конца еще во все это верил и не все понимал.)

— Вот... — Красин попытался собрать разбегающиеся в разные стороны мысли. — Да, так вот! Я выбрал тот день, когда я тебе свидание пытался назначить, — Ира изумленно на него взглянула. — Ну, да. Чего ты удивляешься? Меня больше никогда в жизни так не отшивали! — невесело хохотнул он. — Запомнилось. Ну, в общем, короче, выбрал, и выбрал! Чего там говорить, отчего да почему! — он старался ерничаньем сгладить возникшую неловкость. Ира молчала.

— Не мог я тебя забыть! Все эти годы, — вдруг неожиданно сам для себя тихо произнес он и опустил глаза. — Да... Все время вспоминал потом. Всю жизнь. Да... Ну, так вот, — снова собрался он с мыслями. — Колдун этот мне и говорит. Если вы хотите в этот день отправиться, вы сначала встретитесь с той девушкой, — ну, с тобой! — и договоритесь с ней обо всем предварительно. Предложите ей тоже туда отправиться, вместе с вами. Поэтому-то я тебе и позвонил. Чтобы все заранее согласовать. А чтобы ты наверняка пришла — пришлось тайны все эти страшные напридумывать. Мадридского двора. Ну, а чего было делать? Встретиться нужно было позарез — а вдруг ты откажешься? Надо было действовать наверняка. Короче, все это неважно! Чего мы о чепухе говорим! Давай лучше о главном, — он заставил себя поднять глаза .

Ира все так же смотрела на него в упор и молчала.

(Ладно, хватит дурака валять! — вдруг неожиданно разозлился Красин. — Комедии все эти любовные разыгрывать. Пастушечьи пасторали. «Ах-ох!...» Дафнис, блядь, и Хлоя. Мальчик — девочка.

Чего я тут млею перед ней, как сопливый мальчишка? Чуть ли не упрашиваю. Да это она должна меня упрашивать, если уж

на то пошло! Такое предложение!.. А я тут, видите ли, мнусь-смущаюсь! Ломаюсь, блядь, как мятный пряник. Как будто это мне от нее что-то надо. Да бога ради! Да — да, нет — нет!)

— Так, *как* ты, согласна? — уже твердо закончил он, тоже глядя на Иру в упор и не отводя глаз. Да не захочет — не надо! Можно в конце концов и с той, двадцатилетней, с ней попытаться договориться. Там, на месте. Так сказать, не отходя от кассы. «С божьей помощью!» Как Александр Сергеевич советовал.

Ира мигнула. Кажется, весь предыдущий рассказ Красина она прослушала просто как некую красивую романтическую историю про любовь. Страстную и безответную любовь к ней ее бывшего поклонника, пронесенную им сквозь годы. Историю, хоть и прекрасную и замечательную, но к ее нынешней реальной жизни никакого прямого отношения не имеющую.

И теперь этот его простой, ясный и совершенно конкретный вопрос застал ее абсолютно врасплох.

Красин отлично почувствовал и понял эту ее заминку и сразу же принялся горячо убеждать.

— Послушай! Ты на несколько часов снова станешь двадцатилетней! Представляешь? Ну, вот, просто представь себе это на секундочку. Молодой! То есть вот ты, теперешняя, переселяешься в свое молодое, двадцатилетнее тело! Во время сна. Заснешь завтра вечером, как обычно, и попадешь в тот другой мир. Причем, что бы там с тобой ни случилось, здесь это на тебе никак не отразится! Ты в любом случае проснешься утром, как всегда, в своей квартире, в своей кровати, рядом с мужем.

(Поскольку Ирина Николаевна на это его замечание никак не отреагировала, Красин понял, что так оно и есть, спит она действительно до сих пор с мужем. С этим... как его?.. Любит, значит! Ну-ну!.. Будем надеяться... «С божьей помощью»...)

— Ну, словом, путешествие во времени! — энергически закончил он. — Как в кино. Бесплатно и ничем не рискуя. Плю-

сов море — такие ощущения! — а минусов вообще никаких! Ну?.. Согласна?..

По заблестевшим и широко раскрывшимся глазам немолодой женщины Красин понял, что она, наконец, стала осознавать, о чем именно сейчас идет тут речь.

— Даже не знаю, что сказать, — медленно и недоверчиво произнесла она. — Так ты это серьезно? Ты во все это веришь?

— Послушай, Ир, какая разница? Веришь, не веришь... Не все ли равно? От тебя же ничего взамен не требуют? Ну, не получится — заснешь и проснешься, как обычно. Только и всего. Все, что мне от тебя надо, это чтобы ты завтра спать легла не позже одиннадцати и чтобы ночью тебя по возможности не будили. Лучше вообще телефон отключи. Вот обеспечь эти условия — и все! А остальное уж тебя не касается. Ничего больше от тебя не требуется.

— Ну, хорошо, хорошо!.. — засмеялась Ира. — Ладно, договорились. Если уж ты так настаиваешь.

Поскольку последнее ее шутливое замечание было произнесено тоном, явно более игривым и фамильярным, чем все предыдущие, то Красин наконец решился.

— Ну, естественно, настаиваю! — с такой же шутливой фамильярностью подхватил он и даже подмигнул слегка с улыбкой глядящей на него Ире. — Я же не просто так. У меня же на то свои причины есть!

— Да? — все так же, даже и еще чуть-чуть более игриво переспросила Ира. — И какие же?

— (Какие-какие!.. А то ты не понимаешь! «С божьей помощью»!) Ну, я надеюсь, что ты меня там опять так же не отошлешь, по крайней мере! Чего я туда лечу, чтобы ты меня опять послала, что ли? Я же не мазохист какой-нибудь!

— А зачем ты туда летишь? — кокетливо взглянула на него Ирочка. Тон ее стал еще более доверительно-фамильярным.

(Ага! Дело, кажется, идет на лад! — подумал с радостью Красин. — «Лад», кстати сказать, это «дал» наоборот. Почти — «дала». Без одной буковки. Именно! Почти дала! Почти прямой вопрос. Все она уже прекрасно понимает! — мелькнуло у него в голове. — Мы с ней, по сути, почти открытым текстом уже разговариваем. Почти уже обо всем договорились. Почти дала!

Хотя, с другой стороны, что значит: «дал наоборот»? — вдруг неожиданно сообразил он. — «Дело идет на лад». К ладу. К «дал наоборот». В смысле, «дала». «Дала наоборот». Это еще что такое? То есть не дала ни черта, что ли?.. Или дала, но наоборот? С обратной, блядь, стороны!.. А если, между прочим, «на» отдельно поставить, то вообще — с двух сторон получится. «Дала на оборот». Сначала с одной стороны дала, а потом оборотик такой совершила, перевернулась — и с другой дала... Тьфу ты! Что за чушь в голову лезет! Ересь лингвистическая. Это у меня от волнения. От-т!.. Волнения! Волнуюсь, прям, как мальчик пятнадцатилетний. Который первый раз девочку дать упрасивает. «Девочку», блядь! На оборот.)

— **Мы** туда летим! **Мы!** — с нажимом подчеркнул он. — Ну, представь: мы оба молодые, двадцатилетние... Причем колдун этот сказал, что и чувства и желания у нас там будут, как у двадцатилетних. С этим все у нас тоже будет в полном порядке.

Красин сделал выразительную паузу и совсем уже откровенно посмотрел на Ирочку. Ирочка по-прежнему многообещающе улыбалась и против такого его тона и поведения явно не возражала.

(А может, она мне и здесь даст? — внезапно осенило Красина. — Предложить ей прямо отсюда ко мне поехать!.. Коньячок дома есть... — он заколебался. — Да нет, не стоит, — решил он все-таки потом. — Испорчу только все, чего доброго. Испугается еще. Зажмется. Потом опять два часа уговаривай.

Да и желания-то особого в общем-то нет. Опозоришься тут... Короче, и не *стоит*, и не *стоит*. Все ясно. Логика железная. *Стоит*, только когда *стоит*.

Так что лучше уж ее там, в том мире поиметь. Когда и у меня все стояло, и она того стоила.

Когда она молоденькая еще была. Свеженькая. Новье! Свежачок-с. А сейчас что! БУ. Секонд хенд. Повторная утилизация.)

— И никто никогда ни о чем не узнает! — привел он в заключение свой самый главный и решающий довод. — Ну!?!.. Представляешь?

— Ну-у... не зна-аю... — капризно, как ребенок, надув губки, протянула Ирочка, искоса на него взглянула и слегка прищурилась.

Взгляд ее был настолько откровенным и каким-то мечтательно-оценивающим, что Красина даже в жар бросило. Он вдруг почувствовал, что у него эрекция, и, более того, ему показалось, что и Ирочка это отлично заметила, и ей это сейчас отнюдь не неприятно. Даже наоборот. Нравится. Льстит ее женскому самолюбию. Вообще Красин неожиданно сообразил, что он как-то перестал замечать возраст своей бывшей несостоявшейся возлюбленной. Она словно бы помолодела вдруг прямо у него на глазах. Без всякого колдовства. Перед ним опять сидела та самая двадцатилетняя девочка, красивая и желанная.

(Черт! Может, все же попробовать? — снова молнией пронеслось у него в голове. — Взять сейчас и предложить!..)

— Знаешь, Ир, — все так же откровенно глядя прямо ей в глаза, медленно сказал он, — я вот смотрю на тебя сейчас и снова вижу ту, двадцатилетнюю девочку. Таковую же молодую и красивую. (Женщина зарделась. Ей было явно приятно это слышать.) Как будто и не было этих лет.

Может, у нас и здесь что-нибудь получится? А? Потом,.. после свидания в том мире? Как ты думаешь?

— Н-не знаю... — как-то знойно, томно, обволакивающе произнесла женщина и медленно пожала плечом.

Красину почему-то показалось, что она слегка разочарована. Дьявольщина! Как был я рохлей, так им и остался. Надо было ее прямо сейчас к себе в постель тащить. А не менжеваться тут. А в том мире — уж само собой!

— Ладно, подождем до завтра, — резюмировала Ирочка, несколько насмешливо поглядывая на своего сидящего в соседнем кресле кавалера. (Красину даже стыдно под ее взглядом стало. Взрослый мужик! Сидит, ерзает и слюни пускает. «Ну, что еще надо сделать! Может, он потому туда и летит, что ему здесь никто не дает?») — А там видно будет. Давай, выпускай меня, пойду я. (Красин безропотно поднял кнопку блокировки дверей.) А то дома волноваться начнут. Я сказала, что вернусь через час.

— Ну, значит, завтра в 11 ложись спать, — еще раз напоследок проинструктировал женщину Красин. — А лучше, и еще раньше. И телефон не забудь у себя в спальне отключить.

— Хорошо. Я все поняла. Ну, пока.

— Пока. Да! Так давай, я тебя до дома довезу! — спохватился он.

— Нет, не надо, не надо! — Ирочка уже открывала дверь. — Я сама доеду. Тут рядом.

— Ну, смотри.

— Ладно, до свиданья.

— До завтра. Надеюсь!

— Пос-мот-рим! — Ирочка последний раз ободряюще-кокетливо ему улыбнулась и вышла из машины. Красин некоторое время наблюдал за ней, как она отходит от машины, идет к автобусной остановке...

А ножки-то у нее ничего! — с удовольствием отметил он. — Да и попка... Очень даже ничего. Да и вообще... Не зря я на нее в свое время глаз-то положил. Товар первый сорт. Экстра. Эксклюзив! Жаль, конечно, что все так глупо тогда получилось. Впрочем, она-то здесь причем? Это я во всем виноват. Вел себя, как последний кретин. Как убогий какой-то.

Сю-сю-сю!.. Чего она, интересно, вообще обо мне тогда подумала? Надо будет спросить при случае.

«Мы с ней так смеялись!» — тут же вспомнились ему слова ее будущего мужа, и он почувствовал, как горячая краска стыда заливает ему лицо.

Ладно, блядь, разберемся. С этим уродом мы ведь там, кстати, тоже встретимся! — вдруг сообразил он. — Прекрасно! Вот и пообщаемся. Поближе. Потеснее. А то мы тогда чего-то так и не договорили. В общем, поглядим еще, «кто из нас запоеет, кто заплачет». И кто в итоге будет смеяться последним.

5.

Весь следующий день Красин провел как в чад. Время остановилось. Казалось, эти проклятые 11 часов вообще никогда не наступят.

— Что это с тобой? — участливо спросила его жена. — Какой-то ты сегодня не такой.

— Да чувствую себя что-то неважно, — привычно отмахнулся он. — Давление, наверно, скачет. К перемене погоды.

— Я вот тоже вчера плохо себя чувствовала. Какие-то магнитные бури еще сейчас, говорят... — завела свою бесконечную шарманку жена, но Красин ее уже почти не слушал.

За долгие годы супружества он давно уже научился в таких случаях сразу же отключаться и потом лишь эпизодически «отмечаться» и напоминать о себе всякими там тягуче-неопределенными: «Да-а!..», «Поня-ятно...», «Я-ясно...» и т. п. Для поддержания плавного течения беседы с женой этого было обычно более, чем достаточно. Большого никогда и не требовалось.

Уже ближе к половине одиннадцатого Красин стал укладываться спать. Жене, самой собой, вздумалось именно сегодня посмотреть вдруг телевизор. Какую-то там чушь, то ли клоунадку, то ли викторинку. Шоу, блядь, короче. Из жизни счаст-

ливых имбецилов. Красин закатил по этому поводу самую настоящую истерику. Он был настолько взвинчен и возбужден, что жена даже испугалась.

— Да что с тобой сегодня!?

— Ну, чувствую я себя сегодня плохо!! Голова болит. Хочу спать пораньше лечь! Можешь ты это понять?! Можешь?! И не буди меня сегодня ни в коем случае!! Не вздумай! Я таблетку на ночь выпил. Поняла?!

В конечном итоге ровно в 11 часов он уже был в постели. Жена тихо посапывала рядом. Она, кажется, вообще сразу отрубилась, как только голова ее коснулась подушки...

Странно... — удивился Красин. — Обычно она еще полчаса ворочается, как минимум, — заснуть не может.

Он опять прислушался к ее ровному сонному дыханию и недоверчиво хмыкнул: «Действительно спит! Замечательно, конечно, но как-то странно. Что, чудеса уже начались?» — мысленно спросил он напоследок с иронией у своего нового знакомого — колдуна-ясновидящего, и закрыл глаза.

II.

«Корабли в моей гавани.
Не взлетим — так поплаваем.
Стрелки ровно на 2 часа —
Назад!»

*Современная
эстрадная песенка*

1.

Олег Красин, двадцатилетний студент-третьекурсник одного из престижных московских вузов, торопливо догонял быстро идущую впереди тоненькую рыжеволосую девушку в развева-

ющемся на ветру платьице. На улице было тепло, почти жарко — соответственно, и одет был Олег по-летнему. Рубашка с короткими рукавами, какие-то, допотопного фасона тонкие летние брюки и такие же немыслимо-архаичные легкие туфли.

Ну, и видок у меня! — подумал Олег Викторович, пробежал по инерции еще несколько шагов и вдруг, остановившись как вкопанный, начал в каком-то почти болезненном недоумении себя рассматривать и ощупывать. Он даже про идущую впереди девушку забыл. Впрочем, с ней в этот момент творилось, судя по всему, приблизительно то же самое. По крайней мере, вела она себя абсолютно так же точно, как и он. Как какое-то зеркальное отражение. Тоже вдруг резко остановилась и в какой-то явной растерянности недоверчиво осматривала и даже ощупывала себя.

В голове у Красина творилось нечто невообразимое. Как у Кисы Воробьянинова при виде своих стульев на витрине в комиссионке. Там били колокола и играли фанфары. Словно он выиграл неожиданно в лотерею миллион долларов и теперь вообще потерял на время от радости способность соображать. Нет-нет! Он все прекрасно помнил: колдуна, все его объяснения,.. все прекрасно понимал: где он, зачем, как и почему здесь оказался; но одно дело просто абстрактно, чисто умозрительно что-то понимать, и совсем-совсем другое — наяву чувствовать! Все эти новые ощущения, сразу, мгновенно, без подготовки обрушившиеся на него, с головой его захлестнувшие: ощущение свободы, силы, молодости! — все они были настолько неожиданными и яркими, что буквально ошеломили, ослепили его! Сбили с ног!

Захватили врасплох! Он, кажется, даже шатался как пьяный.

Наконец он пришел хоть немного в себя и поднял глаза на стоящую в нескольких шагах от него Иру Беляеву. Та держала в руках маленькое зеркальце и напряженно в себя всматривалась.

— Красивая, красивая! — вполголоса шутливо заметил Красин, подходя к девушке. В том, что это именно та Ирочка, с кото-

рой он вчера встречался, он практически не сомневался. Все поведение стоящей перед ним девушки совершенно неопровержимо о том свидетельствовало. Абсолютно. Ясно и недвусмысленно.

— Ну и как? Впечатляюще?

— Эт-то?..

— Я-я! — улыбаясь во весь рот, подтвердил Красин. — Привет из будущего!

— С ума сойти! — прошептала девушка и откровенно пробежалась по нему взглядом. — Это действительно... вы?

— «Ты», «ты»! Ты забыла, сколько нам лет? Да и мы же, вроде, вчера еще только на «ты» были?

— Да... Но все это настолько невероятно, что я никак в себя придти не могу. Так я что, сплю сейчас в том, реальном мире?

— Да, спишь. Я же все вчера тебе объяснял. Ну, позавчера!.. Помнишь?

— Да, помню, конечно, но... Я так до конца во все это и не верила, если честно...

— Если честно, я и сам до конца не верил, — признался Красин. — Как в такое можно поверить!? Но, как видишь...

— Д-да.

(Долго мы еще тут дакать стоять будем?! — раздраженно подумал Красин. — Время пошло. Тут каждая минута, каждая секунда на счету, на вес золота, а мы стоим болтаем! Как будто там не наболтались еще. «Ближе к телу!» — как говорил Ги де Мопассан. Время — деньги!)

— Слушай, Ир, — пристально глядя прямо в глаза девушке, как тогда в машине, с расстановкой произнес он. — Мы теряем время. Драгоценное. А у нас его не так уж и много. Всего-то пара часов. Единственные в жизни! Которые больше никогда не повторятся. Никогда!

— Я тебя что-то не совсем понимаю, — покраснела и даже чуть-чуть отодвинулась та. — И я тебе, кажется, ничего не обещала.

(Красин даже растерялся на секунду от такого ее нахальства. А потом почувствовал медленно поднимающуюся злость.

Ни фиги себе!! Нет, ну, ни фиги себе! Как это «не обещала»!?

Она что же, кинуть меня решила? По второму разу? «Я, видите ли, тебя не понимаю»! Вчера, блядь, все прекрасно понимала, а сегодня нет! Это что же такое делается-то? Что это еще за штучки? Я сюда что, специально за этим из другого мира притащился? И эту суку сюда притащил. Чтобы меня еще и здесь, по второму разу кинули?! Для полного, так сказать, счастья.

Ну нет, дорогуша, второй раз этот номер у тебя больше не прокатит! Мне, слава богу, теперь не 20 лет. Так что давай-ка... «С божьей помощью»!..)

— Ах, ты не понимаешь?.. И ничего не обещала?.. — насмешливо переспросил он и окинул девушку совершенно недвусмысленным и откровенно-раздевающим взглядом. Та еще больше покраснела и еще немного отодвинулась. — Не ожидал я от тебя этого, честно говоря, не ожидал... Мы же, вроде, вчера до всего договорились? И все ты, как мне показалось, прекрасно понимала? Так, значит, я ошибся?.. Жаль, очень жаль... Ах, как жаль! Ну, что же, извини тогда! — совсем уж издевательски закончил он и даже скорбно покачал головой. — Жаль, конечно, что все опять так получилось, по второму разу, но что ж поделаешь! Извини.

Ира холодно посмотрела на него, как на пустое место, молча повернулась и пошла прочь по улице.

(Ну, ни хуя себе! — потрясенно подумал Красин. — Она что, собирается просто так вот взять и уйти? И это в благодарность за все, что я для нее сделал!? Сюда притащил! Нет, ну, ни хуя себе!)

— Минуточку, Ирина Николаевна, одну минуточку! — окликнул он быстро удаляющуюся от него девушку. Та в ответ лишь ускорила шаги.

(Ну-у, су-ука!.. — снова поразился Красин. — Ну, явно ж собирается просто удрать, и все! Просто кинуть меня, как последнего лоха. Это ж надо!)

— Да не бегите Вы! — опять громко крикнул он ей в спину. — Никуда Вы здесь не убежите! Вы же ничего про этот мир не знаете. Я ведь Вам вчера не все еще порассказал. Кое-что и про запас оставил. На всякий, так сказать, пожарный. И, как выяснилось, не зря! Вот и хочу сейчас кое о чем предупредить.

Девушка вздрогнула и остановилась. Потом медленно, словно через силу, повернулась лицом к Красину и вопросительно на него уставилась.

Тот неторопливо к ней приблизился, нагло ухмыльнулся прямо в лицо и все так же наставительно-издевательски произнес:

— Ну, куда ж Вы так спешите, уважаемая Ирина Николаевна? Я же еще не кончил.

Он снова ухмыльнулся, теперь уже этой своей невольной шутке. Ирочка, похоже, ее тоже отлично поняла, и лицо ее закаменело.

(А она ведь мне вообще давать не собирается! — окончательно сообразил наконец Красин. Он все никак не мог поверить в происходящее и в поистине дьявольское коварство стоящей перед ним женщины. «Женщины», блядь!.. Змеи подкольной! — Ни под каким видом! И прямо-таки оскорбленную невинность передо мной тут разыгрывает. Девочку-недотрогу из себя корчит! Недотраха. Нет, ну, каково!! Это нечто!)

— Так вот, милочка! Если Вам что-то здесь, в этом мире, не нравится, то я Вас с превеликим удовольствием верну назад, в будущее. Прямо сейчас! Как Вам такой вариант? Я это могу сделать в любой момент.

Ирочка побледнела и отшатнулась. Удар попал точно в цель. Возвращаться назад ей явно не хотелось. Некоторое время она смотрела на Красина во все глаза, словно пытаясь на лице его

прочитать, правду ли он говорит, потом прошипела, как разъяренная кошка: «Я тебе не верю! Это ты все сейчас придумал. Чего ж ты мне вчера тогда ничего не сказал?»

(Ну, су-у-ука!.. — в очередной раз поразился Красин. — Так она что же, еще вчера весь этот вариант придумала? С самого начала? Кинуть меня под любым предлогом и убежать. Обидеться, там, на что-нибудь... А со мной вчера специально в машине заигрывала. Мозги мне пудрила да глазки строила. Чтобы побольше всего выведать, что и как, и чтобы я не соскочил раньше времени.

Ну, женщины, женщины!.. А я-то, дурак несчастный, перья и распушил!.. Раздулся от гордости как индюк. Как петух индейский. «Да я ее прямо сейчас!..» «Да вон она уже поплыла, на все готовая!..» Да я!.. Да она!.. Ну и ну! Ай, да Ирочка! Ну, и стержовочка! Нет, ну, это надо же ! Ну, это уж совсем!)

— А ты проверь! — усмехнулся он, по-прежнему глядя на нее в упор, и через паузу добавил. — О! Я вижу, мы снова на «ты»? Это обнадеживает. Ну, так что?

В глазах у стоящей напротив девушки что-то дрогнуло. Секунду еще она колебалась, потом решительно произнесла: «Ладно, хорошо. Так что тебе от меня надо?»

(Ага! Понятненько. «Дам разочек, на скорую руку перепихнемся, и все. Мы в расчете». Жди!! Как бы не так!

Красин почувствовал, что в нем закипает постепенно самая настоящая злоба. Раздражало еще и то, что не было уже никаких решительно сомнений в том, что, как сексуальный партнер, он абсолютно никакого интереса для Ирочки Беяевой не представляет.

Все, что она хотела, это быстренько с ним как-нибудь разделаться и улизнуть. Это было сильнейшим ударом по самолюбию. Все те распрекрасные и расчудесные иллюзии, которыми он себя все эти годы тешил: «вел я себя глупо!..», «она растеря-

лась...», мгновенно разлетелись вдребезги. Сомневаться больше ни в чем не приходилось.

За каким дьяволом я тогда вообще сюда приперся!? Выбрал, блядь, денечек в прошлом! Колдун этот проклятый насоветовал. Ясновидящий.)

— Ты прекрасно знаешь, что мне от тебя надо, — грубо ответил он. (Хватит дурака валять! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Чего с этой стервой церемониться!) — Только ты, кажется, вообразила себе, что ты мне тут условия какие-то ставить можешь? Торговаться со мной? Так это ты брось! Об этом сразу забудь. Или будешь просто делать, что я говорю, или — скатертью дорога!

Так что выбирай. А нужна ты мне здесь только для секс-услуг. Как резиновая кукла. Сосать и ножки раздвигать, когда у меня встанет. Все! Ну? Так, как?.. И хватит из себя целку строить!! — в бешенстве заорал он, видя, как она часто заморгала, явно намереваясь заплакать. — Девочку-дюймовочку. Или прямо сейчас отсосешь у меня для начала в ближайшем подъезде, или проваливай! Ну?!

Ира явно растерялась. К такому повороту событий она, похоже, оказалась не готова. Но, к чести ее, колебалась она совсем недолго. Красин помнил ее, как девушку мечтательную и сентиментальную, но сейчас она предстала перед ним абсолютно в ином свете. Миг! — и решение было принято.

— Хорошо, я согласна! — твердо сказала она. — Я хочу остаться здесь.

— То-то же! — злорадно ответил Красин. Раздражение его все еще по-прежнему не проходило. — И вот еще что. Нечего из себя Зою Космодемьянскую разыгрывать. Идущую на муки ради великой цели. С соответствующим выражением лица. Нравлюсь я тебе или нет — делай вид, что нравлюсь. Что без ума от меня, жить без меня не можешь. Что только и мечтала всю жизнь, как бы у меня в подъезде отсосать. Чтобы я поверил.

А иначе — пеняй на себя! Надоешь — назад отправлю. Тут и других баб полно. Так что старайся не надоесть. Это в твоих же собственных интересах. Все понятно?

— Да, мой господин! — присела в шутиливом реверансе Ирочка. И нежно улыbnулась. Слезки на ее глазах мгновенно высохли.

Красин даже рот от удивления разинул. Господи ты боже мой! Это что же, все женщины такие? Свят-свят-свят! С нами крестная сила! Да это не Ирочка, а просто дьявол какой-то во плоти! Черт в юбке! Сатана. Демон-искуситель.

Красин все прекрасно понимал, знал, что она играет, хитрит, лукавит, лицемерит, и в то же время смотрел на нее и чувствовал, как в нем растет желание. Он просто не мог ему противиться. Оно было изначально заложено в нем на уровне инстинкта. Как программа в роботе. Нормальная реакция самца на призывный зов готовой к спариванию самки. Разум, здравый смысл — все тут бессильно. Противиться невозможно. Для этого надо сначала перестать быть самцом. Перестать быть мужчиной. Изменить своей сущности, своей природе.

Он подошел к девушке вплотную, пожирая глазами ее тело. На улице никого не было, и Красин испытывал совершенно нестерпимое желание к ней прикоснуться, взять за грудь, погладить по попке,..попочке... — такой соблазнительной, манящей, упругой!.., но все-таки не решился пока этого сделать. Попадешься еще по-глупому, задержат дружинники какие-нибудь, комсомольцы, блядь, отмороженные на всю голову, за нарушение общественной нравственности — просидишь потом эти два часа в кутузке. Да и отпиздят еще, к тому же, чего доброго! Будет тебе путешествие в прошлое! Полеты во сне и наяву.

Не спешить! Ни в коем случае не спешить! Надо здесь хоть для начала осмотреться слегка. Понять, что к чему. Освоиться. А потом уж и резвиться... Черт! Но хочется как! Сил нет! Молодая кровь играет. Кипит-бурлит.

Он схватил девушку за руку и буквально потащил ее за собой в первый попавшийся ему на глаза подъезд. Ира, впрочем, и не сопротивлялась. Когда в подъезде, слава богу, не было. Как только дверь захлопнулась, Красин сразу же набросился на Ирочку и принялся жадно хватать и ощупывать ее тело. Грудь,.. ягодицы... Потом одной рукой задрал ей подол платья и, весь дрожа, сунул другую руку туда,.. в глубину,.. под платье,.. между ее ног,.. в обитель грез! От прикосновения к ее телу, бедрам, ляжкам, платью, белью возбуждение его стало настолько сильным, что он почувствовал, что все! Еще одно какое-то мгновение — и он немедленно кончит! Сейчас! Сию же минуту! Прямо себе в трусы!

Он отпустил Ирочку и принялся трясущимися руками расстегивать пуговицы на ширинке. Ирочка быстро опустила перед ним на корточки, придвинулась вплотную и приоткрыла ротик.

Как только Красин сумел наконец справиться с пуговицами, она сразу же торопливо придвинулась еще ближе, схватила его торчащий из брюк, горячий, возбужденный и неестественно твердый, словно палка, член правой рукой и мгновенно направила его себе глубоко в рот. И практически в тот же момент Красин кончил. Наслаждение, которое он при этом испытал, было настолько сильным, что на несколько секунд он буквально потерял сознание. Все поплыло перед глазами, а когда он пришел в себя и опустил глаза, то увидел, что Ирочка все так же сидит перед ним на корточках и, улыбаясь, снизу вверх на него смотрит. Он ласково потрепал ее по голове, она улыбнулась чуть шире, потом опять бережно! очень бережно! почти любовно взяла обеими руками его полуобмякший уже член, тщательно облизала языком головку (ощущение было очень резким, и Красин несколько раз опять сладострастно вздрогнул) и только после этого легко поднялась на ноги.

Красин быстро привел себя в порядок, и они с Ирочкой вышли из подъезда. Все происшедшее заняло буквально пару

минут. Красин чувствовал себя в этот миг абсолютно счастливым. На седьмом небе! Парящим в каких-то волшебных облаках. Эмпиреях. Ему только что сделала совершенно сказочный минет девушка, о которой он мечтал всю свою жизнь.

2.

— Куда пойдем? В институт? — сияя весь от переполнявшего его счастья, переспросил Красин вопросительно глядящую на него Ирочку. Господи! Как хорошо! Та чуть улыбнулась и кивнула. Он быстро осмотрелся и сжал ладонью ее ягодицу.

Девушка почти не возражала. («Ну, подожди, Олег! Не надо. Люди же!..») Платье и трусики на ней были совсем тоненькие. Красин почувствовал, что на восстановление сил для новых подвигов времени ему потребуется совсем немного.

Ура! Да здравствует молодость! Этак разика два-три я еще уж точно успею! — радостно подумал он. Ему хотелось петь и кружиться на месте. Все было великолепно! Погода, настроение, Ирочка рядом. Стоит только руку протянуть. Жизнь прекрасна и удивительна!

«Вот что! Жизнь прекрасна, товарищи! И она коротка — это самое, самое главное!» — пропел, точнее, проблеял он. Слуха у него никогда не было. Голоса, собственно, тоже. Ирочка мельком на него взглянула, но промолчала. Последняя, только что самим им проблеянная фразочка его, впрочем, слегка отрезвила.

Да, кстати! Насчет «коротка». Времени-то у нас на самом деле совсем мало. Надо поторапливаться. На сокурсников посмотреть новыми глазами. Примерно зная уже, что с ними всеми дальше будет. А про некоторых так и вообще конкретно. Сашка Шабанов, вон, разобьется через год. Или Жэка из нашей группы... Черт! Неужели я их всех сейчас опять увижу? Ну, дела!

Он покосился на молча идущую рядом Ирочку. Та шла, о чем-то глубоко задумавшись. По губам ее блуждала какая-то неопределенная улыбка. Странная какая-то... То ли мечтательная, то ли... непонятная, в общем, какая-то. Чудная.

— О чем задумалась? — игриво толкнул он локтем девушку.

Та медленно перевела на него глаза:

— Как это время провести?.. — все так же задумчиво, словно про себя, будто размышляя вслух, тихо проговорила она. — Эти два часа... Единственные в жизни. Больше ведь они никогда не повторятся. Больше молодой мне уже не быть. Никогда. Ни-ког-да.

— Да-а уж... — не зная, что на это сказать, протянул Красин.

Какой-то слишком уж серьезный тон девушки его слегка озадачил. Чего это она? Хотя с другой-то стороны, если подумать, действительно? Никогда! Два часа молодости! Немыслимый подарок судьбы. И на что я его потратить собираюсь? Ирочку еще пару раз трахнуть? Высшая цель?

А на что я должен его тратить? На размышления о смысле жизни? О том, что все на свете превратно, все на свете коловратно? Так об этом я еще и дома вдоволь надумаюсь. Когда вернусь. Благо, ничем другим мне там и заниматься-то особо нечем. В моем-то возрасте. Сиди себе и думай. Хоть до посинения.

А здесь не думать надо, а делать. Делать! Молодо-зелено, погулять велено. Люби, пока любится! Еби, пока... М-да... В рифму не получается. Не поэт-с. Ну, не важно. Пока молод, в общем. Пока хочется! Пока может. Пока *стоит*. А уж потом!.. Эх, хвост-чешуя! «А то, что придется потом платить, / Так ведь это ж, пойми, потом!» Гори все потом синим пламенем! Не по две молодости жить!

Это, пожалуй, чуть ли не единственное, кстати сказать, что я за всю свою жизнь дурацкую и никчемную все-таки понял. Усвоил. Поздновато, конечно, как обычно, поздновато,.. но вот судьба дает мне еще один шанс. Снова молодым два часа по-

жить. Настроение у нее, старой ведьмы, наверное, просто хорошее было. Сыта она была по горло, до отвала. Обожралась. Сlopала какого-нибудь бедолагу, ну и раскисла. Расслабилась. Дай, думает, теперь доброе дело от скуки сделаю. Просто для разнообразия. Вот и...

Повезло, блядь, мне, короче! В лотерею выиграл. В жизненную. В первый и последний раз. Подфартило. Ну, так — живи!

Вместе с Ирккой, кстати, на пару. Вот она о том же самом, небось, сейчас и думает, бедняжечка, головку свою маленькую ломает. Как половчее этим выигрышем своим распорядиться. Подарочком, блядь, паскуды-судьбы. Даром ее, неожиданным-негаданным. «Бойтесь данайцев, дары приносящих», — сразу же припомнилась ему подходящая случаю цитатка.

Что в переводе на русский язык означает: бойтесь троянских коней, — мрачно подумал он. — А судьба-злодейка только таких обычно, тварь, и подбрасывает. Троянских. С начиночкой. С сюрпризом-с. Когда внешне-то конь и конь, а внутри пиздец сидит. И ждет своего часа. Всякие там полоумные менаиодиссеи, черти бы их побрали!

Ладно, впрочем. Плевать! У нас, у русских, и другая поговорочка на этот случай имеется. Припасена, так сказать. Мудрость веков. «Дареному коню в зубы не смотрят». Даже троянскому. Разберемся!

— Ладно, кончай грустить! — снова толкнул он Ирочку. — Долгая дума — лишняя скорбь! Думать не думать, тому же быть. Давай оторвемся там по полной, вот и все! Хоть сто лет думай, а лучше этого не выдумаешь!

Ирочка с удивлением на него посмотрела, и Красин спохватился: «Чего это я одними пословицами-поговорками загвоздил, как скоморох на ярмарке? Начитался, блядь, за свою жизнь всякой дряни! Вот она теперь из меня и прет. Отрыжка образования. Своих-то мыслей нет. Все заемные. Очень удобно!

Чуть что, сразу раз! — цитаточка-поговорочка! Шуточка, блядь, прибауточка. Чего-то у меня от всех этих мыслей мудацких опять настроение портиться начало. А такое было прекрасное!.. Завязывать надо со всеми этими думаньями. Самокопанием. Со всей этой Достоевщиной».

— Слушай! — вдруг внезапно как вкопанный остановился он, с недоверием глядя на Иру. Та тоже остановилась и с недоумением на него посмотрела.

— Ну, что? Чего ты на меня так смотришь?

— Посмотри-ка на себя в зеркало.

— Зачем?

— Посмотри-посмотри!

Ирочка пожала плечами и полезла в сумочку.

— Ничего не замечаешь?

— А что я должна заметить?

— Чего, правда, ничего не видишь?

— Да нет, вроде...

— Ты изменилась! — возбужденно заявил, почти закричал Красин.

— Стала красивее. Гораздо красивее! Вообще просто красавицей какой-то стала писаной-неписаной! Прямо как из сказки. Ирина Прекрасная. Ей-богу!

Он отступил на несколько шагов, окинул девушку восхищенным взглядом и даже языком от восторга зацокал:

— Це-це-це! Ну, у тебя теперь и фигурка! Класс! Куколка. Да ты просто богиня теперь какая-то! Венера Милосская. Афродита. Киприда. Таких вообще в жизни не бывает!

Ирочка, раскрыв от изумления рот, некоторое время его слушала, потом судорожно схватила свое зеркальце и стала жадно в него вглядываться.

— Да... Не может быть! Правда... Это и я, и не я... У меня вот здесь... И... Да! Все исчезло! Что это значит?! Что же это

такое-то!? — впилась она в Красина горящими глазами. — И фигура тоже?

— Да ты бы на ноги свои сейчас посмотрела! От ушей! — Красин вдруг подбежал к девушке и бесцеремонно схватил ее за грудь. Та от неожиданности в испуге отпрянула. — Ну, точно! У тебя какой размер груди был? Второй? — девушка, чуть смутившись, нехотя кивнула. — А посмотри, что сейчас!

Ирочка торопливо ощупала себя и подняла на Красина совершенно ошалелые глаза:

— Мама родная!

— Да ты же у нас теперь секс-бомба! — засмеялся тот. — Мне, дело прошлое, всегда казалось, что у тебя грудь немножко маловата. Ну, так,.. самую малость. А вот теперь — в самый раз. Тютелька в тютельку! Как раз то, что надо. Самое оно. Как раз, как мне нравится.

Красин немного помедлил, прислушиваясь к себе и к своим новым ощущениям, и уже более спокойно и почти задумчиво продолжил:

— Ты стала именно такой, какой я хотел всегда тебя видеть. Идеальной девушкой моей мечты. Идеальной Ирой Беляевой. Твоя внешность подстроилась под мои вкусы. Улучшилась, — он еще немного помедлил. — Но внутренне ты нисколько не изменилась. Странно... Ни на йоту! Ты именно та женщина, с которой я вчера встречался. Пардон, позавчера! Чего это я все время путаю? Второй раз уже... Да... Ты та же... Не лучше и не хуже.

— Откуда ты все это знаешь? — пораженно спросила Ирочка.

— Знаю!.. — так же задумчиво ответил Красин. — Знаю и все. Чувствую. Меня колдун этот предупреждал, что у меня какие-то новые и необычайные — ну, необычные, в смысле, — возможности здесь появятся. Вот они, кажется, и появляются.

Он так и сказал: Вы их почувствуете. Вот я их сейчас действительно и чувствую... Только мне почему-то кажется, что

это еще не конец, — после очередной паузы еще более задумчиво добавил он. — Будут и еще какие-то. Будет и продолжение.

(И только меня все это почему-то совсем не радует, — продолжил он уже про себя. — Черт его знает, почему. Не радует вот — и все! Душа чего-то ноет... Мозжит.

К чему все эти фокусы? В какие игры тут со мной играют? Казалось бы, чего уж проще? Если она внешне так легко изменилась — то пусть бы и внутренне под меня подстроилась. Влюбилась бы в меня как кошка и бегала бы сейчас за мной на веревочке, в рот мне смотрела.

Однако нет! Внутренне она такой же точно стервой как была, так и осталась. Даже еще хуже стала. Опаснее. Суперкрасивой стервой. Суперстервой. А это вообще гремучая смесь! Атомная секс-бомба. Нейтронная, блядь. Убивающая все живое в округе. Ни у кого после нее даже и не шевелится!

Хотя, впрочем, мне-то что? Куда она от меня денется? Она же по-прежнему боится, что я ее назад отправлю. А сейчас еще больше бояться будет, собственными глазами увидев, какой я тут, оказывается, великий и всемогущий. Воочию, так сказать, узрев.

А кстати, могу я ее, действительно-то, назад отправить?.. Хрен его знает! Может, и могу. А может, и нет. Не разберу пока. Да ладно! Никуда она от меня не денется. Это ясно.

Да и вообще! Должно же быть у нее ко мне хоть капелька признательности, благодарности, что ли, в конце-то концов! За то, что я ее раскрасавицей такой сделал. Совесть-то у нее есть?.. Хотя, какая у этих баб совесть?! Накладные ресницы у них вместо совести. Надеваются и снимаются по мере необходимости...

Ладно, не о том я сейчас думаю. Не о том! Что-то там еще такое было... важное... Что-то такое... Что-то мне еще колдун этот из булочной говорил. Ясновидящий, блядь, этот. Или предупреждал... Предостерегал... Что же,.. что же?..

А, да! «Будьте повнимательней с этими своими новыми возможностями!» Или «поаккуратнее»?.. Ну, не помню, не суть важно. Что в лоб, что по лбу! Ну, и чего? Что сей сон значит? Что значит «повнимательней-поаккуратней»?.. Так, может, зря я тогда Ирку-то такой мисс мира сделал? На страх всем местным комсомолისტкам. Она меня и в своем прежнем виде в общем-то вполне устраивала... Если уж на то пошло...

Как же она теперь домой-то поедет? Опять в старуху превращаться из Ирины Прекрасной? Из богини. Женщины же к таким вещам крайне болезненно относятся...

Хотя, а я-то тут причем? Это же независимо от меня все случилось. Я тут ни сном, ни духом. Вообще не при делах... Или все-таки «зависимо»?.. Сам же хотел?.. И вот, пожалуйста. Кушать подано!

А, черт!! Ничего я уже не понимаю! Во всех этих, блядь, ваших психологических закидонах и хитросплетениях. Головоломках ваших мудацких. «Зависимо!..», «независимо!..» «Хотел!..», «не хотел!..» Да пошли вы все со своими всеми этими колдовскими штучками!! Да, хотел! Хотел!!! Ну, и что? Дальше-то что?!

Я человек простой. Мне такая Ирка больше нравится. Когда у нее размерчик побольше и ножки постройнее. Не говоря уже обо всем остальном. Мне ее такую трахать будет приятнее. И все! Точка. А остальное мне до лампочки. До фонаря!! Больше меня ничего не касается! Не колышет!! Все мне здесь по хую! И до пизды. У меня секс-тур!

Ну, или давайте у нее у самой сейчас спросим? Рада она, что красивее стала, или нет? Ну, давайте, давайте! «Ирочка, лапочка, может, ты опять подурнеть хочешь, чтобы переход потом не слишком уж резким был? А?.. Так это пожалуйста!»

Короче, по обоюдному согласию! И ей лучше, и мне. Вопрос закрыт. Я абсолютно прав. Прав!!.. Черт! Но почему же я себя так гнусно тогда чувствую?.. Будто ребенка обманул. Сердце что-то ноет...

«Сердце»!! Чего я сам тут стою ною, ты мне лучше скажи!? Ну, что я за человек такой! Ни рыба, ни мясо. Химера какая-то. Как там у нее?.. Голова льва и туловище козы?... Или наоборот?.. А, не помню! Козел, в общем, с львиной гривой. Из бабы конфетку сделали, Клеопатру-Нефертити, блядь, в натуре — молодая, красивая! еби да радуйся! — нет!! Опять не так! Да едрить твою в корень! Другой бы на моем месте скакал и прыгал от радости! (Козлом. С львиной гривой.) А я?

Думы, видите ли, стою думаю. Время драгоценное только опять попусту теряю. Баба под рукой, а я стою мастурбирую. Голову ей морочу. Мыслитель, блядь, нашелся. Думатель. Гамлет хренов. «Быть иль не быть?» «Всадить иль не всадить?» А если всадить, то кому?.. Да, конечно, всадить! Всадить, вытащить и еще раз всадить! Засадить этой Офелии по самые помидоры! Для того они, эти Офелии и существуют. Чтобы им засаживали. А иначе они топятся с горя. Дают — бери! Пока думать будешь, она другому даст. Рожна мне, что ли, надо? Сам же ей советовал не думать!

И все-таки! Я это сделал или не я? Вот, положи руку на сердце?.. Ну, я! Я! я! я! Почувствовал вдруг, что могу, и не устоял. Сразу решил попробовать. Улучшить, так сказать, породу. Ну, не спросил ее, просто не успел. Спонтанно как-то все получилось. Раз! — и... Царевна вместо лягушки. Ну, каюсь, каюсь! Ну, хорошо, виноват.

Но что это меняет?! Что? Ну, спросил бы. Она бы что, отказалась? Есть такая женщина на свете, которая бы отказалась? Есть, я вас спрашиваю? Покажите мне ее! Нет!! Нет, нет и нет! Нет таких женщин и быть не может. Нетути! Так что результат все равно был бы в точности тот же самый. Все!! Хватит! Пойдем лучше плодами трудов своих праведных теперь пользоваться. Ирочкой новой лакомиться. Пеночки с нее снимать. Стружечку. Проверять, все ли в точности у нее теперь под меня подогнано. А то зря я, что ль, старался-то?

Дьявол!! И все же зря я все это сделал! И про обоюдное согласие все чушь! Бабы в этих вопросах вообще как дети. Сразу голову теряют. Это и ребенок к свечке руки тянет. Нельзя ей было вообще такую игрушку показывать. Нельзя! Искушать. Дьявольщина!! Будь все проклято! В Господа Бога решил поиграть, мудака несчастный? И ведь предупреждали же! Блядь!!)

— Ладно, пошли, чего здесь торчать! — потрянул головой Красин, отгоняя мрачные мысли. — Только давай все же порознь пойдем, чтобы внимания зря не привлекать. Ты чуть впереди, а я за тобой. А то с тобой рядом теперь и идти-то нельзя. Ты как прожектор светишь. За версту видать.

Подходя к проходной, Красин замешкался, похлопывая себя по карманам в поисках студенческого. Ирочка тем временем уже успела пройти в институт. Красин нашел наконец-таки свой билет (он оказался в рубашке, в грудном кармане), полюбовался на свою фотографию, какой от там на ней умный да серьезный (ну, как же!.. будущий ученый муж же! Архимед же, блядь!), и затем тоже вошел в вестибюль.

«Господи! До чего же все знакомо и вместе с тем как странно все теперь смотрится! — Красин озирался и откровенно крутил головой. — Все эти серпы-молоты». Он заметил, что Ирочка остановилась впереди и уже болтает вовсю с двумя какими-то незнакомыми ему девицами. Подруги, что ль? Вроде, не с их курса?.. Сам он пока никого из знакомых не видел. На Ирочку оборачивались. Она сияла в центре вестибюля, как какое-то маленькое солнце. От этого зрелища на душе у Красина стало еще тяжелее. Устроил я ей, блядь, сказку про Золушку. Часы бьют полночь, и!.. Только, в отличие от сказки, уже навсегда.

Вообще у него опять появилось какое-то беспокойное, свербящее чувство, что он бездарно теряет время. Часы действительно скоро пробьют полночь. Надо что-то делать! Как-то

по-другому эти бесценные минуты проводить! Эти поистине драгоценные два часа. На что он их все-таки потратить-то собирается? На пустые разговоры ни о чем со своими абсолютно ему неинтересными ни сейчас, ни тогда, в сущности, сокурсниками? Из которых так ничего в жизни и не вышло. Как и из него, к слову сказать. Ладно, какая разница! Вышло — не вышло. Не о том я думаю. Надо что-то делать! Срочно. Прямо сейчас. До чего же бестолково время уходит!

Между прочим, если это действительно что-то типа параллельного мира, как колдун этот мне объяснял, с нашим миром никак не пересекающегося, то я могу здесь что угодно вытворять. Лишь бы меня за два-три часа не поймали. Да хоть убить кого! Пока меня найдут!.. За два часа уж точно не найдут. А потом меня уже здесь не будет. Исчезну! Да даже если и найдут! Просто обидно будет, что все свои два часа я в отделении, как мудака последний, проторчу. Но потом-то все равно исчезну. Назад вернусь. В свой мир. Короче, бояться мне здесь нечего.

По уму-то следовало бы выбрать сейчас любую телку, по вкусу, затащить куда-нибудь, трахнуть и придушить потом. Чтобы кипешь не подняла. Масса новых ощущений!..

Да нет! Бред мне опять какой-то в голову лезет! Чушь собачья! Во-первых, как ее затащить; во-вторых, куда; а в-третьих, на фиг мне это вообще надо? Зачем мне какие-то там левые телки, когда у меня красавица-Ирочка есть, каких свет не видел, еще ни разу не трахнутая. Кисочка моя ненаглядная. Ради которой я сюда и приехал. Первая любовь. Почти еще и не тронутая. Не распробованная. Ну, так... отсосала разочек для начала, но это, можно сказать, и не в счет. Это так... Разминочка была. Тренировочка. Причем с устаревшей моделью.

А вот теперь пора бы и к основному, так сказать, действию перейти. Действу. С усовершенствованной. А то я уже опять хочу. Хочу-хочу-хочу! Где она там? Хватит ей болтать. Да и вообще

бред мы затеяли. Прогулки все эти: ты впереди, я сзади. Некогда всеми этими благоглупостями заниматься. Да и кого стесняться? Всех этих?.. Они же все равно через два часа навсегда исчезнут. Ненастоящие! Просто ожившие,.. на время. Как в «Фаусте», во второй части... Ладно, тьфу! Хватит всей этой болтологии. Быстрей, быстрей! Для начала Ирочкой займемся. Ну, где там она?

Красин выхватил ее взглядом из толпы и решительно двинулся вперед.

— Извини, Ир, можно тебя на секундочку! — подойдя вплотную к по-прежнему увлеченно болтающей троице, довольно бесцеремонно обратился он к Ирочке. Остальные две девицы сразу, как по команде, замолчали и в каком-то, почти комическом негодовании безмолвно на него уставились. Как будто он совершил некую вопиющую бестактность. Разговор, блядь, очень важный прервал. Какие трусы завтра одеть.

Дуры никчемные! Куклы-манекены. Двухчасовые-одноразовые! — в злобном раздражении подумал Красин.

Ирочка тоже удивленно на него взглянула, переглянулась с остальными девицами, слегка даже пожала плечиками (не понимаю, дескать, чего этому нахалу и невеже от меня надо!) и только потом медленно и словно неохотно, плавно поплыла к нему. Царь-девица, блядь! Леблядь.

— Слушай, хватит дурью маяться! — яростно зашептал ей Красин. — На что мы время тратим? На прогулки гуськом, чтобы никто не заметил ничего? Как шерочка с машерочкой. На болтовню с этими ожившими привидениями? Чего мы на них вообще внимание обращаем? Это же не люди! Это тени! Призраки. Они через два часа исчезнут. Бесследно и навсегда. Да плевать на них! Чего они там «подумают»? Ты чего, с ума сошла?! «Два часа»!.. «Единственные»!.. «Никогда»!.. «Как бы их провести»!.. Думала-думала и надумала. В болтовне с подружками! Даже не с подружками, а вообще неизвестно с кем. С муляжами их,

прости господи! Тьфу! Знал я, что все бабы дуры, но чтобы до такой степени!.. Думал, ты хоть немного поумней.

Короче, я тебя опять хочу. Сил нет! Только теперь уже чтобы по-настоящему трахнуть. По-взрослому. По полной программе. Пошли для начала аудиторию пустую искать. А там видно будет!

Он чуть ли не бегом устремился к ведущей на этажи лестнице.

— Да подожди ты, Олег! — взмолилась Ирочка. — Дай я хоть перед девочками извинюсь! А то неудобно как-то...

— Перед кем «неудобно»?! Какими «девочками»?! — чуть ли не заорал в ответ Красин. — Очнись! Вспомни, где мы! Нет их!! Нет! Это все миражи. На два часа созданные. Наваждение! Морок. Что с ними церемониться!? У нас всего два часа есть! Ты понимаешь это?!!

Ирочка испуганно замолчала. Он уже почти бежал по лестнице, прыгая через ступеньку. Ирочка лишь с трудом за ним попевала.

Так,.. второй этаж... Посмотрим для начала здесь... Занято... Занято... «Извините!» Хуй ли я извиняюсь!? Перед кем!? «Извините!» Тьфу ты! Вот бред! Да, действительно... Психологический барьер. Воспитаннице-с. Сказывается, так его растак! Хамить, оказывается, совсем непросто. Даже призракам. «Извините!» «Извините!» Ладно, черт с ними! Ну, где? Где!?! Блядь, последняя аудитория... Все! Пиздец!! Гольй Вася.

Надо на третий этаж бежать. Ебанный в рот! Я так и буду тут здесь все эти два часа по этажам, как заведенный, шнырить? По лестницам прыгать и скакать? Как какой-то, блядь, гигантский кузнечик. Как попрыгунья-стрекоза. «Ну, как Ваше путешествие, многоуважаемый Олег Викторович? Понравилось? С пользой хоть время-то там провели?» — «С пользой, блядь! Превосходно-с!» Ебанный в рот! Нет, ну я просто охуеваю! Я просто, пр-росто охуеваю!! Это что же такое делается-то!?

Между вторым и третьим этажом Красина вдруг окликнули.

— Привет, Олег! — перед ним стоял один из его институтских приятелей. Как нарочно, тот самый Жэка, через год погибший в автокатастрофе. Бог ты мой! Сгинь! С нами крестная сила!

— Привет, Жэка! — с трудом заставил себя произнести Красин, еле удерживаясь от инстинктивного желания перекреститься.

— Чего ты на меня так смотришь? — удивленно переспросил приятель.

— Д-да... Д-да...н-нет...н-нич-чего... Ничего! Нормально все! Нормалек! Все путем!

(Черт! Как там тогда разговаривали-то? Какими выражениями? Идиомами? «Нормалек» — это откуда? Оттуда или отсюда? Может, лучше одним матом? Он-то уж точно не менялся.

«Да хуйня! Не бери в голову! Заебись все!»

Хотя, «не бери в голову»... Черт! О чем я опять думаю!?? «Оттуда»!.. «Отсюда»!..

И, кстати, насчет «заебись». Так я, похоже, сегодня и не «заебусь», если так и дальше пойдет. Вот меня заебут, это точно. Уже, блядь, заебали! Я тут прямо, как Руслан вокруг Головы, битый час уже тусуюсь. «Еду-еду не свищу, а наеду не спущу!» Только с точностью до наоборот. Свищу-свищу да все никак не поеду. Никак не «спущу». Никак у меня не возьмут... в...голову.

ТЬфу!! ТЬфу! ТЬфу! ТЬфу! Изыди!! Хватит болтать. Хватит!!

Пора бы наконец и делом заняться. Наехать и спустить хоть разочек. В отличие от этого импотента Руслана. У которого, вероятно, просто не стояло. Вот он Голове и плачется. Помогите, мол! А то я в постели чего-то последнее время все только еду-еду, да никак не доеду, никак у меня не встанет; а если и доеду, если и встанет иногда случайно, так все равно никак не кончу. Не спущу. Ну, а та, вместо того, чтобы взять!... да и... помочь человеку, смеяться над ним начала. Ну, слово за слово... Да-с... Смешно. Юмор, блядь. В коротких штанишках. Это я юморист такой. Свистун. Как Соловей-разбойник. Свищу-свищу...)

— Извини, Жэк. Я тут спешу сейчас. (Ирочку трахать!) Потом поговорим. (В аду!)

Приятель как-то странно на него посмотрел, потом перевел взгляд на стоявшую рядом нечеловечески просто прекрасную Иру, но ничего не сказал. Впрочем, Красин о нем уже почти забыл. Сразу же, как только отвернулся. Некогда! Не до привидений ему сейчас. Недосуг. Не-до-суг.

Хотя, конечно, есть во всем этом что-то странное. Противоестественное. Такое событие, путешествие в прошлое, в другой мир, а я только о том думаю, как бы бабу здесь отодрать. Пусть даже и давно и страстно желанную и горячо любимую. Неужели у меня других интересов нет? Более высоких, важных, что ли?.. Как-то это даже оскорбительно...

А какие «другие интересы»? Конечно, нет! Любовь! любовь!.. Любовь-морковь, сунуть-вынуть — самое главное в жизни. «Aïmons, dansons et chantons». «Любим, танцуем и поем». Это и есть жизнь. Все остальное понты. От лукавого. А!.. там еще «buvons», кажется, есть. «Пьем». Если я французский, конечно, не совсем еще забыл. Тоже правильно... Но, в любом случае, сначала «aïmons!» Aïmons! aïmons! aïmons! Чем больше, тем лучше. А потом уже все остальное. Все эти chantons и dansons. Потом уже споем и спляшем. На радостях, что дала наконец. На-конец... Хм?..

Еббанный в прот!! Да я, оказывается, просто болтунишка какой-то! Словесный пачкун. Полоскун-потаскун. У меня просто речевое недержание, понос какой-то словесный тут начался! Умственное, блядь, отравление. Акклиматизация во времени. Болезнь всех путешественников и туристов. О чем-то несвежем, наверное, подумал. О всех этих зомби, к примеру, какими они все симпатичными лет через 20 станут... Все! ВСЕ!!! Все.

Теперь только трахаться. Трахаться, трахаться и трахаться! Как завещал великий Ленин. И никаких гвоздей! Как добавлял Маяковский.

Правильно. Насчет гвоздей надо повнимательней. Трахать-то ее на столе наверняка придется. А где же еще? Ну, или на стульях. Да нет, о чем это я! На каких еще стульях? «Какая еще собака?» Разъедутся еще в самый ответственный момент. Сломаешь себе... чего-нибудь. С дури. Вот только этого, блядь, мне здесь и не хватало! Как это говорить? «С дури можно и хуй сломать»? Во-во!

Можно. Свалившись со стульев. Ничком. Как перевернутый Буратино. Колдуну потом будет стыдно в глаза смотреть. «Ну, как Ирочка?» — «Да я там... видите ли...»

На столе, короче!

То есть не в том смысле «короче», что член, трахая на столе, можно иметь и покороче, поскольку возможность для маневра тут побольше, чем на стульях, или, что сам акт на столе удобнее, а в том, что... Вот черт! Надо же! Когда перевозбужден, об этом деле только и думаешь, все слова потенциально сексуальными какими-то становятся, какой-то второй смысл сразу приобретают. Обретают. Второе дыхание! Подтекст. Даже самые, на первый взгляд, тривиальные, нейтральные и безобидные. Обыденные.

Удивительно! Никогда этого раньше не замечал. Просто внимания не обращал. Наверное, потому, что перевозбужден никогда не был. А может, потому, что суррогатами всегда довольствовался. Эрзацами. Даст, не даст — да какая разница! Не очень-то и хотелось. А тут — очень-то. Очень! Очень даже очень! Еще как хотелось-то!! В смысле, хочется. Причем в самом, что ни на есть, прямом смысле. Первом. Без всяких там подтекстов и задних мыслей.

«Под», впрочем, тоже о-о-очень сексуа-а-альная приставочка!.. Двусмы-ысленная... Имеющая два смысла. Причем второй лежит по-о-о-од первым... А она их обоих при этом еще и имеет-ет... Что же касается задних мыслей!..

Ну, все! Я, кажется, совсем свихнулся! Временное помешательство на сексуальной почве. Спермотоксикоз. Или как это там правильно называется? Когда сперма в голову бьет? Кувалдой. (Ага! Третий этаж. Ну, здесь-то что? Занято... Занято...)

Ну, в общем, на столе. «В общем»-то, вроде, нормально? Ну, если не считать слабого намека на групповуху... Оргию... Но это уже я-явная натяжка!.. Я-явная!.. Эта,.. как ее?.. «смысловая галлюцинация». Еще группешка есть такая... Песенка у них эта... «Вечно молодой». Из фильма «Брат». Как раз про меня. Я тоже сейчас в некотором смысле «вечно молодой». Ну, не вечно, положим. Временно. Временно молодой. Всего на два часа. Которые убегают, уплывают, утекают совершенно бесследно! Кап! кап! кап! «Я мог бы выпить море...» «Я мог бы трахнуть Иру...»

Если бы нашел, блядь, свободную аудиторию в этом гребаном институте!! Битком забитом всяким тупоголовым мудачьем. Намертво окопавшимся ну в каждой буквально аудитории! Ну!.. («Извините!») Всякими, блядь, учеными долбоебами. Н-да... Каким же я, оказывается, был тогда идиотом! Тоже ведь так сидел. Грыз гранит. Ну и что в итоге высидел? Выгрыз? Лысину на всю голову? (Так!.. «Из...» Да пошли вы все! Козлы!) Да... Так о чем я тут думал? А, ну да. Значит, на столе. («Извините!») Чтоб вы сдохли все!! Засохли! За своими компьютерами. Хотя у них тогда еще и компьютеров-то не было. Только большие. Стационарные ЭВМ-ы.)

Посадить ее, лапочку мою, на краешек стола, ножки ей раздвинуть... Или лежать можно. Стол большой. Да нет, лежать стремно. Войдут еще. Застукают. Уроды какие-нибудь. На этом все мои сексуальные подвиги здесь и закончатся. Оставшееся время буду с местным начальством ругаться. С деканом, блядь, каким-нибудь задроченным. Или с кем там?..

О-о-о!.. Пустая!!! Пустая аудитория!! Ну, наконец-то! Нашли.

Красин посторонился, пропуская Ирочку, потом схватил первый попавшийся стул и, вставив его ножку в ручку двери,

заблокировал ее. Пусть ломаются, если хотят. Тьфу на них! «Плеть на это — очень хочется!»

Он, дрожа от возбуждения, буквально подтолкнул Ирочку к ближайшему столу и усадил на него, высоко задрав девушке платье и широко раздвинув ей ноги. При виде ее голых ляжек и ослепительно-белых трусиков перед глазами у него опять все поплыло, как тогда, в подъезде.

— Подожди, — шепнула Ирочка, рукой отстранила его, мягко спрыгнула на пол, поспешно сняла, наклонившись, свои трусики и сунула их в карман, после чего, аккуратно расправив платье, снова, торопясь, уселась на стол и широко раздвинула ноги. Тугие, вьющиеся волосики там, между ног, у нее оказались тоже рыжие.

Красин, совершенно потеряв при виде открывшегося ему соблазнительно-манящего зрелища голову, зрелища, которое он до этого видел в своих тайных, сокровенных мечтах тысячи раз, не в состоянии оторвать от него глаз и почти ничего не понимая и не видя и не слыша больше вокруг, быстро спустил трусы и брюки и, путаясь в них (брюки, естественно, сразу же упали вниз, на самые ботинки), неуклюже переступая прямыми ногами, кое-как подковылял к столу. Ирочка блестящими глазами смотрела на его, чуть подрагивающий, предельно напряженный детородный орган, похожий на стрелку часов, указывающую на полвторого.

Как только Красин приблизился вплотную, девушка слегка откинулась всем корпусом назад и, опираясь за спиной у себя о стол прямыми руками, ногами обхватила его тело на уровне поясицы. Красин трясущейся от волнения правой рукой обильно смочил слюной головку своего пениса и с нажимом провел им несколько раз — вверх-вниз! вниз-вверх! — вдоль чуть приоткрывшейся призывно в женской плоти, розоватой внутри, зияющей узенькой щелочки. (Ирочка часто задышала, неотрывно

следуя за всеми его действиями.) И наконец, задержав дыхание, медленно-медленно ввел туда, внутрь, во что-то мягкое-мягкое! нежное-нежное! весь свой член,.. весь!.. без остатка!.. до самого конца!.. (Ирочка полувсхлипнула-полувздохнула: «А-а-ах!..» — и в сладкой истоме прикрыла глаза, почувствовав его наконец в себе, в своем лоне!) секунду помедлил, желая продлить этот блаженный миг как можно дольше, потом так же медленно и плавно двинулся тазом назад (Ирочка опять еле слышно длинно всхлипнула: «А-а-а-а-ах!..», ощутив внутри себя это движение),.. вперед...опять назад..., а затем во все нарастающем темпе, стараясь всеми силами не торопиться и в то же время совершенно не в силах с собой ничего поделать. Девушка глубоко, прерывисто вздохнула, открыла глаза и, обхватив шею Красина руками, порывисто прижалась к нему к нему всем своим телом, сладострастно вздрагивая и коротко вскрикивая при каждом новом толчке: «Аа-а!.. Аа-а!.. Аа-а!..», сначала тихо, а потом все громче и громче.

— О-о-о-о-о-о-о!.. Ми-и-и-и-иль!.. — проворковала-прошептала-простонала-промурлыкала она, почувствовав, что Красин кончил... и в тот же самый миг стул с грохотом упал, и дверь распахнулась! Вероятно, ее давно уже трясли, но счастливые любовники последние несколько минут ничего вокруг себя не замечали.

На пороге стояла взбешенная преподавательница, а за ней виднелась целая толпа с любопытством заглядывающих в комнату веселых студюзов. Судя по всему, у какой-то группы было по расписанию в этой аудитории занятие, вот они и заявили.

Красин, застигнутый врасплох, стоя посередине аудитории со спущенными до пола штанами, совершенно растерявшийся и охваченный дикой паникой, в ужасе на них оглянулся и в то же мгновение почувствовал, что что-то изменилось. Он не мог себе объяснить как, но он явственно ощущал всех присутствующих, как будто держал в руках какие-то невидимые нити, всеми ими

управляющие. Он мог делать с ними теперь, что угодно. Захочет — они замрут, захочет — снова задвигаются. Отныне он их полностью контролировал.

«У Вас там будут некоторые новые возможности. Вы их просто почувствуете в себе — и все», — сразу же снова припомнились ему наставления колдуна.

Ага! Вот он и почувствовал. Опять. Как и ожидал. Предчувствовал. Еще тогда. Когда Ирочку. Красавицей делал. Что ж. Прекрасно! Просто прекрасно. Замечательно. (Красин глубоко вздохнул: «Аааа-ааа!», восстанавливая дыхание.)

Кстати, он впервые за все это время по-настоящему ощутил, что и Ирочку теперь действительно может в любой момент домой отправить. Назад в будущее. До сих пор он по сути просто блефовал. Хотя, впрочем, это-то как раз его сейчас меньше всего волновало. Никуда отправлять ее он не собирался. Особенно теперь, когда с зомбиями с этими проклятыми, кажется, покончено раз и навсегда, никаких проблем с ними больше не будет. Наконец-то! Слава тебе, Господи!

Они у меня теперь как шелковые. Вон стоят, вытаращившись. То-то же!

Он спокойно наклонился, поднял брюки и стал приводить себя в порядок. Черт! Член был влажным и липким. Вытереть бы чем-нибудь! Платок бы какой, что ли. Или салфетку.

Неожиданно в голову ему пришла забавная мысль. Он мельком взглянул на Иру. Перепуганная девушка скромненько стояла с совершенно невинным видом рядом. И платъице на ней было в порядке, и все остальное. Ну, занималась с сокурсником в свободной аудитории наукой. Закрылись, чтоб не мешали. Выводами, блядь, научными увлеклась. И вводами. Красин бы не удивился, если бы она уже и трусики успела надеть. Дамочки в такие моменты еще и не на такие чудеса и фокусы способны! Куда там Копперфильду!

Красин посмотрел на стоящую ближе всех к нему преподавательницу. Ничего, вроде... Молодая. Он еле заметно шевельнул бровью, и женщина двинулась к нему. Ирочка в испуге съехала. Женщина подошла вплотную, встала на колени, бережно взяла руками его бессильно висящий член и принялась его тщательно облизывать. Красин опять покосился на Ирочку. Та смотрела на эту сцену, вытаращив глаза и не в силах, видимо, вымолвить ни слова.

— Да не напрягайся ты так, — небрежно бросил ей Красин, усмехнулся и подмигнул. — Я, оказывается, могу их всех контролировать. Колдун мне вообще-то говорил об этом, но я его тогда не понял. А сейчас наконец разобрался, что к чему. Сориентировался. Под влиянием аффекта, вероятно, — снова усмехнулся он. — Сильнейшего, блядь, потрясения!

(Он впервые позволил себе употребить при Ирочке ненормативную лексику. Просто вырвалось. Ирочка промолчала. Не обратила на это вообще никакого внимания. Похоже, даже и не заметила. «Ну-ну!.. — с иронией подумал Красин. — Возможно, жизненный опыт у мадам несколько богаче, чем на первый взгляд кажется».) Будучи застигнутым врасплох на месте преступления в самый, так сказать, ответственный момент со спущенными штанами. Пикантная, в общем, ситуация. Сориентируешься тут. Чтобы импотентом на всю жизнь не стать.

— Ладно, хватит! — произнес он, обращаясь к преподавательнице. Женщина послушно встала, повернулась и пошла на свое первоначальное место у двери, на пороге аудитории.

Ирочка проводила ее долгим взглядом, потом в полном изумлении повернулась к Красину.

— Так ты что, действительно можешь делать с ними, что угодно? Как, вот так просто приказываешь, и все? Ничего больше?

(Красин невольно почувствовал укол ревности. Как-никак,.. только что,.. прямо у нее на глазах... Другая женщина... Мог-

ла бы, блядь, хоть для приличия слегка обидеться! Ей что, все равно? А как же тогда все эти ахи-охи? «О-о-о-о!.. Ми-ильй!»? Это все игра, что ли? Она что, вообще ничего не чувствовала?)

— Да даже говорить не надо, — нехотя ответил он. — Это уж я так. Для пушного эффекта. — Красин помедлил. — Можно и мысленно, — рассеянно закончил он, пытаясь разобраться внутри себя с этими своими новыми супервозможностями. Все-таки не все еще с ними ему было до конца ясно.

— Слушай, Олежек,.. — нерешительно начала Ирочка. Красин изумленно вскинул на нее глаза. «Олежек!» Однако! Ну, надо же! Какие нежности. Это уже что-то новенькое. Так она его еще никогда не называла.

Видно было, что девушка колеблется и не решается что-то сказать.

— Ну, ну!.. — подбодрил ее Красин. — В чем дело?

— Слушай!.. Ну, ты понимаешь... Но ты только не обижайся, ладно?

— Ну, говори, говори! — опять поощрил ее он. Ему стало интересно.

— Нет, ну ты обещаешь не обижаться?

— На что?

— Нет, ну ты мне сначала пообещай!

— Ну, хорошо, обещаю, обещаю! Так в чем дело?

— Нет, не «обещаю, обещаю», а правда пообещай. По-настоящему.

— Господи-боже! Ну, хорошо. Обещаю, что не обижусь. По-настоящему. Торжественно клянусь. Ну что, довольна?

Любопытство Красина было разожжено до предела. Что это она еще затеяла?

— Нет, ну правда?

— Господи!! Да правда, правда! Не обижусь! Говори ты наконец! Ну, что?

Ирочка быстро на него взглянула, потупилась и, покраснев слегка (Красин это с удовольствием заметил), тихо-тихо сказала: «Поцелуй меня».

— Что-о? — ошеломленно переспросил Красин.

— Ну, поцелуй меня! Обними.

Красин, ничего не понимая, послушно обнял и поцеловал девушку. Он хотел уже отстраниться, но Ирочка жарко к нему прильнула, и поцелуй получился страстным и долгим.

— Ты меня любишь? — еще тише прошептала она.

— Люблю, — не раздумывая, соврал Красин. (Трахать! — тут же добавил он про себя.)

— Правда?

— Правда.

(Вот заладила! Правда,.. кривда!.. Чего она, интересно, сказать-то мне такое уж собирается после столь долгих предисловий? Никак все не решится. «Нельзя ль узнать, в чем дело существо, / К которому так громко предисловье?» Признаться, что ли, в чем? Даже не представляю!)

— Тебе было хорошо со мной?

— Конечно. А тебе? — все же не удержался и он от вопроса.

— Очень!! Очень-очень! — Красин самодовольно усмехнулся и погладил девушку по голове. — Правда! Ты самый лучший мужчина на земле. Самый-пресамый! Лапушка, — Красин погладил еще раз.

— Так что ты мне хотела сказать... любимая? — после паузы спросил он. («Лапушка»... Мужской род — «лапушок». Хм... Лопушок!)

— Олечка, а можно мне сейчас еще с кем-нибудь? Ну, из этих?.. Ты же им можешь приказать?

— Как это «еще с кем-нибудь»? — не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Красин, во все глаза глядя на явно смущенную девушку.

— Ну, ты же все равно пока не можешь, и они же все равно вроде как не настоящие. (Да, не настоящие... Дети, блядь! Но ебутся, как взрослые, — вспомнился Красину какой-то старый анекдот.)

— А ты разве не кончила? — не зная, что сказать, произнес он первое, что пришло ему в голову.

— Нет, кончила, конечно! Кончила! — Ирочка снова прижалась к стоявшему, как столб, Красину и жарко поцеловала его в губы. — Но ты же знаешь, у нас, женщин, все по-другому. (Да уж! — мелькнуло в голове у Красина.) Я уже опять хочу,.. — стыдливо, еле слышно, призналась она.

Да-а!.. Вот тебе и Ирочка! Пай-девочка. Ишь, как заговорила! Открытым текстом. Мужика хочу, а у тебя не **стоит**. И это ведь еще только цветочки. Просто из вежливости. Просто потому, что ей от меня чего-то надо. Что у меня разрешения надо спрашивать. Что без меня ничего не получится.

А на самом-то деле: мужика хочу и желательно нового! Свежего. Раз выбор есть. Для разнообразия. Впрочем, мой милый, когда у тебя опять встанет, то я ведь готова! Всегда пожалуйста! Обслужу вне очереди! С превеликим удовольствием. Я же люблю тебя, ты же знаешь! Больше всех! Всех-всех-всех! Лапушка.

Ну, а пока, пока мой лапушка отдыхает и сил набирается — ну, чего мне зря простаивать-то? Заодно и потренируюсь. Пока.

А действительно, чего ей зря простаивать-то? — подумал вдруг Красин. — Она права. Времени мало, чего его на вздыхания да обжиманья-обниманья тратить? Да и с кем? Кто я для нее? Никто. Мы сто лет до этого не виделись. Она от меня поначалу вообще удрать хотела. А все эти ее: «милый» да «люблю» — просто входят в цену. В условия сделки. Я же ей сам прямо сказал: «изображай!» — вот она и изображает. Старается по мере сил. Отрабатывает.

Но в свободное от «изображения» время... Почему бы ей, в самом деле, и не отдохнуть? Поразвлечься. Расслабиться. Душой и телом. Дать волю фантазии!

Тем более такая возможность! Сказочная. Которая никогда уже в жизни больше не повторится. Ты молодая, красивая, желанная! Полная сил. И все мужики на два часа твои! В твоей полной власти. Делай с ними, что хошь! Хоть сама их трахай. И никто никогда ни о чем не узнает. Да и вообще это вроде как и не по-настоящему. Типа сна. Всегда для самой себя отмазка есть. Если уж ты такая, блядь, честная-распречестная.

Да-а!.. Да я бы и сам на ее месте!.. Я и на своем-то сейчас всех баб бы вокруг перетрахал, по очереди, во все дыры и всеми способами, да, к сожалению, не могу. Физиология проклятая! Видит око, да зуб неймет. Н-да... «Зуб»... Жди теперь, пока он встанет. Зуб этот. Вырастет. Черт!

А чего, пусть трахается! Как кошка. Со всеми подряд. Мне-то что? Да на здоровье! Я ей не муж, в конце концов. Даже хорошо, что она ему рога наставит, еще одни, в моем присутствии. Да и вообще посмотреть интересно. Любопытно. Может, и сам присоединюсь,.. — при этой мысли Красин почувствовал приятное волнение. Не только ревности никакой не было, а даже наоборот. Он вдруг и сам загорелся этой идеей.

Точно! Групповуха. Оргия. Оргия-оргия-оргия! Надо ее на групповуху раскрутить. Хотя на групповуху-то она, наверное, и не согласится поначалу... Хотя!.. Ну, в общем, пусть начнет, разогреется. В процесс втянется, а там уж посмотрим. Поглядим. Как пойдет! Как войдет. И как выйдет. Чего, действительно, время-то зря терять? Я свое в любом случае всегда получу. Я так чувствую, у нее на всех хватит. Вот у всех бы только на нее хватило. Девушка-то серьезная... Впрочем, народу в институте много.

И мне, кстати, тоже прямая выгода. И смотреть приятно,.. быстрее возбужусь... возбуждусь... зуб мой, короче, быстрее

вырастет. Который пока «неймет». Хотя самому-то мне уже и опять нейдется. Но зуб пока неймет. Ладно, хватит опять болтать. Опять, что ли, начинается? О чем я опять несвежем подумал? Господи, сплошные «опять»! Пять «опять» подряд! Или четыре? Ну, не важно. Это у меня от волнения, наверное. От возбуждения. Да, так о чем я опять плохом подумал-то? (Ну, вот и недостающее пятое!) Испорченном? Да вроде, ни о чем?.. А! о групповухе. Сексуальной оргии. Об эпизодах и массовых сценах. О слишком остром. Эффект для сознания тот же. Умственно слабит. Плохо переваривается. Поначалу. А потом нормально. Потом привыкнешь. Он, он, ты да я — наша дружная семья! Ничего! Привыкну.

А мыслишка-то приятная. Острая,.. соленая... Пря-яная. Оживляет основное блюдо. Как соус. Новый вкус ему придает. Пикантность. Все на борьбу с пресностью! Всем скопом.

Красину уже и самому не терпелось начать. А чего тянуть? Время!

Он новым взглядом посмотрел на Ирочку. Представил, как она стоит на четвереньках... один снизу, под ней,.. ну, как обычно!.. ее имеет... пользуется... в смысле, *куда* обычно... работает, мальчик!.. старается!.. традиционно, так сказать... да... второй — сзади, в попку ее, естественно... трахает потихонечку... сопя от удовольствия,.. с чувством, с толком, с расстановкой!.. лучше вообще пусть это какой-нибудь их общий знакомый будет! так пикантнее!.. ну, а третий — тот спереди, в ротик ее!.. в ротик!.. Сосет она у третьего!.. Лижет ему... Ли-и-ижет!.. Язычком!.. Да-а,.. да-а!.. Во-от!.. вот та-ак!.. У-умничка!.. Сосочка моя ненаглядная... Ми-илая!..

Спереди-то и я могу потом подойти. Когда насмотрюсь-налюбуюсь... Тоже дать ей... Пососать-полизать немножечко... Возбудиться чтобы... По волосам ее мягким и шелковистым по-

гладить, по голове, слова ласковые и нежные на ушко пошептать, наклонившись на секундочку и прервавшись... Потом опять выпрямиться, в рот ей снова с улыбкой вставить неспешно и, не прекращая движений ни на мгновение, попросить робко, без слов, пальчиком лишь одним указав на... можно, мол?... ну, пожалуйста!.. прошу тебя... И только когда она поймет, кивнет стыдливо, разрешит, потупясь и покраснев, ответит тоже глазами одними, взором своим: «да!.. разрешаю...» не раньше!!.. — сзади ее тогда. Зомби этого знакомого отогнать — хватит уж! приказать ему мысленно: иди, мол, в рот ей теперь дай! — и — самому... На его место... По проторенной дорожке...

В попочку ей, девочке моей сладенькой, миленькой, ненагляденькой, ласковой моей!.. Звездочке... Солнышку!.. В попочку!.. Любимой самой, желанной!.. Не-е-ежной... Не торопясь... без суеты ненужной... Полюбоваться, как ее... нижний-то этот... В бешеном темпе!.. Спинку ей поцеловать... ляжечки... пощекотать... легонько-легонько!.. губами, кончиками самыми пальцев еле прикоснуться!.. Во-от!.. во-от!.. И сюда, и сюда, мою кисочку... И здесь... Да-да!.. Да-а-а!.. Подождать, пока она сосать у знакомого этого нашего общего начнет... в глаза ему снизу вверх при этом с улыбкой глядя... Того, у которого она с самого начала... того тоже подогнать, пусть присоединяется, нечего ему сачковать... Пусть она теперь с обоими с вами сразу по-работает... Опыта набирается... Во-от та-ак!.. Хорош-шо!.. Вот теперь все при деле...

А потом ягодички ей ее гладкие-упругие и ослепительно-сахарно-белые как сама чистота, как невинность, как снег зимой! бережно и любовно раздвинуть еще шире, головку члена, ей же самой секунду всего назад любовно вылизанного и от ее слюнок девичьих еще влажного, к дырочке ее маленькой, розовенькой аккуратненько приставить,.. помедлить немного,.. примериться... взять ее за бедра... покрепче!.. но не грубо, не

грубо!.. сжать их ладонями! бедра ее точеные, безупречные-идеальные!.. вот так!.. вздохнуть глубоко... и — р-раз!! до конца!!!.. Одним толчком!! одним резким движеньем таза!!!.. А-ах!!..

Засадить ей!!! Надеть ее, шлюху, на свой хуй!! Так, чтобы он весь ей в ж-жопу ее вошел!.. разом! целиком!!.. по самые яйца!!!.. Вытащить — и еще!!.. И еще потом!!!!.. Вспоминая и представляя при этом, как ее, паршивку, дрянь! другой только что, знакомец наш с ней общий, у которого она сосет сейчас, так же вот точно в жопу дрючил!!.. Вытаскивал и засаживал! Вытаскивал и засаживал!.. Снова и снова!.. Пыхтел и слюни и сопли от счастья пускал... У меня на глазах прямо!!.. Нас-с-саживал!!!.. Как на вертел!.. На кол!.. Прошмандовку! Ш-шалаву!!.. Ещ-ще!.. Ещ-ще!.. До конца!!.. Пока она, тварь, и двух других одновременно обслуживала!!!!.. И как она, коза, орала и визжала при этом, вертелась-крутилась, мразь, под всеми ними и кончала! кончала! кончала! И оборачивалась еще с восторгом, поскуливая как сучка похотливая, на того, кто ее сейчас в жопу ебет. Рукой за него все хваталась!.. Хотелось ей очень увидеть, как хуй его в нее входит!! В жопу ее!!! На всю длину!!.. Возбуждало ее до безумия это зрелище! Нравилось бляди!.. Смотреть, как знакомый ей туда пихает!.. Прикасясь еще к нему при этом, трогая его рукой!.. Вон с каким наслаждением она сейчас у него отсасывает! В глаза ему как преданно глядит! Как собачонка прямо... Правильно! Приятно же удовольствие хорошему человеку доставить!.. Ну-ка, кончите ей там на лицо!!! Оба!! Сразу! Давайте!! Прямо щас!! Живо!!!.. Драчите ей в пасть ее разинутую!! Ну!.. Вот так!.. Так!.. Так!!!!.. Господи, сколько же!.. И в рот, и все лицо залито... Облизывается еще, ш-шваль,.. улыбается!!.. Что, вкусно?.. Потаскушка дешевая!.. Подстилка!.. Чем грязнее — тем лучше!!!! Наслажденье тем острее!!! На контрасте!!!!..

Эй, а ты, там, снизу!.. Быстрее! Быстрее!! Двигайся!.. Давай! Тоже кончай!!! Прямо в нее!!!!.. Отъеби ее, мразь эту!!! Ну!..

Та, по всей видимости, несколько удивленная таким его неожиданным энтузиазмом, сначала с любопытством на него посмотрела, потом облегченно улыбнулась, перевела дух и слегка расслабилась. Вероятно, она все же очень боялась в душе его возможной реакции на эту ее выходку а-ля анфан-террибль. В стиле ужасного ребенка. Ее непредсказуемых последствий. Фьюить!.. И ты уже дома, рядом с храпящим дураком-мужем.

Красин все это про себя отметил, и это ему даже польстило. Понравилось. Правильно! Пусть боится.

— Давай-давай попробуем, если хочешь! Мне и самому будет интересно посмотреть... Как тебя... (Ирочка стрельнула на него глазками, слабо улыбнулась, зарделась и потупилась.) Ну что, пойдём выбирать? — он чуть не потирал руки от предвкушения. — Или ты, может, с этим... ну, с мужем твоим будущим хочешь?» — озарило вдруг Красина.

(Как его звали-то?.. Андрей?.. Сергей?.. Не помню уже. Пес его знает... Мысль про мужа была неприятна. Это уже, радость моя, явное предпочтение. Так и назад загреметь недолго. Под панфары. Одно дело, секс ради секса, это я понимаю, и совсем другое — конкретный партнер. Тем более, будущий муж... Опять, что ли, за свое? Много — это, пожалуйста! Это на здоровье! Сексуальная гимнастика. Ко многим я не ревную. Они для меня как наследники Александра Великого, неспособные вместе удержать то, чем владел он один. Диодохи, блядь. А вот один!.. Ну-ка, ну-ка?..)

— Да нет-нет! Что ты-что ты! — чуть не замахала руками Ирочка. — С мужем я еще... Ну, в общем, у меня, еще с ним время будет. Вся жизнь.

— А-а, ну, понятно, — сразу оттаял Красин. — Тоже правильно. Так пошли тогда? Чего время-то терять? Можно прямо здесь смотрины устроить. Я их буду заводить по одному, а ты выбирай. Тем более, что и мебель тут есть, — он кивнул на

столы. Ирочка опять смущенно улыбнулась и покосилась в указанную Красиным сторону. Это ее смущение возбуждало Красина еще сильнее. — Сдвинем в случае чего... А там где? На полу, что ли? Ну, чего? Начинаем?

Ирочка бросила взгляд в сторону двери и кивнула.

— По одному? — уточнил Красин.

— Да, пусть по одному заходят, — несмело попросила девушка .

— Ты их только смотреть будешь или и ощупывать тоже? — цинично подмигнул ей Красин. — Как племенных жеребцов. Быков-производителей.

Ирочка опять заалелась и засмуцалась.

Красин мысленно выбрал первую попавшуюся ему особь мужского пола и приказал войти. Точнее, «приказал» — это было не то слово. Он просто сам как бы вошел в сознание этого молодого парня и, оставаясь в то же время и самим собой, в своем собственном теле, видел теперь одновременно все и со стороны, его глазами. Это ощущение невозможно было как-то передать словами, как невозможно описать, передать словами вообще никакое чувство, скажем, зрение, осязание, обоняние, но оно, это ощущение, несомненно присутствовало. Было! Было и все. Понятно теперь, почему колдун этот тогда ничего ему объяснять не стал. Как такое «объяснишь»? Как объяснить от рождения слепому: «Ты будешь отныне видеть?» Если он вообще не знает, что такое зрение? Что такое «видеть»? Прозреет — сам поймет.

Мужчина вошел. Ирочка мельком, как бы украдкой на него взглянула, сразу повернулась к Красину и отрицательно покачала головой. Она, видимо, все еще смущалась.

— Следующего? — громко спросил у нее Красин. Ирочка кивнула.

— Да не бойся ты! — заметил ей Красин. — Они все равно ничего не понимают сейчас. Как живые манекены. Робо-

ты... Впрочем, потом, если захочешь, можно будет им чувства частично и вернуть, — сразу же успокоил он ее. — Слух или зрение, скажем. Или речь. Все в наших силах! А то, чего тебе, в самом деле, с манекенами трахаться... У робота сосать... Ты же не теленок. (Телка! — усмехнулся про себя он.) Тут же обратная связь должна быть. Удовольствие приятно не только получать, но и доставлять. Я понимаю...

Изрекая рассеянно все эти глубокомысленные сентенции, Красин одновременно смотрел на происходящее глазами стоящего посередине комнаты темноволосого парня.

Рыжеватая стройная девушка... Красивая... Очень... Безумно... Просто сказочно!.. Ослепительно-красивая... Неправдоподобно!..

Рядом парень какой-то невзрачный... Совершенно обычный... Ба-а!.. Да это же я! Чего-то я со стороны... не очень... Н-да... Мудак муذاком. Неужели я действительно так выгляжу? Понятно теперь, почему она меня тогда отшила. И сейчас сбегать хотела. Вот блядство! Никогда не думал, что я такой замухрышка. Зачуханный какой-то... Вроде, и спортом занимаюсь...

Красин придирчиво оглядел глазами парня свои руки. Свою тайную гордость. Ни черта не видно! Никаких, блядь, мышц. Мышцев. Хуй ли я тогда качаюсь целыми днями!? Дохлак какой-то! Как же это она мне дала-то? Я бы на ее месте не дал. Хотя, куда ей было деваться? Чего я дурью-то маюсь? «Как же она мне дала?»! А как же ей было мне не дать? Она уж и так, и эдак!.. а я пристал, как банный лист! Вынь да положи!! Приспичило мне! В смысле, я сейчас выну, а ты себе в ротик-то и положи. «Положь». В ближайшем подъезде. Ну, и чего? Чего ей было делать? Молодой-то побыть хотца. Хоть часок.

Но, по крайней мере, теперь у меня иллюзий никаких нет. Что она меня, там, любит, обожает и прочее. Стоны ее все эти... «Ах, блядь, милый!..» Суду все ясно. Ладно, может, оно и к луч-

шему. Что никаких иллюзий. И всяких там ревностей. Секс! Только секс. Чистый секс. Голый. Ну, что ж, посмотрим теперь, на что наша девушка способна?!

Произнося про себя эти слова, Красин непроизвольно попробовал вдруг взглянуть на эту сцену и глазами Ирочки. Войти в нее, как в этого парня. Он вовсе не то имел в виду, говоря мысленно «посмотрим», просто случайно так произнеслось, подумалось. Но сама фраза невольно подсказала ему теперь, что делать.

* * *

Сдвиг! Мгновенный мысленный перебой, щелчок!.. И он оказался... О, Господи! На него хлынул целый поток новых ярчайших ощущений. Теперь он видел всю эту сцену и ее глазами тоже. Парень по-прежнему в нем оставался, никуда он не делся (или он в парне, черт его разберет!), но он тотчас же отодвинулся, сместился куда-то вбок, на второй план! На периферию восприятия. Сам же Красин теперь находится в сознании Ирочки. Внутри ее. Видел все ее глазами, чувствовал то же самое, что и она. Наверное, он мог бы сейчас ею даже управлять, как этими... в коридоре... но пока не стал этого делать. Даже не пытался пробовать. Зачем?

Пока он просто в изумлении как бы осматривался вокруг, прислушивался к чувствам и ощущениям молодой девушки, пытаясь в них разобраться. Ему было невероятно, безумно интересно!

Прежде всего, его приятно удивило, что в ее глазах он выглядел все-таки гораздо привлекательней, чем в глазах того парня. А! ну, наверное, это просто потому, что она ко мне уже привыкла. Глаз замылился. Это на свежего человека я поначалу такое дикое впечатление произвожу, удручающее. Какого-то закомплексованного уroda. А она-то уже присмотрелась, просто не замечает.

Да и чувства у нее ко мне, оказывается, все же довольно-таки теплые. Действительно... Ну, надо же!.. Как к какому-то чуть ли даже не приятелю. К другу. К близкому человеку, что ли...

(Как к родному! — не преминул иронически усмехнуться он про себя. — Однако дружба дружбой, а ножки врозь!)

Так... Да!.. Чудеса!.. Никакой враждебности.

То, что я ее к близости принудил... Фи-и!.. Какие мы высокопарные выражения употребляем! Какие мы, оказывается, целомудренные и стыдливые! Кто бы мог подумать!? (Целомудренные, блядь! Муди у нас пока еще целые. На месте. Пока. Но если так и дальше дело пойдет, если я и дальше буду чужих жен к близости принудивать... при-*мудивать*... Тьфу!) «К близости принудил!» «Ах, граф!..» А как еще сказать? «Дать заставил»? Как-то не звучит... «Сосать...» Ф-фу-у-у!.. Ну, ладно, ладно, не важно. Не будем отвлекаться. Что там у нас дальше? Насчет «близости»?

Так вот, то, что я ее... склонил, в общем! ей, похоже, все равно. Она об этом даже и не думает. Не заморачивается. Воспринимает как должное. Ну, дала и дала! Более того, последний раз ей даже самой понравилось. Вот ей-богу! Ну, оргазма никакого у нее, положим, не было, это она, конечно, врет как обычно и не краснеет! — но приятно ей было. Было-было! Так,.. в меру... Но и то хорошо! Ха! И на том спасибо. Я, честно говоря, гораздо худшего ожидал. Го-о-раздо! Думал, что она от меня чуть ли не плюется. Тайком потом отплеивается. «Тьфу!.. постылый...»

Красин почувствовал невольную гордость. Его и без того доброжелательное отношение к девушке, возникшее и окрепшее в нем, несмотря на все ее невинные шалости и мелкие обманы, еще более усилилось. Она, помимо всего прочего, была ему, честно говоря, и просто симпатична. Просто как человек. Ему нравились ее твердость, решительность. Вообще она, на его взгляд, достойно вела себя в этой ситуации. Бы-

стро приспособилась. Как хамелеон. Ну, и правильно! А то, что она пыталась его кинуть... Что ж, любой человек имеет право на защиту. Ну, не хотела она у меня сосать! Что ж поделаешь. Не Аполлон!

В общем, ему было бы даже приятно теперь ей как-то помочь, доставить удовольствие... Компенсировать хоть частично моральный ущерб. От общения с ним. (Видел, блядь, я себя со стороны, видел!) Он ей сочувствовал. Они стали на время как бы единым целым. Одним организмом. Симбиозом.

А кстати? Когда она трахаться сейчас будет, он же тоже все почувствует! Ощущения женщины во время секса. Ебли. Когда ее ебут. Красин чувствовал непонятную, удивлявшую его самого, настойчивую, настоятельную потребность употреблять грязные, грубые слова. Они его возбуждали. (Странно!.. Никогда вроде...) Или ее? Он уже не понимал.

Он попытался по-настоящему настроиться, вжиться в сексуальные ощущения девушки, пытаюсь их осознать, воспринять, объять во всей полноте, стараясь отделить их от своих собственных. Он и сам еще не понимал, зачем он это делает.

Тепло внизу живота,.. постепенно разливающееся сладкой истомой по всему телу,.. Набухшие, почти болезненно-чувствительные соски груди — хотелось, чтобы их ласкали, целовали!.. и желание! желание! желание! Острое, нестерпимое!!

Сам Красин таких чувств никогда в жизни не испытывал. Даже когда тащил Ирочку в подъезд. Как он теперь понял, то была лишь слабая тень желания женщины.

А ведь я могу его еще больше усилить! — вдруг сообразил он. — Да!.. действительно могу! Могу заставить ее чувствовать все в сто, в тысячу раз острее! Сильнее! Заставить ее испытывать чувства, которые в реальном мире невозможны! Которым там вообще нет названия. Не оргазм даже, а что-то совсем уж немыслимое! Супероргазм! Архи!! Суперсупероргазм!!! Мега!!

Заставить ее сходить с ума, сгорать от страсти и нестерпимого желания!! И беспрерывно кончать, кончать, кончать!

Да, все это здесь в моих силах. И все это я тоже испытаю сейчас вместе с ней! Да!! Да!!!

* * *

...Теперь ей хотелось, чтобы ее ласкали! ласкали!! ласкали!!! ласкал мужчина,.. несколько мужчин,.. гладили, целовали ее обнаженное тело. И потом брали! Брали ее!! Входили в нее грубо, нежно... а она извивалась, кричала от невыносимого наслаждения, ее сотрясала непрерывная дрожь оргазмов,.. и мужчины тоже кончали один за другим, кричали и содрогались вместе с ней в сладостных конвульсиях!.. Она чувствовала их горячую сперму везде!.. внутри себя, на теле, на лице, во рту. Плавала, растворялась в этом океане страсти, океане неги, океане блаженства... А вокруг стояли другие мужчины... много, много мужчин!.. и все они на это жадно смотрели,.. мастурбировали на нее... И все они тоже хотели ее, они рычали друг на друга и дрожали от возбуждения, и готовы были на все ради нее, ради близости с ней!.. готовы были вцепиться друг другу в глотки, разорвать друг друга на части! Они все были обезумевшими от похоти самцами, и она была их самкой. Единственной и желанной.

Но она не была жестока! О, нет!.. Она любила их всех, всех до единого и хотела, чтобы всем им было хорошо — и тому, и тому, и вон тому... Всем! Всем!.. Зачем вы ссоритесь? Не надо... Ты хочешь меня? Ну, иди, возьми... Не торопись... Осторожно... Во-от так!.. Во-о-от! Во-от так!.. Да-а! Да!! Да! Во-от так!.. Бери меня, бери!!!.. Тебе хорошо?..

И женщины!.. Там еще были женщины... О!.. Как они!.. Как они это делают!.. Как медленно-медленно, медленно-медленно-медленно раздевают ее,.. любясь ее бельем,.. ее платьем,.. ее

телом,.. говорят, шепчут ей комплименты,.. поглаживают ее,.. смеются,.. восхищаются ее безупречным вкусом — ах!.. мужчины в этом ничего не понимают! — и снимают с нее все... все!

Платье — и она извивается всем телом, когда они медленно стягивают его с нее через голову,.. потом лифчик,.. трусики... ах!.. — и целуют, целуют, целуют ее всю!.. всю!.. везде!.. везде-везде! даже там!.. — о-о-о-охх!.. — так, как только женщины умеют целовать,.. ласкают... только одни женщины умеют ласкать,.. ласкать,.. мягко,.. нежно,.. нежно,.. не торопясь... — мужчины все же подчас бывают так грубы! — и ведь только одна женщина может полностью, до конца понять другую... любимую...

И она уже дрожит вся от все нарастающего! нарастающего!! нарастающего!!! совершенно непереносимого уже желания!!!! которое снова куда-то несет!.. увлекает ее... и она плывет, плывет в его горячих, огненных волнах!.. и огромный вал, целая цунами нестерпимой, безумной страсти мягко и бережно подхватывает, приподнимает ее... все выше!.. выше!.. выше!.. к бездонному, чистому, ослепительно-синему небу!.. и оттуда, сверху, из прозрачной эфирной бездны раздается вдруг какой-то манящий, хрустальный, словно ангельский голос. Он зовет,.. зовет ее... его...

* * *

— Оле-е-ег!.. Оле-ег!.. Олег!!

— А!.. Что?! — вздрогнул Красин и открыл глаза.

Встревоженная жена наклонилась над ним и настойчиво трясла его за плечо.

— Да проснись ты! Что с тобой?

— Что случилось? — сел он на кровати, дико озираясь вокруг и ничего еще спросонья не понимая. Он никак не мог со-

образить, что с ним и где он находится. Ирочка,.. подъезд,.. институт, суета вся эта,.. аудитория,.. предвкушение... Страшная догадка вдруг озарила его. Он медленно посмотрел на жену.

— Ты так странно спал, — успокоенно пояснила та, видя, что он проснулся. — Не шевелься, как мертвый. Я думала что случилось!

— Дура проклятая!!! — в ярости заревел Красин, сжимая до боли кулаки. Никогда в жизни он не поднимал руку на жену, но сейчас желание изо всех сил врезать по ее глупой роже было просто нестерпимым. — Ты меня разбудила!! Я же тебя просил этого не делать! Не будить меня сегодня ночью! Просил!?

— Да не кричи ты так! Всех разбудишь, — лепетала перепуганная жена. — Я проснулась, смотрю, на тебе лица нет. Лежишь, весь белый, как мертвец.

Красин тяжело опустился на подушку. Что с ней разговаривать? Конеч! Все рухнуло. Молодость, силы... Желание, которое он испытывал только что вместе с Ирочкой, бушевало в нем, как вулкан. Везувий!! Ему хотелось просто на стенку бросаться, руки себе кусать! Надо было что-то делать. Немедленно! О том, чтобы лечь сейчас рядом с этой старухой — он с отвращением посмотрел на жену — и спокойно заснуть, и речи быть не могло.

Делать! Делать! Делать! Но что? Может, магу позвонить? Время сколько?.. Двенадцать. Еб твою мать!! Я всего только час там пробыл! Всего только час!! Из-за этой дуры тупорылой. Ее специально, что ль, судьба ко мне приставила, чтобы всю жизнь мне коверкать?!

Так,.. что же делать? Да! Магу позвонить, колдуну этому! Может, не спит еще? Времени-то не так уж и много. И он же хотел следить за моим путешествием. Значит, наверняка не спит. Да, короче, позвоню — и все!

Красин схватил трубку. Гудков не было.

А, да! Я же сам его отключил.

Он бросил трубку, нашел розетку и включил ее. Телефон сразу же оглушительно зазвенел. Красин от неожиданности чуть не подпрыгнул.

— Да!

— Алло, это я! — услышал он в трубке рыдающий голос Иры. (Откуда у нее мой номер? Наверное, я ей сам дал тогда в машине... Не помню.) — Что случилось!?

— Меня жена разбудила! (Жена смотрела на него круглыми глазами. Красину это было все равно.)

— Сделай что-нибудь!!! Хоть что-нибудь! Я должна туда вернуться! Должна!! Это нечестно! Всего только час прошел! Хочешь, я все желания твои буду здесь выполнять, как там?! Я вообще на все готова! На все, что угодно! Только помоги мне! Помоги!!! — захлебывалась слезами Ирочка.

(Господи-иисусе! Да у нее истерика! А муж где? Впрочем, какой там «муж»! Объялся груш. До мужа ли ей сейчас! Я и сам себя не лучше чувствую. Хоть волком вой! Головой об стенку бейся. А ей-то какво!.. Можно себе представить! Только было!.. Как *на* тебе!! Превратиться в одночасье из самой красивой, страстной, желанной и сексуальной девушки на свете в обычную никчемную и никому не нужную старуху! Бог ты мой! Да у нее ломка сейчас! Как у наркомана. Кумар! И все из-за этой бестолковой дурищи! Рептилии, блядь.)

— Пожалуйста, Иришка, ну, успокойся! — стараясь говорить твердо и уверенно, произнес Красин. — Я сейчас колдуну этому позвоню, выясню, что к чему, и сразу тебе перезвоню. Договорились? Жди моего звонка. Хорошо?

— Хорошо, — судорожно всхлипнула Ирочка.

— В общем, жди. Не отходи от телефона.

— Только ты быстрее!

— Ладно, — сказал Красин и повесил трубку.

Так, где у меня номер его телефона-то записан?.. Черт! Он же в газете! А где эта газета?!.. Красин облился холодным потом, испугавшись, что газету могли выкинуть. Но нет, вот она! Фу-у!.. Так.. так...

— А что это за Иришка? — услышал он подозрительный голос жены.

— Заткнись, — холодно сказал он, набирая номер.

— Что значит: заткнись?! Что это у тебя за Иришки еще появились? В 12 часов ночи.

— Я сказал: заткнись! — повысил голос Красин, на секунду остановился с трубкой в руке и тяжелым взглядом посмотрел на притихшую жену. — Позже поговорим. Мне сейчас срочно позвонить надо, — продолжая набирать номер, закончил он. Жена замолчала.

— Алло! — почти закричал Красин, услышав, что трубку сняли.

— Здравствуйте, Олег Викторович, — раздался в трубке знакомый спокойный голос.

— Вы знаете!..

— Да, конечно, я полностью в курсе. Я же Вас просил?

— Да!.. — начал было Красин и сразу осекся, поняв, что все эти его объяснения совершенно бессмысленны и абсолютно никому уже не нужны. Какая разница, почему? Все! Поезд ушел. Что теперь-то делать? — И что теперь? — замирая, спросил он.

— А что теперь? — иронически переспросил мужчина.

— Вы знаете, мне Ира только что звонила, — сбивчиво начал рассказывать Красин. — У нее там истерика прямо. Рыдает в трубку.

— Да, Ирине Николаевне сейчас не позавидуешь, — опять усмехнулся мужчина. — А ведь я Вас предупреждал, Олег Викторович. Чтобы Вы не злоупотребляли там своими новыми талантами. Ведь предупреждал? Зачем Вы все это с ней сделали?

— Да, но... — пробормотал Красин. — Мне же казалось, так лучше...

— Для кого? — мужчина помолчал немного и, не дождав-шись ответа Красина, так же спокойно закончил. — К сожалению, исправить теперь ничего нельзя. Второе такое путешествие невозможно.

— Но...

— Всего хорошего, Олег Викторович. Спокойной ночи.

В трубке раздались короткие гудки. Красин помедлил немного и набрал другой номер.

— Да!! — сразу же услышал он в трубке напряженный голос Иры. — Это ты?! Ну, что?! (Господи! Да я еще слова не успел сказать! — подумал Красин, ошеломленный таким напором. — Да-а! Плохо ей там, чувствуется. На мужа и детей она, похоже, вообще забила. Вразнос пошла.)

— Ир, я ему дозвонился, — Красин задержал дыхание, не решаясь продолжить. — Он говорит, что ничего нельзя сделать. Повторное путешествие невозможно. Жаль, что так все получилось, — не зная, что еще сказать, добавил он. В трубке молчали. — Алло!.. Алло!.. Ириш, ты меня слышишь?! — немного громче позвал Красин.

— Да. Слышу, — совершенно мертвым и безжизненным голосом отозвалась женщина.

— Я...

— Я все поняла. Прощай.

Красин опять услышал короткие гудки отбоя. Он задумчиво подержал в руке трубку, потом медленно положил ее.

* * *

На следующий день Красин с утра пораньше уже был около знакомой двери. «В доме, где булочная». Дверь открыла какая-то заспанная толстая тетка.

— Простите, я тут был вчера по объявлению,.. — начал было Красин.

— Никого тут больше нет! — бесцеремонно перебила его тетка. — Съехали они.

— Когда? — пораженно переспросил Красин.

— Сегодня утром, наверное. А может, вчера.

— Да я же ночью звонил!

— Не знаю я ничего! Я просто убраться пришла. Мне сказали, что жильцы съехали, надо квартиру убрать.

— Извините, — пробормотал Красин.

— Пожалуйста, — равнодушно ответила женщина и хлопнула дверь.

Красин постоял немного и пошел домой. Ближе к обеду он решил наконец позвонить Ире. (Проснулась уже, наверное.)

— Алло! — услышал он голос дочери. (Господи! Ну, словно Ирочка вчерашняя! Копия! Только голос у нее чего-то сегодня какой-то странный.)

— Ирину Николаевну можно?

— А кто ее спрашивает?

— Знакомый. Я ей звонил в пятницу.

— Вы знаете, она... — голос дочери задрожал, — умерла...

— Как «умерла»? — переспросил совершенно потрясенный Красин. — Когда?!

— Сегодня ночью. Отравилась снотворным. (Мать божья!)

— Извините. Примите мои соболезнования, — тихо сказал Красин и повесил трубку.

Он посидел некоторое время, глядя перед собой остановившимся взглядом, потом медленно встал, подошел к окну и уперся лбом в стекло. На подоконнике лежала какая-то книга. Сент-Экзюпери «Маленький принц». Дочь, вероятно, читает. Он машинально взял ее и раскрыл.

«Мы в ответе за всех, кого приручили», — сразу же бросилась ему в глаза подчеркнутая кем-то фраза. Красин запрокинул вверх лицо и закусил до крови нижнюю губу. По лицу его текли слезы.

Но я же не хотел! Не хотел!! Я не знал!! Прости меня, Ирочка! Прости!! Я не ведал, что творил! Не ведал!! Я всего лишь хотел, как лучше... Как лучше! Как лучше!!!

«Для кого? — вдруг словно наяву прозвучал в его ушах издевательский вопрос проклятого колдуна. — Для кого!?»

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Куда отправилась после смерти душа этой женщины: в ад или в рай?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- В ад.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Почему?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Потому что она не нужна в раю.

И сказал задумчиво Сын Люцифера:

- Я не считаю, что это справедливо...

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 6-й

И настал шестой день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Сказано: предоставь мертвым погребать своих мертвецов.
Что это значит?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Я покажу Тебе.

ДАР

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

Евангелие от Матфея

1.

Илья сидел в полной прострации на скамейке в больничном дворике, тупо глядя перед собой. В ушах его все еще звучал только что выслушанный приговор: «Дней десять, не больше...». Столько, по категорическому заключению доктора, осталось жить его жене.

Он вспоминал весь этот, совершенно ирреальный какой-то, кошмар последних дней, когда ему вдруг позвонили и сообщили, что его жену сбила машина, и она находится сейчас в институте Склифосовского. Он прекрасно помнил то ощущение вселенской катастрофы, которое им тогда овладело. Мир закачался. Если она умрет... Илья даже не мог себе этого представить. Он женился по любви, любил свою жену, любил страстно — ну, может, и не как какой-нибудь там весь из себя возвышенный-романтический герой очередного телесериала, но любил, как умел. Жизни без нее, по крайней мере, он вообще себе не представлял. При одной только мысли, что... все внутри сжималось и леденело. Как это ее не будет? Этого не может быть. Это невозможно!

И вот теперь... «Не больше десяти дней»?.. Что там еще этот врач сказал? «Медицина тут бессильна. Попробуйте обратиться к экстрасенсам. Может, они помогут. Вот, позвони-

те по этому телефону. Скажете, что от меня». Илья готов был обратиться к кому угодно. Хоть к экстрасенсу, хоть к черту, хоть к дьяволу! Да вот только... Чушь ведь все это, все эти экстрасенсы! Никогда он в них не верил и даже над другими всегда смеялся и подтрунивал, когда ему об этом говорили. А вот сейчас сам им звонить собирается. Впрочем, ему сейчас не до логики. Он во все готов поверить, на все готов. Если есть хоть один только шанс, хоть один-единственный! один из миллиона или миллиарда! — он позвонит. Хоть экстрасенсу, хоть якутскому шаману, хоть далай-ламе, хоть папе Римскому. Кому угодно! Если хоть малейшая надежда, самая что ни на есть ничтожная, малюсенькая, микроскопическая существует, что это его Наташеньке поможет!.. Он позвонит!

Илья встрепенулся, полез в карман, достал свой Nokia и листок с телефоном и стал торопливо набирать номер. Сознание, что он хоть что-то делает, приносило некоторое облегчение. В трубке раздались длинные гудки. Лишь бы дома оказался!

— Алло!

— Здравствуйте! Это Станислав Юрьевич?

— Да, — ответили в трубке.

— Я от Вартана Эдуардовича. Он мне к Вам посоветовал обратиться. У меня... — Илья запнулся и судорожно сглотнул. — У меня тут... жена...

— Понятно, понятно,.. — перебил его собеседник. — У Вас ручка под рукой?

— Да, секундочку! — поспешно сказал Илья, торопливо доставая ручку. — Все, я готов.

— Хорошо, тогда записывайте адрес, — мужчина на том конце линии начал диктовать адрес.

Илья стал его старательно записывать на тот же самый листок с телефоном. Благо, места там было много.

— Записали?

- Да.
- Когда Вы можете подъехать?
- Я прямо сейчас могу!
- Вот и подъезжайте. Вам сколько до меня ехать?
- Часа два.
- Значит, через два часа. До встречи!
- До свидания, — сказал Илья и нажал кнопку отбоя.

* * *

На месте Илья был уже через полтора часа. Он позвонил снизу и сообщил, что уже приехал. Подниматься или вниз пока погулять? Эти полчаса.

— Поднимайтесь, поднимайтесь! — предельно доброжелательно пригласил его экстрасенс.

Илья вошел в подъезд, сел в лифт и поднялся на указанный ему девятый этаж. Дверь в квартире долго не открывали. Илья стал уже сомневаться, туда ли он попал, может, он квартиру неправильно записал? Когда дверь наконец отворилась, на пороге стояла девочка лет двенадцати.

— А папа дома? — в некоторой растерянности обратился к ней Илья. (Дочь, наверное?)

— Да, проходите. Пап, к тебе пришли! — крикнула она.

Из комнаты высунулся мужчина с телефонной трубкой в руке и приглашающе поманил Илью. Илья вошел. Мужчина, не прерывая разговора, указал глазами на отдельно стоящий около стола стул, специально, видимо, приготовленный к визиту Ильи. Илья сел. Мужчина быстро закончил разговор («Да, хорошо. Ну, пока. Я перезвоню еще!») и, приветливо улыбаясь, обратился к Илье.

— Илья?

— Да, — подтвердил Илья.

— Я Вас слушаю.

Илья принялся рассказывать. Это оказалось непросто. В горле все время стоял какой-то ком, мешающий говорить, и потому Илья время от времени останавливался, судорожно вздыхал, и только после этого продолжал. Мужчина, впрочем, слушал очень внимательно и не перебивал.

— Понимаете... — Илья сглотнул. — У меня жену машина на днях сбила... В пятницу... У нее очень серьезные повреждения внутренних органов, разрыв селезенки... — он нервно зевнул, — множественные переломы, сотрясение мозга,.. — он опять коротко зевнул. — Ну вот, посмотрите диагноз, — Илья протянул мужчине приготовленную заранее бумагу. Тот взял ее, быстро пробежал глазами и потом опять поднял их на Илью, молчаливо предлагая продолжать.

— Врачи говорят, что ей жить не более десяти дней осталось, — внезапно севшим голосом, хрипло прошептал Илья, судорожно, с присвистом, вобрал в себя воздух, медленно выдохнул и после паузы продолжил, — Вартан Эдуардович посоветовал к Вам обратиться.

Илья смотрел на экстрасенса и ждал ответа. Он сам не знал, собственно, чего он ждал. Какого ответа. Он, вроде, и не верил ему, не верил во все эти чудеса, и вместе с тем страстно хотел, чтобы тот взялся ему помочь. Сказал бы: «Да все решаемо!.. У Вашей жены просто карма нарушена — сейчас мы ее восстановим, и жена Ваша поправится!». Или еще что-нибудь такое, в этом роде. Что-нибудь такое же, аналогичное. Так уж человек устроен. Хватается в случае нужды и беды за любую соломинку.

Мужчина некоторое время помедлил, изучающе глядя на Илью, и потом наконец неторопливо произнес:

— Я могу Вам помочь. (У Ильи захватило дыхание).

— Моя жена не умрет? — чувствуя, как в душе у него просыпается какая-то отчаянная, безумная надежда! веря ей и не веря, почти неслышно, одними губами, уточнил он.

— Да, она не умрет, — спокойно подтвердил экстрасенс, все так же изучающе на него глядя. — Пока Вы сами этого не захотите.

— Что значит: «пока я сам этого не захочу»? — непонимающе переспросил Илья.

— Я могу сделать так, что Вы сможете управлять внутренней энергетикой любого близкого человека: жены, матери... Сможете удерживать его внутреннюю энергию сколь угодно долго. Проще говоря, сделать так, чтобы человек не умер.

— Я что-то не понял, — покрутил головой Илья. — Так Наташа не умрет?

— Нет.

— И она выздоровеет?

— Нет, не выздоровеет. Просто процесс распада стабилизируется на каком-то уровне. Причем, на каком именно, заранее предсказать невозможно. Может быть, она не сможет ходить. Может быть, ходить сможет, но у нее разовьется какое-то очень серьезное заболевание. Заранее сказать ничего нельзя. Просто ее нынешняя ничтожная, оставшаяся у нее жизненная энергия перераспределится оптимальным образом. Так, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма. Ну, мозг, скорее всего, будет почти в полном объеме функционировать — я смотрел диагноз, органических повреждений нет, — а вот все остальное... Скорее всего, это будет лежачий больной. Если и не полностью прикованный к постели, то что-то около того. Детей, кстати, у Вас не будет, имейте в виду!

— Я согласен! — перебил мужчину Илья.

— Подождите, подождите, Вы меня дослушайте! — успокаивающе поднял тот руку. — Так вот, точно так же Вы сможете поддерживать жизнь в любом человеке. В родителях,.. ну, в общем, в ком захотите. Это будет только от Вас зависеть, жить им или умереть, Вы меня понимаете? — мужчина как-то странно посмотрел на Илью.

— Да, конечно, — несколько удивленно посмотрел тот в ответ. (Почему он на меня так смотрит? Если все обстоит именно так, как он говорит? Сохранить жизнь близким людям!.. О чем тут вообще думать!?)

— Хорошо! — чуть помедлив, сказал мужчина, глядя на Илью в упор уже каким-то почти гипнотизирующим взглядом. Тому даже не по себе как-то стало. — Я чувствую, что сейчас Вы действительно этого хотите. Прекрасно! Тогда вот что. Сейчас я совершу над Вами обряд инициации, и Вы почувствуете, что это такое. Ну, ощутите в себе на мгновение этот дар! Но раскроется ли он в Вас, это уж зависит только от Вас самих будет. От того, захотите ли Вы этого сами. Если через сутки с момента инициации он не раскроется — значит, зерно погибло. Сейчас у нас... — мужчина взглянул на часы, — без десяти три. Если завтра в это время Вы не ощутите в себе пробуждения дара, то он уже никогда в Вас не пробудится. Все будет кончено. Вы все поняли? — обратился он к Илье.

— Не совсем, — несколько растерянно ответил Илья. Он слегка подзапутался во всех этих «пробудится — не пробудится», «захотите — не захотите». — Так почувствовать я что-то должен завтра в три? — правильно я понял?

— Именно так, — кивнул головой мужчина.

— Но могу и не почувствовать, Вы говорите? То есть может и не получиться?

— Может.

— И от чего это зависит?

— Только от Вас. Будете ли Вы хотеть, чтобы это случилось, чтобы дар пробудился.

— Но я же хочу! Я же Вам уже сказал! — взволнованно приподнялся со стула Илья.

— Это Вы сейчас хотите. А до завтра времени много. Может, Вы еще и передумаете.

— Да ничего я не передумаю!! — чуть не закричал Илья.

— Ну, не передумаете — и прекрасно! Чего Вы так волнуетесь? — примирительно заметил мужчина. — Все, повторяю, будет только от Вас зависеть. Так!.. закройте сейчас глаза, расслабьтесь и постарайтесь ни о чем не думать.

Илья послушно закрыл глаза. Мужчина что-то забормотал, и Илья вдруг почувствовал, что с ним что-то произошло. Что-то в нем на мгновение изменилось. Он на какой-то бесконечно краткий миг почувствовал вдруг в себе тот самый дар, о котором говорил экстрасенс. Как женщина, в которой первый раз внезапно шевельнулся ребенок. Он не мог даже сам себе описать, объяснить, что именно он почувствовал, но почувствовал он что-то несомненно. Теперь он знал, что все это правда. Все, что ему сказали. Он действительно сможет спасти Наташу. А это самое главное. Все остальное неважно. А все эти психозаморочки: «если Вы сами захотите!...» — это все не для него. Это просто глупость какая-то.

Немного беспокоило только то, что он вообще не понимал суть проблемы; что значит: не захотите? Не захочу спасти самого близкого и любимого, родного человека? Почему? Что за ерунда?

2.

Домой Илья не ехал, а летел. Он чувствовал, что с души у него свалился какой-то огромный, тяжелый серый камень, который лежал там последние несколько дней. Мир опять обрел краски.

Наташа не умрет! Она будет жить! Он спасет ее! Он!!

Эмоции переполняли его, били через край. Хотелось что-то сделать. Немедленно всех спасти! Осчастливить! Он представил, как он расскажет о своем даре своей маме, Наташиной... и засмеялся от радости. Не поверят ведь, наверное!.. Ничего, поверят! Увидят Наташин диагноз и поверят. Как тут не поверить!

Да Наташина мама, кстати, вообще в экстрасенсов свято верит. Да не важно! Поверят!! Вот ахов и охов будет, когда узнают!

Ожидание до завтра было нестерпимо. Чтобы дать выход своей бурлившей энергии, чем-то себя занять, Илья затеял генеральную уборку квартиры. Подметал, пылесосил. Разморозил холодильник. Посуду всю перемыл.

В разгар уборки в комнате зазвонил телефон. Илья, который в это время возился на кухне с холодильником, наскоро вытер руки и побежал брать трубку.

— Да!

— Здравствуй, Илюшенька, это я, — услышал он голос матери. — Ну, что? Ты в больницу ездил? Чего ты не звонишь?

— А!.. Привет, мам. Ездил.

— Ну, и что сказали?

(Илья замялся. Врать не хотелось. Но, с другой стороны, а что говорить-то? Сразу про экстрасенса? Так ведь не поверит. Решит, что рассудком тут от горя повредился. Да и... Илья был человеком суеверным. Рассказывать раньше времени о даре он попросту боялся. Сглазишь еще! Спугнешь удачу. Нет же еще ничего! Вот когда он во мне будет, когда он у меня завтра откроется, тогда и расскажу. А сейчас пока... Лучше уж по дереву постучать. На счастье. На всякий случай.)

— Сказали, что опасения пока еще остаются, — после паузы, с некоторым усилием все же выдавил из себя в конце концов он. — Завтра во второй половине все окончательно ясно будет.

— Но что хоть врачи-то говорят? — взволнованно переспросила мать. — Как операция-то прошла? Что из тебя слова клещами вытягивать приходится!

— Ну, завтра все ясно будет! Я же тебе сказал! — с легким раздражением ответил Илья. — Но скорее всего она выживет, — все же, не удержавшись, добавил он.

— Так она... выздоровеет?.. — осторожно переспросила мать. Пауза перед последним словом была еле заметна, но Илья ее все же уловил. Он почувствовал, что раздражение его почему-то усилилось.

— Я не сказал: выздоровеет, — почти грубо отрезал он. — Я сказал: выживет.

— Значит, она инвалидом на всю жизнь останется? — еще более осторожно уточнила мать.

— Мам! Ну, о чем ты говоришь?! — совсем уже раздраженно закричал в трубку Илья. — Еще не ясно вообще, выживет ли она? Ты понимаешь это?! Причем здесь: инвалидом, не инвалидом?! Она еще вообще умереть может! Ты что, не понимаешь!??

— Да нет, понимаю, конечно, понимаю! Успокойся, Илюша, не волнуйся, — мать сразу же пошла на попятный и принялась его успокаивать. — Я понимаю, как тебе сейчас тяжело! Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — уже почти спокойно буркнул он.

— Тебе Вера Ивановна не звонила? (Вера Ивановна, мать Наташи, жила в другом городе.)

— Нет.

— Ну, позвонит, наверное, еще. Привет там ей от меня передай.

— Хорошо, — нехотя ответил Илья. Ему почему-то хотелось побыстрее закончить разговор. — Ладно, мам, я тут уборку генеральную затеял. Холодильник размораживаю. Давай уж тогда завтра созвонимся. Как будут новости, я тебе сразу сообщу.

— Только ты сразу звони! Как только что-то новое узнаешь! Я волноваться буду!

— Хорошо, хорошо! Как только из больницы выйду, сразу перезвоню!!! — опять сорвался на крик Илья. — Не забуду!

— Ну ладно, ладно, Илюша! Ты успокойся, не кричи так. С тобой правда все в порядке? — обеспокоенно поинтересовалась мать. — Может, мне к тебе приехать?

— Нет! Не надо ко мне приезжать! — опять чуть не закричал Илья. (Только этого еще не хватало!) — Я себя совершенно нормально чувствую. Ну, все, давай до завтра! А то холодильник течет.

— Ладно, хорошо, хорошо... Не забудь только завтра перезвонить!

— Да не забуду!!

Илья в бешенстве бросил трубку. Его прекрасное настроение куда-то вдруг бесследно испарилось. Разговор с матерью оставил в душе какой-то непонятный, тяжелый и неприятный осадок. Он сам не мог в нем сразу да конца разобраться и понять, чем, собственно, вообще он вызван? Обычный, вроде, разговор...

Убравшись, Илья включил на всю телевизор и до глубокой ночи сидел, тупо и бездумно уставившись в мягко мерцавший голубоватый прямоугольник экрана. Словно пытаюсь таким образом уйти от каких-то подспудно зреющих в нем и пугавших его самого мыслей и вопросов, о которых он вообще бы предпочел не думать.

Телефон он благо разумно отключил еще днем, сразу после разговора с матерью. Он и сам не знал, зачем он это сделал. Точнее, не хотел знать. Делал вид, что не знает. Предпочитал не задавать себе этого вопроса. Как и многих других. Он чувствовал, что эта страусиная политика, попытка спрятать голову в песок, ничего не видеть и ни о чем не думать — глупа, недальновидна и даже по сути глубоко оскорбительна для него самого (он что, боится? боится взглянуть в лицо правде? в чем дело-то?), но ничего не мог с собой поделать.

Он действительно боялся. Боялся думать. Боялся самого себя. Быстрее бы завтра уж наступило!

3.

Часа в четыре утра Илья выключил наконец телевизор и лег спать. Так поздно (вернее, рано) он обычно никогда не ложился и поэтому надеялся, что усталость его сморит, и он сразу же заснет. Часов до двенадцати дня. А то и до часу. А там, пока умоешься, позавтракаешь... Глядишь, вот уже и три!

Однако расчеты его не оправдались. Заснуть ему так и не удалось. Стоило ему только прилечь, как все те мысли, которые он от себя так упорно гнал, сразу же нахлынули на него со всех сторон.

А действительно, если она (он почему-то избегал в этих своих размышлениях называть жену по имени) инвалидом на всю жизнь останется? Лежачим больным? Да не если, а точно! Она сейчас в таком состоянии, что у нее и энергии-то жизненной почти не осталось. Все, что он сможет сделать, это перераспределить ее так, чтобы она какой-то полурастительный образ жизни вела. Еда-питье, ну и... все остальное. Кстати, насчет всего остального. Она ведь и ходить, скорее всего, под себя будет.

Илья никогда не любил думать на такие приземленные темы — ну, как-то неприятно ему это было! как и любому почти мужчине — но сейчас было не до брезгливостей и не до сантиментов. Морщись, не морщись, а убирать-то за ней кому-то надо! Деваться некуда будет. Ну, станет, конечно, мама помогать, но не может же она тут поселиться! Да и он сам этого не хочет. По крайней мере, до сих пор не хотел. Они же так стремились отделиться, жить отдельно от родителей!..

Господи ты боже мой! Сиделку нанять? А где деньги? Да и тут не одну сиделку надо, а... сколько? Трех, что ли? Ну да, по 8 часов или сутки-трое. Или даже четырех?.. Ну, короче, ясно все! Таких денег у него нет и никогда не будет. Да и чего у него вообще будет?

С работы уйти придется, подыскивать что-то надомное, что ли? Даже непонятно. Да и где такую работу найдешь? Тут и обычную-то днем с огнем не сыщешь. Безработица кругом.

Но ладно! Даже если материальные проблемы в конце концов решить кое-как и удастся: родители помогут — его, ее,.. у него кое-какие запасы подкожные есть... — хотя, какие там «запасы»! на всю жизнь все равно не хватит — но не важно. Прожить кое-как, положим, и можно будет. Но ведь именно кое-как! Все! На жизни можно смело крест ставить. На карьере, планах, перспективах — на всем! На семье даже, на детях. Какая тут «семья»! Какие «дети»!

Теперь вся его жизнь будет — ухаживание за... ней. Борьба за существование. Причем, навечно! До конца дней своих!

При этой мысли Илья невольно поежился. Будущее вырисовывалось перед ним в каком-то все более и более безысходном свете. Начинало выглядеть каким-то совсем уж беспросветным.

Особенно неприятным было то, что он оказался в действительности совсем не таким, каким себя всю жизнь считал. Не таким благородным. Хорошим, добрым, искренним, честным. Горько это было сознавать, но деваться было некуда. Приходилось признавать очевидное. Благородному человеку такие подленькие мыслишки вообще никогда бы в голову не пришли. Он просто делал бы, что от него требовали обстоятельства, и слова бы не сказал. Нельзя же бросать близкого человека в беде!

Да! — со злостью подумал Илья. — «Благородный»! Я тоже вот думал до сих пор, какой, мол, я «благородный»! А вон как оно оказалось, когда жизнь прижала! Откуда что взялось! Самому на себя смотреть противно. Какая я, оказывается, эгоистичная сволочь.

Да и!.. Нет. Не так даже. Мысли все эти паскудные, про горькую свою судьбину чести мне, конечно, не делают, это так! Но все же не все тут так просто.

Если бы Наташка просто после аварии или, там, ДТП инвалидом осталось, я бы, пожалуй, тоже за ней хоть всю жизнь ухаживал и слова бы не сказал. Горшки бы выносил. Но то — другое! То — от Бога! Во-первых, и выбора у тебя в этой ситуации нет, обрушилась беда на тебя — и все! никто тебя ни о чем не спрашивает, нравится тебе это или нет; а во-вторых, как говорится, Бог дал, Бог и назад взял. Всегда эта ситуация естественным путем разрешиться может. Смертью больного. Бог решает, жить человеку или умереть.

А тут я решаю! Я!! Я на себя функции Бога беру. А я всего лишь человек. Человек! Не по плечу мне такая ноша. Что я могу «решить»?! Могу я самого близкого человека, жену горячо любимую убить?! Дать ей умереть, зная, что я в состоянии этого не допустить, не допустить ее смерти, что я в состоянии ей помочь. Могу!? Могу!?!? Ясно, что не могу. Ни черта я не могу. Иначе как я с этим жить потом буду!?

И!.. Бог ты мой!.. Родители мои! — они же тоже теперь вечно жить будут! Больные, немощные, но они тоже никогда не умрут. Пока я жив, я этого не допущу!

Илья вдруг покрылся весь холодным потом и даже на кровати от ужаса сел. Он вдруг вспомнил, как у одного его приятеля умирала от рака мать. Вся распухшая, страшная, почти не встававшая с постели.

И вот в таком же состоянии ведь и моя мать когда-нибудь будет наверняка. Только она-то не умрет, я смогу на одном из последних этапов болезни стабилизировать процесс и остановить распад организма.

За то мгновенье, когда экстрасенс совершал над ним свои пассы, иницируя в нем его дар, Илья успел понять, что работать со здоровым организмом он практически не может. Только с больным. Причем только на самых последних стадиях болез-

ни. Когда жизненной энергии у человека почти уже не осталось. Вероятно, связано это было с тем, что такие незначительные потоки энергии легче контролировать, ими легко управлять. Управлять большими потоками он не мог. Не мог помочь матери, пока она здорова.

Итак, мама заболела... (Илья дико огляделся. Да что это со мной! О чем я думаю!? Но остановиться он уже не мог) ...дойдет до какого-нибудь совсем уж ужасного состояния,.. но умереть я ей так и не дам. Так она и будет такая вот распухшая и страшная жить вечно. До самой моей смерти... И папа тоже... И Наташка... Да я с ума просто сойду!! Да я от одной только мысли этой схожу! Меня просто дрожь по коже пробирает!.. Но не хочу же я, чтобы мама с папой умерли? Я же не желаю им смерти!?! Нет, конечно. Ну, так вот они и не умрут!

Да это проклятие какое-то, а не дар!! Ловушка какая-то дьявольская! Все, вроде, в твоей власти, сам все решаешь, а на самом-то деле оказываешься в итоге загнанным в угол. Что ты можешь «решить»?! Ты же не Бог, чтобы жизнью-смертью распоряжаться? Жизнь у близкого человека отнимать.

Часов в восемь Илья все-таки заснул. Снились ему какие-то кошмары. Безобразные, распухшие мать с отцом, окровавленная жена с переломанными и торчащими из тела костями. Все они медленно ковыляли к нему и тянули к нему свои руки, а он хотел убежать! убежать!! от них!.. но, как это часто бывает во сне, не мог сдвинуться с места. Они все ближе,.. ближе... Илья закричал и проснулся.

Часы показывали уже четвертый час. Илья с замиранием прислушивался к собственным ощущениям. Ну?.. Ничего. Дар не пробудился.

Илья встал, зевнул и пошел умываться. Он чувствовал себя на удивление легко и свободно. Как человек, только что чудом избежавший огромной опасности.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Тяжело ли терять близких, друзей?

И ответил задумчиво Люцифер Своему Сыну:

- Да.

И снова мигнуло, мелькнуло что-то перед глазами Сына Его, и опять увидел Он себя в черной броне, сидящим на коне, и ту же самую равнину и те же бесконечно-стройные, ослепительно-белые шеренги впереди. Только теперь все пространство между Ним и этими шеренгами было завалено горами тел в белоснежных доспехах. Их было много, очень много этих тел, они лежали повсюду, насколько хватало глаз, до самого горизонта.

Он поднял перед собой согнутую в локте левую руку, и сидевшая на плече птица сразу же неуклюже спрыгнула ему на перчатку. Ворон был весь изранен. Одно крыло у него было перебито, левая лапа почти отрублена и висела на одной только коже. Он внимательно осмотрел птицу, дунул легонько - и раны зажили, кости срослись. Но чтобы полностью восстановиться, ворону нужно было время.

Он снова посадил птицу себе на плечо и, не обращая никакого внимания на замершие перед ним, оцетинившиеся пиками бесконечные шеренги, легко спрыгнул с коня, наклонился к собаке и потрепал ее по голове. Пес благодарно заскулил и завилял обрубок хвоста. Ему тоже здорово досталось. Очень здорово. Даже больше, чем птице. Еще одного боя ни он, ни она не выдержат.

Конь... Да... Рана... Еще одна... И вот еще рубленая...

Тогда Он повернулся спиной к шеренгам и медленно побрел прочь с вороном на плече, бегущей собакой рядом, ведя на поводу коня.

Сзади звонко и мелодично заиграли ангельские трубы, подавая сигнал к атаке, послышались резкие отрывистые крики команд. Но шеренги не шелохнулись, ни один из воинов не двинулся с места.

Услышав за спиной все эти звуки, Он на секунду приостановился и медленно обернулся. Трубы и крики разом оборвались. Мертвая тишина повисла над полем. Ужас сковал шеренги, и под Его немигающим взглядом они словно отшатнулись, качнулись еле заметно назад.

Люцифер помедлил еще мгновение, потом снова повернулся и среди висящей над полем звенящей тишины так же спокойно и неторопливо продолжил свой путь.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 7-й

И настал седьмой день.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Сказано: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим, или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду». Так ли это?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Что считать хорошим и что считать худым? Вот в чем главная проблема.

ЗАКЛИНАНИЕ

«Горше смерти женщина, потому что
она — сеть, и сердце ее — силки,
руки ее — оковы».

Екклесиаст

СУББОТА

From PR to x13

Привет, x13!

Ну и что? Связывался ты с ними?

From x13 to PR

Hello, PR!

Да всю ночь сегодня сидел! Эта разница во времени задолбала уже. К тому же я язык все-таки не очень хорошо знаю. Пишу, как я сам понял. Если мне самому что-то неясно — я в скобках указываю.

Человек подобен капельке в океане других людей. Океан большой, капелька маленькая. Энергия ее по сравнению с энергией целого океана ничтожна. Поэтому все, что происходит с отдельным человеком, все колебания внутри капельки, влияют обычно только на ближайшее его окружение, на соседние капельки. А дальше эти колебания очень быстро гасятся и затухают.

Все это вполне понятно и естественно. Но в океане, как и вообще в любой системе, существуют так называемые резонансные частоты. И если капелька начинает вдруг колебаться в этих резонансных частотах, то эти ее колебания не гаснут, а

наоборот многократно усиливаются и пронзают толщу всего океана. Действительность как бы подстраивается под них или, точнее, они подстраивают ее под себя.

Именно таков механизм воздействия великих людей (Александр Македонский, Цезарь, Наполеон), когда действия одного человека, колебания одной маленькой капельки, обладающей ничтожной энергией по сравнению со всем океаном, оказывают колоссальное воздействие на весь океан в целом. Колебания в резонансных частотах.

Так вот, это заклинание счастья перестраивает что-то в тебе (тут я не понял, термин какой-то, «внутренняя сущность», что ли?) и меняет твои частоты на резонансные. Т. е. отныне действительность (мир) будет под тебя подстраиваться.

Ну, Александра Македонского из тебя, может, и не получится, т. к. настройка все же грубая, но все-таки отныне твое действие будет распространяться на огромные слои воды вокруг тебя, а не только на соседние капельки. А этого вполне достаточно, чтобы сделать лично тебя счастливым. В общем, ты отныне подстраиваешь окружающую действительность под себя. Сможешь активно влиять на реальность.

Ну, вот так примерно. Да, и дальше они пишут, что заклинание очень опасно и пользоваться им надо с осторожностью. Но там уже б утра было, у меня голова совсем ничего не соображала, так что про это я уже ничего не выяснил. Почему опасно? В чем эта опасность?

From PR to x13

И когда ты теперь с ними свяжешься?

From x13 to PR

Теперь только в понедельник ночью. Они ж в субботу-воскресенье не работают.

From PR to x13

А заклинание они тебе прислали?

From x13 to PR

Да. Звуковой файл.

From PR to x13

Ты слушал уже?

From x13 to PR

Да. Там слова какие-то непонятные, на каком-то непонятном языке, через паузу. Надо отчетливо повторять.

Т. е. слово, пауза. Во время паузы ты повторяешь слово максимально точно. Ну, стараешься воспроизвести.

From PR to x13

Ты уже пробовал?

From x13 to PR

Что я, дурак? Нет, я в такие игры не играю. На фиг-на фиг!

From PR to x13

Ты что, веришь в это?

From x13 to PR

Не знаю.

From PR to x13

Так ты сам не будешь?

From x13 to PR

Что?

From PR to x13

Заклинание читать.

From x13 to PR

Нет.

From PR to x13

Что, вообще не будешь?

From x13 to PR

Нет.

From PR to x13

Почему? Это же заклинание счастья. Ты что, счастливым быть не хочешь?

From x13 to PR

У меня и так все нормально.

From PR to x13

Ты мне файл с заклинанием сбрось тогда. Послушаю хоть. Интересно же.

From x13 to PR

Хорошо. А ты что, прочитать его собираешься?

From PR to x13

Не знаю. Нет, наверное. Подожду уж до вторника, что там за предупреждение. Не знаю, короче.

From x13 to PR (через 5 минут)

Ну чего, получил? Все нормально?

From PR to x13

Да. Все нормально. Спасибо. Тогда до вторника? Ты чего в выходные-то делать собираешься?

From x13 to PR

Не знаю еще. Может, на дачу поеду. А ты?

From PR to x13

Тоже не знаю. Наверное, дома останусь. Дел полно. Ну, ладно, пока.

From x13 to PR

Пока. Bye-bye!

ВТОРНИК

From PR to x13

Привет!

Ну, как дела? Как выходные провел?

From x13 to PR

Hello, PR!

Да никак. Дома сидел. А ты?

From PR to x13

Тоже. С этими-то связывался уже?

From x13 to PR

Нет, у них с сервером что-то. На сайте объявление висит, что в конце недели только включатся.

From PR to x13

Вот черт! До конца недели, что ль, теперь ждать?

From x13 to PR

А чего ты хотел?

From PR to x13

Ну, как чего?! Предупреждение их почитать. Насчет заклинания.

From x13 to PR

А ты его слушал?

From PR to x13

Конечно, слушал! Раз десять уже, наверное.

From x13 to PR

Ну, и как?

From PR to x13

Абракадабра какая-то. Чушь все это!

From x13 to PR

Так зачем слушал тогда 10 раз?

From PR to x13

Сам не знаю. Как в пропасть какую-то заглядываешь. И знаешь, что не надо, и удержаться не можешь. Так вот словно и подмывает, подталкивает кто: произнеси да произнеси!

From x13 to PR

Ну и произнеси. Ты же говоришь: чушь?

From PR to x13

Да!.. Чушь-то чушь, а все-таки... Страшно как-то... Черт его знает!

From x13 to PR

Вот именно! Подожди уж до конца недели. Пока они откроются.

From PR to x13

Ладно. Ну, давай. До завтра.

From x13 to PR

До завтра. Bye-bye!

СРЕДА

From PR to x13

Привет!

Не удержался все-таки и прочитал заклинание!!!

From x13 to PR

Hello, PR!

Что, правда, что ль? Когда?

From PR to x13

Только что. Минуту назад. Перед тем, как с тобой связаться.

From x13 to PR

Ну, и как? Счастливый уже, небось?

From PR to x13

А то!

From x13 to PR

Ну-ну!.. Слушай, у меня тут дел по горло. Давай тогда до конца недели. Когда у них сайт откроется. А то по работе завал. Вилы!

From PR to x13

О! Действительность уже меняется! Всегда ведь приятно слышать, что другому плохо!

From x13 to PR

Ладно, остряк-самоучка. Все! Некогда мне. Свяжемся... Bye-bye!

From PR to x13

Ладно, ладно! Работай. Пока.

СУББОТА

From PR to x13

Привет!

Ну, где ты там? Проснулся? Открылись они?

From x13 to PR

Hello, PR!

«Проснулся»! Да я уже тут с утра, как пчелка, пашу! В смысле, тружусь. В отличие от некоторых... счастливцев. Которые, судя по всему, «часов не наблюдают» и спят до двух часов дня.

From PR to x13

Слушай, не морочь мне голову! «Пчелка»! Ты лучше скажи, связывался ты с ними??

From x13 to PR

Связывался, связывался! И что за тон?! Думаешь, если ты теперь на резонансной частоте волну гонишь, можешь и мной командовать?

Ладно, шучу, шучу!

В общем, связался я с ними и попросил предупреждение прислать, как ты и просил. И добавил от себя, что один мой приятель, мол, прочел.

Они, кстати сказать, очень серьезно это восприняли и завалили меня вопросами: что и как? Кто ты? Сколько тебе лет? Где работаешь? Когда прочитал? И пр.

Ну, я же сам не знаю про тебя ничего. Да и без твоего ведома в любом случае говорить бы ничего не стал. Короче говоря, они прислали длинную анкету с вопросами. Я тебе ее перешлю, и ты сам им ответь. Я тебе их e-mail укажу. O'key?

P. S. Вопросыки, я тебе скажу!.. По крайней мере, некоторые. Они сказали, ставь прочерк, если отвечать не хочешь.

From PR to x13

Ну, пришли. А предупреждения?

From x13 to PR

Насчет предупреждений они сказали, что раз ты уже прочитал, то предупреждения теперь излишни. От них тебе теперь только хуже может быть. Все равно уже ничего не изменишь. Теперь надо просто смотреть, как заклинание на тебя действовать начнет.

From PR to x13

И как я это увижу?

From x13 to PR

Они очень просили тщательно отслеживать все происходящее вокруг тебя и сообщать им о любых событиях максимально подробно. Ну, наблюдать за тобой хотят, как за пациентом в клинике. За самочувствием, так сказать.

From PR to x13

Кстати, насчет самочувствия. Я тут что-то приболел последние дни. Чувствую себя как-то... Усталость какая-то, что ли?.. Непонятно даже. Лежать все время хочется.

Так что давай, анкету мне присылай и до завтра. Полежу пойду. Т. е. до вторника.

From x13 to PR

Ну, полИжи!.. Ладно, ладно, шучу! Хорошо, отдохай. Ложись. Выпей там чего-нибудь. Все. Bye-Bye!

P. S. Оказывается, «счастливые тоже болеют»! Ну, надо же! Кто бы мог подумать!

From PR to x13

Пока. До вторника. Анкету не забудь.

E-mail from box@pr.ru to letter@magia.xx

Имя: Павел

Фамилия: Ростоцкий

Возраст: 38 лет

Дата и время рождения: 17 июля, около 12 часов дня

Ежемесячный доход: (до \$1 тыс., \$1-10 тыс., \$10-50 тыс., свыше \$50 тыс.) (нужное подчеркнуть)

Профессия: Бизнесмен

Семейное положение: Женат

Дети: Нет

Возраст жены: 19 лет

Красивая ли у Вас жена: нет, красивая, очень красивая

Сколько раз в неделю

Вы занимаетесь сексом

со своей женой? _____

Сколько раз за ночь
 Вы можете осуществить
 половой акт? _____

Какова средняя продолжительность
 Вашего полового акта? _____

Испытывает ли обычно Ваша жена
 оргазм во время полового акта? _____

Довольны ли Вы своей
 сексуальной жизнью? нет, да, не знаю

Довольна ли Ваша жена
 своей сексуальной жизнью? думаю, нет; думаю, да;
 не знаю

Есть ли у Вас любовница? нет, да

Хотите ли Вы иметь
 любовницу? нет, да

< далее еще свыше 100 вопросов >

ВТОРНИК

From x13 to PR

Hello, PR!

Как ты там себя чувствуешь! Слушай, меня тут эти уже достали! Чернокнижники эти. Все твоим самочувствием интересуются. Я им сказал, что ты приболел слегка, так они там, как сбесились! Просят срочно с тобой связаться и все подробно порасспросить. Я чего-то не пойму, что происходит? Ты же, вроде, заклинание счастья прочитал? Резонансные частоты, там, всякие... Ну, и где оно, это счастье? Может, это у тебя сейчас период адаптации?

P. S. Анкету твою они получили. Все нормально.

From PR to x13

Привет!

Чего-то ты рано сегодня. Чувствую я себя как? Хреново, по правде сказать. Совсем чего-то разболелся. Слабость какая-то, головокружение... Никогда такого не было. Лежу все время (лЕжу!). Жена вся извелась. От постели не отходит. Врачей уж человек десять перебивало, а толку никакого. Ни температуры, ничего. Наверное, говорят, переутомление.

В общем, непонятно. Как будто действительно это проклятое заклинание на меня так подействовало. Бред просто какой-то! Жену жалко. Она, бедная, тут... Ладно, впрочем.

Свяжись с этими чернокнижниками чертовыми, пусть советуют, что делать! Пусть снимают с меня эту свою порчу! Может, я заклинание неправильно прочитал, и оно теперь наоборот на меня действует? Короче, пусть делают что-нибудь!

И на фиг я его вообще прочитал!? У меня и так все прекрасно было. Жил себе, жил... Правильно говорят: лучшее — враг хорошего. Счастье ему, видите ли, захотелось. Чернокнижного. На резонансных частотах. Александр Македонский!.. Гай Юлий Цезарь!..

Связывайся, короче, срочно с ними! Пусть сделают хоть что-нибудь! Назад все возвращают. Не получилось из меня Цезаря. Как из Остапа Бендера графа Монте-Кристо. Пора переквалифицироваться опять в управдомы.

From x13 to PR (через 15 минут)

Все я им подробно передал. И про самочувствие твое, и про пожелание. Чтобы заклинание с тебя снять.

Они сказали, что сейчас будут совещаться, чего-то там обдумывать, и ответ дадут завтра. Так что потерпи уж. Ну, я не знаю, может, еще врачей каких вызвать? Даже не знаю, что тебе посо-

ветовать. Ты уж там держись! А завтра я тебе сразу же сообщу, как только от них что-то будет. Договорились?

Ну, давай! До завтра. Держись. Не раскисай.
Bye-bye!

From PR to x13

Ладно, понял. Завтра свяжемся. Пока.

СРЕДА

From x13 to PR

Hello, PR!

Только что получил ответ с сайта. Наскоро перевел и сразу тебе высылаю. Без комментариев! Сам решай. Я тебе тут не советчик.

P.S. Перевод несколько корявый получился, не обращай внимание. Просто я торопился, письмо длинное, редактировать некогда было.

Уважаемый г-н Ростощкий!

Мы внимательно изучили любезно присланную Вами анкету и Вашу ситуацию в целом. Мы крайне сожалеем, что Вы прочитали заклинание счастья, предварительно не посоветовавшись с нами. Если бы Вы это сделали, то всех нынешних проблем легко можно было бы избежать. Как бы то ни было, но что есть, то есть.

Нам крайне неприятно писать те вещи, которые Вас, наверное, очень расстроят и огорчат, но мы вынуждены это делать. Поскольку ситуация очень серьезная. Надеемся на Ваше благоразумие и здравый смысл и уверены, что Вы с пониманием отнесетесь к тому, что сейчас прочтете.

Если говорить коротко, то Ваша проблема в том, что Вы любите свою жену, а она Вас, по всей видимости, нет. Конечно,

это только наше предположение, но говоря откровенно, те Ваши ответы, которые Вы нам любезно прислали, полностью его подтверждают. По сути, Ваша ситуация довольно обычна и заурядна.

Вы богатый человек, ваша жена, как Вы пишете, очень красива и гораздо Вас моложе. Не кажется ли Вам, что если бы Вы не были так богаты, то вряд ли смогли бы так удачно жениться и найти себе такую молодую и красивую жену? Иными словами, вряд ли она вышла за Вас по любви и, скорее всего, с ее стороны это был просто банальный брак по расчету. Согласитесь, подобное предположение звучит вполне естественно!

Ваша проблема в том, что вы действительно, по-настоящему любите свою жену. А когда любишь человека, хочешь прежде всего, чтобы ему было хорошо. Это и есть счастье.

Иными словами, Вы меняете окружающую реальность так, чтобы ей, Вашей любимой, было максимально хорошо, Вы стремитесь реализовать ее подсознательные желания. А ее подсознательное желание — чтобы Вас не было. Чтобы она осталась богатой и свободной.

Мы специально подчеркиваем, что это ее именно подсознательное желание! Ваша жена может быть очень хорошим человеком, и сознательно вовсе не желать Вам зла. И если Вы об этом ей скажете, она придет в ужас и даже обидится. Но тем не менее, с природой не поспоришь. Она Вас не любит. А ей, как и любому человеку, хочется любить, хочется своего счастья. И Вы являетесь помехой.

Все эти проблемы присуци очень многим семьям, но в обычной жизни все эти подсознательные желания так и остаются на уровне подавленных и нереализованных. Но произнеся заклинание счастья, Вы невольно выпустили джинна из бутылки и запустили механизм реализации. Именно в этом и заключается главная опасность, о которой мы писали Вашему другу и которой Вы пренебрегли, поторопившись произнести заклинание.

Вы пишете, что причину болезни врачи определить не могут, и что Ваша жена крайне переживает, беспокоится и буквально не отходит от Вашей постели. Это означает только, что она действительно порядочный человек и сознательно Вам зла не желает.

Подсознательно ей хочется, чтобы Вы умерли не от какого-нибудь ужасного рака или СПИДа, страдая и мучаясь, а просто бы тихо угасли, ушли из ее жизни, умерли у нее на руках, благославив ее перед смертью; а она бы во время болезни самоотверженно ухаживала бы за Вами, не жалея себя, недосыпая и вообще во всем себе отказывая. А все бы вокруг ей сочувствовали и восхищались ее благородством и силой ее любви. И перед самой собой она тоже была бы чиста. Она сделала все, что могла. Все, что в человеческих силах.

Мы умышленно все так жестко и цинично описываем, но ситуация действительно очень серьезна, и Вы не должны строить себе никаких иллюзий.

Если ничего не изменится, то кончиться все может для Вас очень плохо. Процесс пойдет очень быстро и со все возрастающей скоростью, поскольку сейчас Ваша жена почувствовала, что ее тайные желания могут сбыться, свобода действительно возможна, и эта близость свободы усиливает подавленные желания, срывает запущенный Вами механизм их реализации, Вам становится еще хуже, ощущение близости свободы еще больше усиливается и т. д. В общем, классический пример обратной связи. Образно говоря, змея кусает себя за хвост.

Что же делать? Снять заклинание невозможно. Решением проблемы явилось бы, если бы Вы разлюбили свою жену, или же Ваша жена полюбила бы Вас. Но, к сожалению, по заказу полюбить и разлюбить нельзя.

Можно, конечно, было бы порекомендовать Вам написать завещание не в пользу жены, чтобы она опасалась Вас потерять и остаться ни с чем, но в данном случае и это бесполезно. Только

хуже будет. Во-первых, т. к. Вы ее любите, то Вы, наверное, на это не пойдете, а во-вторых, пока Вы ее любите, все будет все равно оборачиваться в итоге в ее пользу. И завещание она Вас потом все равно опять изменить заставит, и только еще больше Вашей смерти желать будет. Только теперь уже, возможно, еще и сознательно. Раз Вы на такие вещи способны. Она только о Вас и думает, ухаживает, от постели не отходит, все для Вас делает, а Вы в благодарность ее без средств к существованию оставить хотите. Зачем же тогда жениться? И, согласитесь, она по-своему будет права. Ведь на сознательном уровне она Вам зла не желает. Она не ведает, что творит.

Теперь, когда Вы поняли, как мы надеемся, всю серьезность и даже трагичность ситуации, подведем итоги.

Наше резюме.

Пока заклинание действует, сделать ничего нельзя. Что бы Вы ни предпринимали, оборачиваться все будет в итоге в данной ситуации против Вас. И жить Вам, значит, осталось совсем немного. Будем называть вещи своими именами.

Вам необходимо НЕМЕДЛЕННО бросить все и уехать как можно дальше от своей жены. Чисто территориально. На другой конец света. Вы богатый человек, и для Вас это не сложно. Купите сразу по прочтению этого письма билет на самолет и немедленно улетайте. Мы не знаем, может, и это уже не поможет, машина сломается, и Вы на самолет опоздаете — но это Ваш единственный шанс. Возможно, на расстоянии действие заклинания ослабнет. Ведь даже на резонансных частотах Ваши колебания (Вашей капли) имеют все же лишь ограниченную область действия (не весь океан). Очень большую по сравнению с обычным человеком, но все же ограниченную.

В общем, немедленно уезжайте! Немедленно! Там, на удалении от жены, Вы, по крайней мере, выздоровеете, а потом уж спокойно решите, как быть дальше. Не теряйте ни секунды! Возможно,

счет уже пошел на дни! Или даже на часы! Это очень сильное заклинание. Все может очень быстро произойти.

С искренним уважением и пожеланием успехов и здоровья, MAGIA.

Слушай, чего ты делать-то собираешься? Срочно мне напиши. Может, тебе помощь нужна? Билеты заказать или еще что! На аэродром, например, отвезти. Только скажи. Мы же друзья, в конце концов. Хоть и виртуальные пока, только по компьютеру. Заодно уж и познакомимся. Короче, обращайся, не задумываясь! Не стесняйся.

From x13 to PR (через 10 минут)

Что с тобой? Почему ты молчишь? Хочешь, я сам билет закажу? Скажи только, куда. Или давай по своему выбору все устрою? И билет, и отель. Деньги у меня есть. Это не проблема. Я тоже человек не бедный. И с визой все решу. А можно на Камчатку, скажем. Чтобы с визой не заморачиваться. Тоже далеко. Только данные мне свои скажи, а я уж сам все сделаю. Даже машину могу прислать, чтобы на аэродром отвезти.

From PR to x13

Спасибо за заботу. Тронут! Правда! Честное слово.

From x13 to PR

Так что с билетом-то? Сам закажешь или мне заняться? Помощь нужна? Не стесняйся.

From PR to x13

Я не полечу никуда.

From x13 to PR

Что????!! Ты с ума сошел??? ПОЧЕМУ????????!!!!!!

From PR to x13

Знаешь... Не могу... Мне кажется... Трудно объяснить... В общем, мне кажется, если я убегу, я предаю свою любовь. От любимых не убегают.

From x13 to PR

Ты что, дурак?! Да это на тебя заклинание так действует! Не дает тебе от нее уехать. Ты что, не понимаешь????!!!!!!

From PR to x13

Это не заклинание. Это... А может, и заклинание. Знаешь, оно и правда действует. Я никогда еще в жизни не был так счастлив. Как будто судьба послала мне какое-то страшное испытание, и я его выдержал. С честью. Любовь моя его выдержала. Я ее все равно люблю. Несмотря ни на что. Она счастлива — и я счастлив. Ей будет плохо — и мне будет плохо. Зачем же от нее уезжать? Зачем делать ей плохо? Причинять ей боль?

From x13 to PR

Да это заклинание тебя заставляет так думать!!!! Заклинание! Заклинание!!! Не сдавайся! Борись! Уезжай! Уезжай немедленно!!! Борись!!!!!!!

From PR to x13

Знаешь такие стихи? Я их раньше не понимал, а теперь понял:

*О, дай мне бог конец такой:
Всю боль испив до дна,
В свой смертный час махнуть рукой
Глядящим из окна.*

Это, наверное, немногим дается. Мне бог дал. И я ему вечно за это благодарен буду. Потому что это и есть счастье. Высшее. Больше желать мне нечего.

*Все я, боже, получил сполна.
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти.
Мне не причитается она.*

Все. Пока.. Трудно писать... Буквы расплываются... Буквы...
О чем я?.. Да... Ненависть... Ненависти мне не причитается...
Нет! Любовь... Только любовь... Одна только любовь!

From x13 to PR

Что с тобой? Отвечай! Пожалуйста, ответь! Пожалуйста.

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ

From Romka to x13

слыш чувак! закалебал ты миня уже своим мылом. нет здесь
больше ни какого рг. и ни пиши сюда больше! а то урою!!!!!!

Ромка

И спросил у Люцифера Его Сын:

**- Лежит ли вина на той женщине за смерть того
мужчины?**

И ответил Люцифер Своему сыну:

**- Нет. Он хотел счастья, и он получил его. Она
дала ему это счастье, дала ему умереть счастли-
вым. Это большее, что может сделать один человек
для другого.**

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 8-й

И настал восьмой день.

И сказал Люцифер:

- Чудеса не могут принести счастья. Они нарушают гармонию мира. Сильному они не нужны, а слабому бесполезны.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Разве они не помогают человеку получить то, чего он хочет?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Человеку нельзя ничего дать сверх того, что он имеет. Если у него чего-то нет, значит, он этого и не заслуживает. Каждый получает в жизни ровно столько, сколько он стоит. Не больше и не меньше.

Победителей не назначают. Ими становятся. Нельзя назначить волка вожаком стаи. Иначе погибнет и сам волк, и вся стая.

СЕКТА

«После того полюбил он одну женщину,
жившую на долине Сорек; имя ей
Далила».

Книга Судей Израилевых

«Мужчину одного из тысячи я нашел,
а женщину между всеми ими не нашел».

Екклесиаст

1.

Голова болела зверски. Кроме того, тошнило и страшно хотелось пить. В общем, все, как обычно. Полный букет.

Господи, как же я вчера нажрался!.. — с тоской подумал Игорь Рудников, наливая трясущейся рукой в стакан шипящую минералку и выдавливая на ладонь зеленую таблетку темпальгина.

Может, уж две сразу? — засомневался вдруг он и после секундного колебания выдавил еще одну.

Проглотив таблетки и запив их минералкой, Рудников в изнеможении откинулся назад, на подушку и закрыл глаза. Теперь надо полежать спокойно, а в идеале вообще уснуть. Это было бы лучше всего. Тогда есть шанс, что при следующем пробуждении голова хоть, по крайней мере, болеть не будет. Темпальгин — это хорошо. Помогает стопроцентно. Особенно две таблетки.

Заснуть, однако, не удалось. Как же! Заснешь тут! Не тут-то было! Только-только он задремал, как вдруг зазвонил телефон.

— Да! — снял трубку Рудников.

— А-ал-ле! — услышал он веселый пьяный голос Сашки Петрова. — Проснулся?

— Только что, — с усилием ответил Рудников, стараясь говорить как можно тише и меньше. Каждое слово отдавалось в голове тупым булавочным уколом.

— А мы тут уже с утра продолжили! — радостно сообщил Петров. — Давай, приезжай! Чего ты вчера удрал-то?

— Да куда «приезжай»! — скривился Рудников. Головная боль усилилась. Черт бы его побрал с этими его разговорами! — Я тут еле живой лежу.

— Да брось ты! Опохмелишься — и все пройдет. Сразу как рукой снимет, — заржал в трубку Сашка. — Примем сейчас по чуть-чуть...

— Ты с ума сошел? Я умру тут, если встану! (Отвяжись ты, Христа ради!)

— В общем, отрываешься от коллектива. Не уважаешь, значит... — полушутливо резюмировал Петров.

— Ну, причем тут «отрываешься»? (Начинается!.. Действительно ведь обидится еще сейчас спяну, чего доброго!) Ты же знаешь, как я все это переношу. Это вам, алкашам, как с гуся вода, а я, блядь, неделю теперь в себя приходиться буду.

— Ну, ясно... Да, Гари, ты не наш, не с океана! Ладно, надумаешь — приезжай. Мы тут у Федорыча все сидим.

— Да не надумаю я! Я валяться целый день буду, отходить. И так, вон, уж две таблетки от головы принял!

— Ну, смотри... А то приезжай, — Сашка секунду помедлил. — Ну ладно, пока! — сдался наконец он.

— Пока, — почти простонал Рудников, кое-как положил на место трубку и опять налил себе минералки.

Голова раскалывалась. Черт! Третью таблетку надо пить. Чего звонят? Не сидится им там! Скучно им, блядь, без меня. Ну и пиздец! Это неопишимо. Давненько такого не было. Хоть

о стенку головой бейся! Надо лечь и не шевелиться минут пятнадцать. И ни о чем не думать. И телефон этот блядский отключить немедленно. Чего я, спрашивается, раньше этого не сделал? Никаких бы этих разговоров не было!

Рудников с ожесточением выдернул шнур из розетки и бросил его на пол. Это подействовало на него успокаивающе. Дало ощущение уюта и безопасности. Теперь надо просто спокойно полежать, и все пройдет.

Минут через пятнадцать голова действительно прошла. Боль стала постепенно отступать, отступать и наконец совсем исчезла. Рудников некоторое время просто лежал и наслаждался ее отсутствием. Блаженствовал! Все-таки темпальгин — классная штука! Действует гарантированно.

Он полежал спокойно и ни о чем не думая на всякий случай еще минут десять, пока не убедился окончательно, что голова и в самом деле прошла, после чего рассеяно и не спеша начал перебирать в памяти вчерашний вечер.

Хотя чего там перебирать-то! Все, как обычно. Нажрались все как свиньи. До поросычьего визга. Да и воспоминания у него были какие-то отрывочные. С обширными пробелами и лакунами. Не геройствовал, вроде, и не приставал ни к кому — и слава богу! И на том спасибо. А то, блядь, в прошлый раз... До сих пор вспоминать стыдно... Тьфу, черт! Даже сейчас в краску бросило. Чего я там дурище этой тогда на ушко нашептывал... О-о-ой!.. Хорошо хоть, не заметил, вроде, никто. А может, и заметили... А!.. ладно. Все, проехали! Чего эту чушь вспоминать! Мало ли чего по пьяни бывает. Наплевать и забыть. Впредь только этих глупостей не повторять. Помнить, какой я пьяный дурак и идиот. Чтобы к бабам — ни-ни! На пушечный выстрел!

А то еще, блядь,.. чего доброго... Проснешься одним прекрасным утром... встретишь розоперстую аврору... Тьфу! Тьфу-тьфу-тьфу! Лучше об этом вообще не думать! А то все, о

чем я думаю — все сбывается. Как по-писаному. Все пиздецы! Только о нем, проклятом, подумаешь — и вот он, пожалуйста! Тут как тут! «Чего изволите!? Звали, хозяин?»

Что у меня опять за дурацкие мысли? Куда меня опять куда-то в сторону увело? Что вчера-то было?.. Чего-то ведь там было... Чего-то я сегодня вспомнить собирался... Точнее, не забыть... Чего ж?

Рудников с трудом напрягся.

Тэ-эк-с... Пьем... Пьем... Тосты-напутствия... Пьем... Напутствия-тосты... Пьем... Семин с Татьяной... Ну, это ладно. Маркин поет... Пробел. Опять, вроде, пьем... Опять пробел. Опять, вроде... Стоп! Вот здесь, кажется, чего-то было. Так!.. Так... Чего ж там было-то?.. Чего-то ведь было... Чего-то, вроде, даже важное... Да-а... Ва-ажное...

Ну, чего? Чего там, блядь, могло быть «важное»? Никого я там не трахнул, надеюсь, на скорую руку? Может, это и есть «важное»? Боже упаси! Да нет, нет!.. Так... Ну, так что? Вспомню я или не вспомню, в конце-то концов?

А-а-а!.. Разговор с Фроловым! Героем торжества.

Рудников наконец смутно что-то припомнил.

Застолье, гомон,.. совершенно пьяный Фролов что-то ему увлеченно рассказывает. По страшному секрету. (Все эти пьяные секреты!..) Монету он, вроде кидает?.. Ничего не помню! Причем здесь монета? Ну-ка, давай все сначала.

Так... Мы сидим, разговариваем, он чего-то там хвастаться начинает. Потом монета... Да ладно, пес с ней, с монетой! Чего он говорит-то?..

А! Сейчас, сейчас...

Рудников выпил еще минералки и наконец вспомнил. Вспомнил, что говорил ему Фролов. А говорил он по поводу своего нынешнего повышения, которое, собственно, они вчера так бурно и отмечали.

— Чего, ты думаешь, меня повысили? Просто так, что ли? Не-ет! Просто так у нас ничего не бывает. Э-эт-то только начало! Я в секту такую вступил, что все у меня теперь по жизни ровно будет! Все тип-топ! Всегда будет во всем везти! Во всем!

Ну да! А потом он монетку стал кидать, чтобы показать, как ему везет.

Интересно-есно!.. Хм!.. О-очень интересно!..

Рудников даже про похмелье свое забыл.

Какую еще секту? Чего он там плел? Чего, правда, что ль? Секта?!.. Фролов? Фролов — сектант? Эта пьянь?! Что за бред?! А с другой стороны, не придумал же он все это! Во-первых, он пьяный был в драбадан, лыка не вязал, для таких придумок; а во-вторых, такой бред и придумать-то невозможно. Хм... Так, что, действительно, что ль? Секта...

Черт! До чего все же мерзкое состояние! Голова как ватой набита. Опилками, блядь. Как у Винни Пуха. «В голове моей опилки, да! да! да!.. Не-бе-да!!». И тому... подобное. Да, да, да!. Так о чем это я думал?.. А, о Фролове... Да! да! да! И тому подобное. О секте и сектантах.

А ведь назначили-то его действительно странно, между прочим. Никто этого совершенно не ожидал. Как гром среди ясного неба. Раз вдруг — и на повышение! А с какого хуя?! Хм... Секта... Я бы, блядь, тоже тогда не отказался в такую секту вступить!

Да, кстати, я же ему так сразу тогда и сказал. Что тоже, мол, хочу. На что он, пьяно ухмыляясь, заявил мне, что «он передаст».

Рудников вспомнил самодовольно ухмыляющуюся рожу пьяного в стельку Фролова и невольно усмехнулся. «Передаст».

Смейся-смейся! — тут же одернул он себя. — А какая у него теперь зарплата и какая у тебя? И если ты такой умный да еще к тому же и веселый впридачу, то чего же ты такой бедный? А? Как, блядь, самая распоследняя церковная мышь! Как тот наш несчастный премьер-бровеносец косноязычный. Посол укра-

инский. Как его, интересно, на украинску мову-то переводят? Так хохлам и надо! Это им за Крым.

Ладно, чего у нас там дальше-то было? С этим передастом. Чего он мне еще интересного успел понарасказывать?

А ничего дальше не было! Тут к нам кто-то подрулил, и на этом вся наша интересная беседа и закончилась.

Ну, и чего? Станный какой-то разговор... Гм... Очень странный. Правда все это, интересно, про секту или просто пьяный треп?... Да нет, на обычный пьяный треп что-то не похоже. Наоборот, такое впечатление, что это он спьяну проболтался, а теперь, наверное, и сам не рад. Если помнит, конечно, что-нибудь.

Любопытно... Весьма любопытно... Что это за секта такая, которая может с карьерой помочь? Типа масонской ложи, что ли? Да-а!.. А мне-то чего?! Я все равно ни во что это не верю. Ни в масонов, ни в ложи, ни в черта, ни в дьявола! Масонской, не масонской — главное, чтобы это было реально! Чтоб прок от них был. А то вступишь, блядь, к каким-нибудь сырым и убогим... Таким же мудакам, как и я. Юродивым... У которых у самих за душой ни гроша нет. На хуй-на хуй! Такие секты нам не нужны. Я и сам сырый и убогий. Безденежье это, блядь, забало уже! Бедность, конечно, не порок, но сколько же можно!

И главное, перспектив ведь никаких! Абсолютно. Вот в чем самый ужас! Связей нет, родственников нет, ни хуя у меня нет! Как у Луки Мудищева. «Судьба его снабдила хуем, не дав впридачу ни хуя!» Вот и мне... поневоле тут в любую секту бросишься. Да хоть к черту на рога! От отчаяния, блядь, и полной безысходности. Как в омут с головой. Ласточкой!

Чего я теряю? А вдруг правда? Масоны-то, насколько я знаю, действительно ведь во всех слоях общества существовали. Ложи их. Так что... Э-хе-хе... И чем только люди от скуки не занимаются! Твою мать! Какой только дурью не маются.

Бабок лом, делать нечего, вот с жиру и бесятся. В детские игры играют. В ложи с сектантами. В карнавалы с переодеваниями. Лишь бы время убить.

В общем, попытка не пытка, как учил незабвенный наш Лаврентий Палыч. Глядишь, чего и наклонется. Знакомства полезные заведу, то-се!.. Главное же вовремя в нужное время, в нужном месте оказаться!

Чего-то я, по-моему, не так сказал?.. А?.. А-а!.. не соображаю ничего уже! Ладно, заснуть надо попробовать. В понедельник беру Фролова за жабры и пусть меня тоже в секту эту вводит. А иначе... Можно и по-плохому, в крайнем случае. Припугнуть, например. Он же не помнит наверняка ничего из того, что мне вчера наговорил. Ну, да там видно будет! Чего сейчас этим всем грузиться. Ориентируюсь по обстановке. Никуда он от меня не денется. Влюбится и женится. А не захочет по-плохому — по-хорошему еще хуже будет!

Все! А теперь — спать! Спать, спать, спать...

2.

В понедельник Рудников первым делом решил навестить Фролова. Посмотреть заодно его новый кабинет. (Ба-алшой начальник тэпэрь! Отдельный кабинетик, секретутка, все дела! А тут!.. Твою мать!)

— Привет, Дим! — несколько фамильярно приветствовал он сидящего с крайне озабоченным видом Фролова, сосредоточенно перебирающего на огромном столе какие-то, по всей видимости, очень важные бумаги.

(Нет, ну деловой, блядь, до чего сразу стал! С утра уже весь в работе! Солидол! Как будто это и не он в пятницу весь туалет у Петровича заблевал. Чего ты там перебираешь-то? Ты же, небось, еще с пятницы-субботы не отошел! Не знаю уж, конечно,

чем ты потом в воскресенье занимался. «Отдыхал», наверное. На хлеб намазывал. Как обычно).

— А-а... привет, — небрежно кивнул тот в ответ.

Рудникову почему-то показалось, что его визит Фролова не очень-то обрадовал. То ли он теперь вообще со своими прежними сослуживцами не горел желанием так запанибратски общаться, то ли из пятницы что-то помнил и потому именно с ним, с Рудниковым, разговаривать не хочет, вероятно, распросов опасается. Ну да, сейчас проверим!

— Слушай, Дим, ты, я вижу, занят — я буквально на минуточку! — озабоченной скороговоркой зачастил Рудников. — Я насчет нашего пятничного разговора.

(При этих словах Фролов ощутимо вздрогнул и явно напрягся. Это не ускользнуло от внимания Рудникова.

Тэ-эк!.. Понятненько! — сообразил он. — Значит, дружок, в пятницу ты просто спяну проболтался. Выложил мне сдуру все свои секреты. А теперь и сам не рад. Ясно-ясно!.. Так и запишем.)

— Ты просил меня зайти сегодня с утра. Ну, так, как?

— Э-э... Что «как»? — неуверенно протянул Фролов, недоверчиво глядя на своего неожиданного посетителя. Он явно ничего не помнил. Прекрасно!

— Ну, звонить мне или нет? — с невинным видом уточнил Рудников.

— К-кому звонить?.. Ты извини, Игорек, я в пятницу... сам понимаешь... — как-то натужно усмехнулся Фролов. Глаза его забегали. — Напомни мне, о чем я там говорил-то?

— Ну, как о чем? — совершенно натурально удивился Рудников. — О секте. (Фролов побледнел и отшатнулся.) Ты мне все рассказал... (У Фролова глаза полезли на лоб, и даже рот слегка приоткрылся.) ...и телефон их оставил.

(В глазах у Фролова заплескался самый настоящий ужас, челюсть отвисла окончательно. Рудников даже и сам несколько испугался, струхнул, пораженный такой его реакцией.

Чего это он? Может, я зря во все это лезу? Может, ну его на фиг!? Всех этих сектантов сумасшедших. А то ведь не вылезешь потом оттуда. Это, наверное, как в могилу. Обратного дороги нет. Надо мне это?..

Надо!! — тут же со злостью решил он про себя. — Еще как надо-то! А то ведь так и будешь всю жизнь на такого вот Фролова шестерить. На побегушках у него бегать, пока он тут в кабинете у себя оттягивается и с секретуточками своими кувыр-кается. А я чем хуже? Я тоже так хочу!

— Он у тебя с собой? — глядя куда-то в сторону, глухо спросил Фролов.

— Кто? — сделал вид, что не понял, Рудников.

— Ну, телефон?

— Да нет, с собой нет. Я бумажку эту дома оставил. А что?

— Нет, ничего... — как-то обреченно вздохнул Фролов, постукивая пальцами по столу. — Это я так...

— Ну, так чего ты решил? — чуть более настойчиво снова спросил Рудников. (Пусть и не мечтает, что ему удастся от меня отвязаться!) — Ты сказал, чтобы я пока не звонил — возможно, лучше будет, если ты сам с ними сначала поговоришь. Что ты до понедельника подумаешь, а в понедельник с утра мне скажешь. Ну, так как? Звонить мне или подождать?

(Весь план Рудникова был основан на его твердом убеждении, что должны же члены секты, если, конечно, таковая действительно существует, — впрочем, сейчас он в этом уже практически не сомневался, слишком уж явно нервничал Фролов — соблюдать хоть какую-то элементарную осторожность и конспирацию! И значит, вряд ли Фролова там по головке погладят, когда узнают, что он раздаст их телефоны с пьяных глаз направо и налево. Первому же встречному собутыльнику.

Тем более, что люди-то там должны быть и впрямь, по-настоящему серьезные, если даже такого полного мудака, как Фролов, смогли в этот кабинет в два счета пропихнуть.

Это действительно круто! Не хухры-мухры! А тут горбатишься, горбатишься!.. На чужого дядю... Нет, ну до чего же, блин, все в этой жизни несправедливо устроено!

И, главное, с таким ведь видом сидит, как будто он и правда все это заслужил! Своим непосильным трудом. Ну, какие у тебя, пьянчужка ты несчастный, могут быть «труды»? По поднятию стакана, разве что. Кто кого перепил! Начальничек, блядь! Ключик-чайничек.)

— Нет, ты правильно сделал, что не звонил, — попытался улыбнуться дрожащими губами Фролов, кинул быстрый взгляд на Рудникова и сразу же опять забегал глазами.

(Рудникову его даже жалко стало. Да-а!.. Дело-то, похоже, и впрямь серьезное... Тем лучше!)

— Я сам, пожалуй... сначала... переговорю... — Фролов буквально давился словами.

Чувствовалось, что весь этот разговор ему крайне неприятен, и он мечтает сейчас только об одном: а вот как было бы хорошо, если бы Рудников этот вдруг куда-нибудь исчез! Провалился в тартарары!! Ну, вот умер бы прямо сию же секунду здесь от сердечного приступа! Или машина бы его по пути домой сбила. Сколько людей ежедневно в ДТП гибнут! А нет человека — нет проблемы!

— А то... если ты позвонишь... Кха... Кха... Я ведь тебе вообще не должен был этот телефон давать! — вдруг с тоской выпалил он и буквально впился глазами в Рудникова: да точно ли я его тебе давал? А не брешешь ли ты, пан философ?

(Рудников, впрочем, выдержал это неожиданное испытание с честью — не отводя глаз и с совершенно непроницаемым выражением лица.)

— Нн-да!.. Кху!.. — снова заерзал и закричал Фролов, погасил свой орлиный взор и опять принялся внимательно изучать поверхность своего необъятного стола. — Ну, в общем, сам я

переговорю, — после паузы тяжело вздохнул он. — А там уже не от меня зависит. Я сам человек маленький...

— Ну, хоть сколько мне ждать? — все так же настойчиво поинтересовался Рудников.

— А я откуда знаю? — вяло отмахнулся Фролов.

— Ну, сколько хоть примерно? Неделю?.. Две?.. — упрямо переспросил Рудников, решив дожать Фролова до конца.

(А то не передаст еще ничего никому! Скажет потом: «Ну, не связались!.. Значит, не сочли нужным». Знаем мы все эти варианты. Проходили. Ученые уже. Сами такие!)

— Да не знаю я!! — злобно заорал в ответ Фролов. — Сказал же! Не знаю!! Захотят — найдут.

— Да ладно, чего ты?.. — сбавил обороты Рудников. — Я так спросил... Просто определенности хочется, — он на секунду замялся.

(На языке у него вертелся вопрос, который ему ну просто ужасно хотелось задать: а сколько ты сам-то, мил человек, ждал, пока с тобой связались? Но по здравом размышлении он все же решил пока от него воздержаться. Хватит, пожалуй, на сегодня! Палку перегибать тоже не стоит.)

— Ладно, Димон, давай. Побежал я. А то время уже!.. — он глянул на часы. — Да, слушай! — уже в дверях снова обернулся он. — А что ты с монеткой-то мне за фокус показывал? Я чего-то не врубился и так ничего толком и не понял? Цифры какие-то мне все называл?

— Какие цифры?! — весь подался вперед Фролов. — Что я тебе говорил!!? — почти закричал он. — Что!!??

— Да не помню я уже! — даже растерялся от неожиданности совершенно не предвидевший такого эффекта Рудников. Он и спросил-то просто так. — Я и сам хорош был.

— Узнаешь все в свое время, — как-то сразу обмяк Фролов. — Сами они тебе все расскажут. Если захотят.

3.

Вернувшись к себе в отдел, Рудников сразу же обложился бумагами и сделал вид, что полностью с головой погружен в работу. На самом деле он просто размышлял. Встреча с Фроловым произвела на него сильное впечатление. Теперь уже никаких сомнений в том, что секта действительно существует, что Фролов ее член и что именно благодаря ей он получил свое нынешнее повышение, стал начальником и переехал в отдельный кабинет, у Рудникова не осталось.

Более того, он успел понять и еще кое-что. Фролов боялся. Он явно боялся возможных последствий своей пьяной болтливости. Это было совершенно очевидно. Не заметить это было просто невозможно.

А последний эпизод с цифрами? Да его чуть кондратий не хватил, когда я об этом речь завел! Аж затрясся весь. Что это, интересно, за циферки-то такие?.. Что-то он ведь мне говорил... Но вот что? И монетку все кидал...

Не! не вспомню. Чего-то меня отвлекло. А, ну да! Шоу бесплатное. Как наша дорогая-ненаглядная скромница-недотрога Оля из соседнего отдела, привстав со стула, за салатом тянется, а сидящий рядом Максимов, пуская от счастья слюни, ее с блаженной, идиотской улыбкой тайком за задницу щупает. А она все тянется, тянется и никак себе, бедная, салатик положить не может. Все чего-то там копается и на место не садится. Какую-то там ложечку все ищет...

Рудников невольно усмехнулся, живо вспомнив эту веселую картинку. Жаль, видеокамеры не было. Забавный кадрик бы получился.

Черт! — внезапно помрачнел он. — Лучше бы я Фролова слушал, вместо того, чтобы глазеть, как эту дуру лапают. Тоже мне, невидаль! А он, оказывается, что-то важное говорил. Черта с два теперь из него это вытянешь!

Сами они, видите ли, мне это расскажут! Сами-то сами, но и заранее знать иногда не вредно. Просто на всякий случай. Впрочем, чего теперь. Теперь только ждать остается. Когда они со мной связаться изволят. Если, конечно, изволят.

Сколько ждать-то будем? Ну... две недели. Да. Две недели максимум. Если через две недели не объявятся — опять на Фролова наезжать придется. Хотя хуй на него тогда наедешь. Он и сейчас-то уж фыркает, а через две недели и в кабинет-то, небось, не пустит. Ну, как же! Начальник же большой теперь. Пидор, блядь! Передаст.

Мысль, что какой-то там никчемушный Фролов сидит теперь себе, посиживает в отдельном кабинете и в ус не дует, а он, Рудников, который в сто раз его умнее и талантливее, по-прежнему гниет и прозябает на своей безнадежной должности безвыходного рядового клерка, была совершенно нестерпима. Жгла! Ну, что это за жизнь! Ну, почему, блядь, мне так никогда не везет!? Ну, все ведь, все куда-то в конце концов да пристраиваются! Все! Кто в секту, кто женится удачно.

Рудников вспомнил одного своего институтского приятеля, который буквально на днях сказочно женился на дочке какого-то, там, крупного бизнесмена. Квартиру сразу же папа купил, тачку... — короче, все дела. Страшноватая, правда, дочка-то, ну да ведь с лица не воду пить. За такие бабки можно и на Бабе-Яге жениться. На бабке-ежке. На бабке, блядь, на бабке!.. На бабках. Папиных.

В общем, все, ну все куда-нибудь да пристраиваются! Один я как дерьмо в проруби до сих пор болтаюсь. Не пришей к пизде рукав! На хуй никому не нужный! Тридцатник скоро, и чего я, спрашивается, в жизни добился? Ну, чего? Что у меня есть? Ни-че-го! Ноль!! Николаша-нидвораша. Беспортошник. Голь перекатная. Спиваюсь потихоньку. С местной институтской алкашкой. Такими же унылыми хрониками-неудачниками.

Да тут не то что в секту, а на любой рожон полезешь!! Куда угодно! Лишь бы из этого болота, из этой трясины вылезти! Любой ценой!!!

* * *

Последующие несколько дней Рудников безвылазно просидел в отделе. Работы вдруг навалилось столько, что буквально головы некогда было поднять.

И откуда только что взялось! Никогда еще такого не было. Да вообще пиздец! Какой тут Фролов! Покурить на десять минут выйдешь — и то шеф уже волком смотрит. Косит, блядь, дурным глазом. Ну, прямо, как нарочно! Хучь плачь!

Рудников мрачно притушил сигарету, бросил ее в ведро и двинулся уже было к выходу, как вдруг дверь в курилке открылась, и на пороге, «как мимолетное виденье, как гений чистой красоты», возникла собственной персоной блистательная и несравненная Зинаида Юрьевна, она же Зинка, она же леди Зю — роскошная платиновая блондинка на вид лет 25-и, начальник соседнего отдела, роковая красавица, светская львица и предмет нескончаемой зависти, пересудов и поклонения всего местного бабья.

(«Бабняка», по выражению Витьки Ильина:

— Весь наш бабняк собрался, опять Зинаиде косточки перемывают! «Зинка-то сегодня опять в новой шубе!», «Видели, на каком Мерсе наша леди Зю сегодня на работу прикатила!» и тэдэ и тэпэ.)

Рудников от изумления чуть рот не раскрыл. Господи! Что делается! Какие люди, оказывается, нашу заплеванную курилку посещают! Что это с ней сегодня? Пообщаться с народом захотелось? Она же, вроде, того... где-то там... на небесах... в верхах!.. высоко-высоко!.. в высших сферах, так сказать, в основном

витает-обитает?.. Парит! Среди бриллиантов-шуб-«Мерседесов». Да и не курит она, кажется... Чего это она вообще здесь делает?

Про Зинаиду Юрьевну слухи ходили самые разнообразные, хотя толком, как ни странно, никто ничего не знал. То ли папка у нее был какой-то крутой, то ли хахаль. («То ли папка, то ли палка!» — злобно острили иногда при случае местные дамы.)

Непонятно, в общем. Хотя обычно-то про такие вещи все все всегда знают. А тут... Явно, что что-то, точнее кто-то был — иначе, как могла двадцатипятилетняя девчонка стать начальником отдела, да еще и шубы, наряды и машины менять, ну прямо, как перчатки!? Кто-то, несомненно, был, но вот кто? Никто ее никогда не встречал, никто не провожал, не звонила она, вроде, с работы никому — в общем, загадочная женщина. Таинственная и непостижимая, как комета Галлея.

И откуда только такие в нашем родном болоте берутся? И что, самое главное, она вообще здесь делает? С ее-то данными? Ей по уму-то на подиуме где-нибудь надо дефилировать. На конкурсах красоты блистать. С миллионерами по ночным клубам и дорогим кабакам шастать. На островах-рифах загорать, на песочке. А она...

Такие мысли всегда приходили Рудникову в голову при виде этой великолепной, холеной, ледяной красавице — *Зимаиды*, как он ее про себя иногда именовал, когда случайно сталкивался с ней изредка где-нибудь в коридоре. Он даже вздыхал иногда по ней втайне, как и, наверное, почти все местные мужчины и мужинки, но так как-то... Абстрактно-платонически. Как по какой-нибудь, там, кинодиве, богине, красотке из журнала, какой-нибудь, там, Мерлин Монро. В общем, как о чем-то совершенно несбыточном и абсолютно недостижимом мечтают. Кто она и кто он? Ха! Смехота, да и только! Он для нее клоп. Шустро снующий по коридорам таракан. О чем тут вообще и говорить-то можно!? Курам на смех!

И вот теперь блистательная Зинаида Юрьевна неспешно подплыла к Рудникову, остановилась почти вплотную (Рудников автоматически покосился на неправдоподобно-глубокий вырез ее очередного сногшибательного платья) и, безмятежно глядя куда-то сквозь него своими огромными, бездонными, ярко-синими глазами, спокойно сказала:

— Сегодня в семь часов на станции метро «Фрунзенская», внизу, в центре зала. Сидите на любой скамейке. К Вам подойдут.

И, видя какое-то совершенно дикое изумление, отразившееся, по всей видимости, у него на лице, так же спокойно и невозмутимо добавила:

— Это по поводу Вашего недавнего разговора с Фроловым.

После чего неторопливо повернулась и величественно выплыла из курилки.

Как царевна, блядь, лебедь от царя Гвидона! — подумал слегка опомнившийся Рудников, провожая ее взглядом. — На море-окияне, на острове Буяне. Только какой из меня Гвидон... Гвидон! И ведь ебет ее кто-то! Да-а-а... Интересное кино...

Он задумчиво потер подбородок. Из курилки лучше пока не выходить. Подождем. Тарапится нэ нада, да? Пусть подальше отплывет. Не надо, чтобы их вместе видели. Ни к чему все это. Нехорошо. Незачем. Народ только пугать. К чему нам все эти нездоровые сенсации?.. Слава богу, что хоть в курилке-то ничего не было. А то щас бы уже началось!.. Ей-то что! А вот мне...

Это что же? Зинаида-то наша, свет Юрьевна? Тоже сектантка? Ну и ну! Это уж совсем!.. Вот уж действительно, ни в сказке сказать, ни пером описать! В голове прямо не укладывается. Ей-то это все зачем? С ее-то внешними данными, с ее-то экстерьером!.. Она и без всяких сект всегда пристроится.

Хотя... Черт ее знает! Может, это только так кажется? А на самом-то деле все у них, у этих баб, не так просто? Внешность-то внешностью, но одной пиздой ведь на «Мерседес» и на брю-

лики тоже не заработаешь. Разве что уж очень повезет. Конкуренция у них там тоже дикая. Дамочка она, конечно, видная, что и говорить, все при ней, но это ведь по нашим, институтским меркам. На фоне местных каракатиц. А так-то если...

Хотя нет! Чего я несусь? Я же не слепой. И телик иногда посматриваю. Да она любой телемиске сто очков вперед даст! Впрочем,.. опять же, пес их, этих баб, разберет! Все эти их бабские дела... Сколько кто чего кому даст. И куда. В перед или в зад. Тут сам черт себе ногу сломит. И все остальное заодно. Если слишком уж углубится... в проблему.

Так значит, Зинаида Юрьевна у нас сектантка? Невероятно! Ну, просто чудеса какие-то! В решетке. Да-а-а! Гм... А это ведь означает, что секта-то... серьезная. О-очень серьезная! Такая матерая хищница, акула белая, как наша Леди Зю (о! точно! «белая акула»! надо будет блеснуть при случае своим остроумием!), так вот, такая крутая бабца куда ни попадя не вступит. Не полезет и не сунется. Не нырнет. Это тебе не пьяница-Фролов! И если уж даже она там!.. Да-а-а!.. — Рудников даже головой в ошеломлении покрутил.

Он все никак не мог до конца уверовать в этот совершенно неожиданный для него поворот событий. Уж кого-кого, а вот божественно-холодную Зинаиду представить себе сектанткой он ну никак не мог! Ну вот просто воображения не хватало!

Сектантство — это ведь что-то такое... Неполноценное... Кликушески-истеричное... Неряшливо одетая женщина неопределенного возраста с растрепанными волосами, распахнутым в немом крике ртом и воспаленным взглядом. Или наоборот. Ханжески-аскетичное... Черный платочек,.. востренький носик,.. смиренно-потупленные выцветшие глазки,.. тонкие, бесцветные, вечно поджатые губы,.. гладко зачесанные назад волосики с пучком на затылке... Что-то неприятно-отталкивающее, короче.

Но роскошная красавица Зинаида!.. Она что, в секту тоже на своем шестисотом мерине приезжает?.. Однако факт остается фактом. Даже запах духов в курилке еще не выветрился.

Так, может, она мне и даст как-нибудь... потом?.. — вдруг мелькнула в голове у Рудникова озорная мыслишка. — На каком-нибудь их шабаше? Как сектантка сектанту. Как члену секты. («Вы член партии?» — «Нет, я ее мозг!») Хотя, вряд ли... Она, наверное, и там... Только для руководства. Для узкого круга. Для избранных членов. Особо выдающихся. (Впрочем, насчет «особо выдающихся», мы еще поглядим!... У кого...) Такие женщины всегда в цене. Как московская недвижимость. И везде. Частная собственность. Посторонним вход воспрещен! Обычным, так сказать, членам...

Возмутительно! Вопиюще! Несправедливость — везде она царит! Даже в сектах. Везде! Везде!! Ну, где ее искать, справедливость эту?!.. Где-где... Рифмочка, кстати, подходящая напрашивается. В качестве ответа. В ...! У Зинаиды!

А действительно, между прочим, бабы-то как в секте называются? Мужики — члены, это понятно, а бабы как? Членки?.. членши?.. членочки?.. Нет, интересно, никакого слова, типа ножны для вложения членов? Ну для сабли — ножны, а для членов как? Нет?.. Нет, увы. А! Как же это нет?! Есть! «Влагалище»!

Рудников вспомнил, как все тот же Витька Ильин притащил на днях в курилку Толковый словарь русского языка и, хохоча, зачитывал вслух значение старорусского слова «влагалище».

«Вместилище, вещь, служащая для вложения в нее другой; мешок, кошелка, чехол, ножны, футляр».

В общем, производная от глаголов «влагать», «вложить», а вовсе не от существительного «влага», оказывается. Дамы были в восторге.

Так как все-таки всех этих влагалищ обзывать-то? Покороче и поблагозвучней? А!.. ну да! Сектантки-сектантки-

секстанточки!.. Сектутки, .. секстутки.. Тьфу! Язык сломаешь! Ладно, порезвились и будет.

Рудников уже входил в отдел. Начальник злобно на него уставился.

— Сколько курить можно?!

— Я что, проклятый?! — взорвался Рудников. — И так последние дни сижу, спины не разгибаю! Покурить уж на две минуты отойти нельзя!

Он сел за стол, демонстративно придвинул к себе очередной толстенный талмуд и углубился якобы в чтение. Начальник промолчал. Остальные сотрудники сразу же дружно уткнулись носами в свои бумаги.

Да пошел ты! — раздраженно подумал Рудников. Он ощущал какую-то непонятную внутреннюю легкость и свободу. Как человек, которому уже нечего терять. — Все равно в нашей дыре ничего не высидишь. Перспектив никаких. Наше начальство хоть в жопу целуй, хоть в жопу посылай! Разницы никакой. Результат тот же. И уволить не уволят — где еще такого дурака найдешь за такие деньги? И повысить не повысят. Все только по своим и по благу.

Ну, или пиздой, как Зинаида. Влагалищем. «Вещью, служащей для вложения в нее другой». Хотя она-то, как раз, может, и не влагалищем. По крайней мере, не местному начальству. Оно-то, небось, тоже только смотрит на нее да облизывается. Наряду со всеми прочими. Ему туда тоже, похоже, вход воспрещен. Строго-настрого. Это влагалище — какое надо влагалище! Только для высокопоставленных членов. Для каких надо влагателей!

Ха! Значит, и мне тоже тогда полагается. У меня ведь тоже... в некотором смысле... особенно на такую кралю... высоко... поставленный. Могу продемонстрировать. No problems! С этим делом у меня пока все в порядке. Слава богу! Даже на местных кикимор безотказно реагирует. Коренных обитательниц нашего родного институтского болота. А это уж, знаете!...

Тем более, что наши-то жабы покруче сказочных заколдованы. Их поцелуями не проймешь. В царевен они только после третьего стакана превращаются. Да и то не всегда и ненадолго. А до этого хоть целуй их, хоть дери — толку никакого! Знай себе поквакивают. Тьфу! Наутро потом вспоминать противно. С души воротит. Особенно, если еще и с похмелья. Проснешься рядом с такой!.. Спящей царевной-лягушкой... Лет этак на десять тебя старше... Бр-р-р!..

Да... Так что там с сегодняшней встречей?.. Как она сказала? В семь на «Фрунзенской»? Гм... Ну, да. Переход на «Парке»... Успеваю запросто. Там одна станция? Да, одна, кажется... Точно одна! И скамейки в центре действительно есть... «На любой скамейке»... Значит, тот человек меня в лицо знает. Любопытно... Впрочем, не важно. Знает и знает.

Гораздо любопытнее другое. А секта-то хоть эта легальная? Чего это они встречи в метро назначают? Что это еще за конспирация! Кого они боятся? Властей?.. А кого еще! Не меня же.

Та-ак!.. Все интереснее и интереснее... Как говорила Алиса, попав впервые в Страну Чудес. Или она как-то по-другому говорила? Более образно. Ну, не важно. Не имеет значения... Как бы вот мне тоже, чего доброго, в Страну Чудес с этими сектантами за компанию не угодить. Не загреметь под панфлары. Вот это действительно важно! И значение для меня имеет. Да еще какое! Самое, что ни на есть, прямое. А то ведь у нас это просто. В рамках борьбы с терроризмом. Ласты склеют — и привет! Валяй по всем трем! Такие чудеса в ближайшем же отделении покажут, что любо-дорого. Закачаешься! Мало не покажется. Алисе и не снилось. Знаем-знаем! Наслышаны-с. Оборотни в погонах. Спаси и сохрани!

Тем более, что я ведь действительно ничего про них не знаю. Про сектантов этих. Может, они и правда какой-нибудь противоправной деятельностью занимаются? Теракты готовят. Как

Аум Сенрике. Взрывы в токийском метро. Газовая атака. Тьфу-тьфу-тьфу! Инда пот прошиб. По дереву надо постучать.

Да нет! Чего зря нагнетать? Какие еще там «взрывы»! Стал бы Фролов тогда с ними связываться! Террорист хренов. Алконоид. А Зинаида! Она уж явно совершенно не по этой части. Зачем ей бомбы? Она сама у нас секс-бомба. В общем, чушь все это! «Террористы»!..

Чушь-то чушь, а чего ж они все-таки прячутся? Пригласили бы к себе в офис, поговорили бы... Чайку попили,.. кофейку,.. посидели... Все честь честью... А то: «станция метро “Фрунзенская”!.. на скамейке в центре зала!.. к вам подойдут!..» И спросят, блядь: «У вас продается славянский шкаф?»!!

Тьфу ты! Э-хе-хе... Ну, что за жизнь! То одно, то другое. И ехать — пиздец, и не ехать — пиздец. Ладно, поеду, короче, рискну. Авось, пронесет! А куда деваться? Придется рискнуть. Где наша не пропадала! У нас вся жизнь такая. Авоська веревку вьет, а небоська петлю накидывает. Поеду!

Да и не дураки же они, в конце-то концов? Сами все прекрасно наверняка понимают. Все эти конспирации-хренации. Если до сих пор не попались, то что, прямо вот сейчас именно на мне и попадутся? Ну, это уж тогда такое невезеньище будет, что дальше некуда! О нем и думать нечего. Бесполезно. Это все равно, что кирпич на улице на голову может упасть. Ну, может! Ну, и что? Что же теперь, на улицу никогда не выходить? Или в каске всю жизнь ходить? Да и бессмысленно совершенно это. Без толку. От всего ведь все равно не застрахуешься. Можно завтра же в этой каске и в открытый канализационный люк преспокойно провалиться. И шею себе там сломать.

Короче, еду! Е-ду. Еду-еду-еду в далекие края! На метро «Фрунзенская». На скамейку в центре зала. Сяду там, упрусь рогами и буду сидеть, пока не подойдут. Или пока метро не закроют. До упора, в общем. Терять мне нечего.

А-а-бсолютно!

4.

На «Фрунзенскую» Рудников приехал минут за десять до назначенного срока. Сел на лавочку и стал ждать. Десять минут тянулись нескончаемо долго. Страхи его сразу ожили. Ему вдруг стало казаться, что станция кишит агентами спецслужб.

Вон тот парень, на скамейке напротив... Чего он тут делает? Я пришел, он уж сидел и сейчас все сидит. Что-то непохоже, чтобы он кого-то ждал... Да и вон тот мужик... Чего он в мою сторону все косяки кидает?.. Точно... А вон тот, в очках, с усами — так прямо откровенно на меня таращится! А стоит на него взглянуть, как он глаза отводит. Ну все! Ясно. Влип. Ну, точно!.. Опять!..

Так, так!.. Спокойно, спокойно!.. Пока время есть... Чего говорить-то, если возьмут? «Ничего не знаю и не ведаю»?.. Не прокатит, скорее всего. Зинаиду с Фроловым сдавать?.. Блядь! Это пиздец! С работы потом увольняться надо будет. Этого мне не простят и не забудут. Стукачей нигде не любят.

А что мне говорить!? Как я здесь оказался?! «Встречу назначили»? Кто?! Через кого?! А-ах,.. забыли вы?.. Так вы нас за дураков держите?.. А теперь!?!? Вспомнили?.. Сидеть!! В глаза смотреть!!!

Е-е-еб твою мать!.. Еще один! Этот уж вообще совсем откровенно пялится. Ну, все! Крышка. Приплыли. Пишите письма. Кто это хоть? ФСБ-шники или обычные менты?.. Какие «менты»! Террор,.. секта... Наверняка ФСБ-эшники. Значит, Лефортово. Пи-и-здец!

В этот момент к главному ФСБ-эшнику, «в очках, с усами», подошла какая-то женщина, и они вдвоем, весело смеясь и оживленно переговариваясь, двинулись к выходу.

Рудников испытал невыразимое облегчение, как будто заново на свет родился. Он вынул из кармана платок и вытер дрожащей рукой вспотевший лоб. Фу-у-у!.. Так, блядь, и очку-

риться недолго! В ящик сыграть. На нервной почве. От подобных стрессов. Нервные клетки ж не восстанавливаются. Стар я уже стал для подобных игр. Стар! Не мальчик. В казаков-разбойников по метро играть. В разведчиков-шпионов. В Джеймсов Бондов-Штирлицев, мать их Хари! Ну и ну!.. Вот так встреча! На Черной Речке. Начало отличное! Посмотрим теперь, что дальше будет. Такова вся сектантская жизнь? Мне это все как-то по-другому представлялось.

— Игорь Иванович?.. — услышал он вдруг обращенный к нему вопрос и чуть не подскочил от неожиданности. Да наверное, даже и не «чуть». Наверное, именно даже и подскочил. По крайней мере, сидящая рядом женщина посмотрела на него с некоторой опаской и удивлением и слегка отодвинулась.

Рудников поднял глаза и увидел стоящего перед ним молодого элегантного (это слово почему-то сразу же приходило на ум) мужчину лет тридцати с небольшим. В общем, немногим старше самого Рудникова.

— Да?.. — ответил Рудников, выжидающе глядя на мужчину и чуть приподнимаясь.

— Давайте лучше на улице поговорим, — мужчина приглашающе кивнул головой в сторону выхода, и они вдвоем двинулись к эскалатору.

Мужчина молчал, Рудников тоже помалкивал. Ему хотелось произвести максимально благоприятное впечатление, и он старался с самого начала держать себя сдержанно и с достоинством.

Выйдя из метро, они сразу же свернули налево. Мужчина явно знал, куда идти. Рудников все так же молча за ним следовал и не задавал никаких вопросов.

Так, может, мы все же в офис к ним сейчас придем? — вдруг пришло ему в голову. — Хорошо бы...

Однако надеждам его, увы! не суждено было сбыться.

Железная ограда,.. ворота,.. мимо общественного туалета,.. и вот они уже идут по асфальтированным дорожкам какого-то то ли парка, то ли сквера. Да нет, какого еще «сквера»! Именно парка, огромного, с аллеями и скамейками. Ого! Вон даже и пруд есть какой-то, с утками и кокетливым горбатым мостиком посередине. Надо же! Чего-то я здесь никогда не был. Даже и не подозревал, что тут парк такой огромный существует. Прямо в центре города, в двух шагах от метро. Хотя, тут же Лужники рядом, Парк Культуры, Воробьевы горы. Ну, да. Зеленая зона почти. Элитный район.

Мужчина между тем уверенно направился к одной из пустующих скамеек около пруда.

— Давайте, Игорь Иванович, здесь, на скамеечке и побеседуем, — обманчиво-мягким голосом предложил он. Тон его, тем не менее, никаких сомнений не вызывал. Ни о каком отказе от этого «предложения» не могло быть и речи, и Рудников это прекрасно понимал. — Место отличное,.. природа,.. свежий воздух... Да и не помешает нам здесь никто.

Место было действительно во всех отношениях замечательное. И сидеть приятно — деревья, вода, утки плавают — и ближайшая скамейка чуть ли не на другой стороне пруда. Да и аллея тут нет. Никто не ходит. В общем, идеальный приют для влюбленных парочек. Маниловский храм уединенного размышления прям какой-то! Ну, надо же, какие заботливые архитекторы этот парк планировали! Все предусмотрели. Старый, наверное, парк — поэтому. Во времена оно еще построенный. При царе Горохе. Когда для людей строили, а не для...

— Так я Вас слушаю, Игорь Иванович, — прервал его лирические размышления мужчина и выжидающе на него посмотрел.

— Кхе-е!.. — невольно крикнул Рудников.

(Вопрос застал его совершенно врасплох. Такого начала разговора он отнюдь не ожидал. Почему-то он был твердо уверен,

что его сейчас начнут уговаривать, просить, убеждать — в общем, уловлять в сети. А он будет знай себе сидеть, слушать да на ус мотать. Демонстрируя при этом всем своим видом, что он еще сомневается, колеблется и вообще еще окончательного решения не принял. А значит, может в любую минуту ускользнуть из умело расставленных ему силков. И уйти, к примеру, в другую секту. Еще лучше. Где его тоже давно уже ждут не дожидутся все с распростертыми объятиями.

Ну, еще бы! Он же такой ценный фрукт, всем вокруг на хуй нужный! Киви, блядь, персик. Рыбка золотая. Которую все только и мечтают поймать. А потом съесть и при этом ни на что не сесть. Согласно известной поговорке.

Все эти мысли в одно горькое мгновенье промелькнули вдруг в голове у Рудникова, и он внезапно совершенно ясно и отчетливо понял, что вот оно, главное мгновенье всей его жизни! Поворотный пункт. Именно сейчас решается его судьба! Никто его уговаривать и просить ни о чем не собирается. Наоборот! Это он должен сейчас во что бы то ни стало упросить, убедить, умолить сидящего перед ним человека принять его в секту! Доказать ему, что он им нужен!

А на хуй я им нужен?! — в панике подумал он. — Таких рыбок в каждой луже навалом. На любой вкус и цвет. Как грязи! Хоть пруд пруди. Единственное утешение, что все-таки встретились со мной. Значит...

Блядь! Как хоть теперь себя вести-то?! Что говорить? Чего тут пыжиться, надувать щеки и в достоинство играть, когда он все про меня наверняка знает. Кто я и что я. От того же Фролова. Да и от Зинаиды!.. А может, у них и еще из наших кто-то есть. Я же не знаю про них ничего. Ровным счетом.

В общем, начнешь тут сейчас понты колотить и Д'Артаньяна из себя строить, так только в дурацкое положение попадешь, чего доброго. С самого начала. Так все на этом и закончится, даже не начавшись.

«Спасибо, — скажут, — мы подумаем!» — и привет! Или просто пошлют. «Нам, мол, мудаки не нужны. Своих хватает! Всего хорошего!»)

— Ну, Вы знаете, я думал, это Вы мне чего-то о себе расскажете... — осторожно начал Рудников. — Я же не знаю о вас ничего...

Мужчина усмехнулся.

— А вы, я думаю, и так про меня все знаете! — вдруг словно по наитию, подчиняясь какому-то внутреннему порыву, неожиданно даже сам для себя добавил Рудников.

(Улыбка мужчины стала чуть шире, и Рудников с облегчением понял, что он, кажется, избрал верный тон. Лучше говорить предельно откровенно. Это, пожалуй, в данной ситуации самое разумное.)

— Многое, Игорь Иванович, многое! Не все, конечно, но многое! — собеседник был сама доброжелательность. — Так, зачем Вы все-таки хотите к нам вступить?

— Знаете, я просто хочу сделать карьеру! — решил идти напролом и ва-банк Рудников. А!.. Была не была! — Как я понял со слов Фролова, вы можете с этим помочь. Просто хочу в жизни чего-то добиться! Вот и все.

— Даже если для этого придется изменить своим принципам, убеждениям, своей вере? — с интересом спросил мужчина.

(Рудников на секунду заколебался. Упоминание о вере его как-то неприятно кольнуло. Веры, положим, у него никакой особой и не было, но и становиться каким-нибудь там мусульманином ему вовсе не улыбалось. Как-то это все-таки... Но колебания его длились недолго.

А-а!.. Магометянином, так магометянином! Да пропади все пропадом! Хоть идолопоклонником. Вопрос цены. Чего тут ломаться! Продаваться надо легко и дорого!)

— Да нечему мне вообще-то изменять, — с горечью признался он. — Нет у меня никакой веры. Не говоря уж о принципах и убеждениях.

— Похвально, похвально!.. — улыбка мужчины стала еще шире и лучезарней. — Весьма похвально! До чего же все-таки приятно беседовать с искренним человеком!.. Ладно, Игорь Иванович, тогда и я отвечу Вам искренностью на искренность. Не буду Вас больше мучить и мистифицировать, а сразу введу в курс дела. А Вы уж сами примете для себя решение. Вступить к нам или нет. Договорились?

— Да, конечно, — пожал плечами Рудников. — Разумеется. Был бы очень рад Вас выслушать. За этим, собственно, я сюда и приехал.

— Ну вот, и отлично! — мужчина пристально посмотрел на Рудникова (тому вдруг стало почему-то немного не по себе, и он непроизвольно поежился) и после секундной паузы продолжил.

— Видите ли, Игорь Иванович, у нас довольно... ну, необычная, в общем-то, организация. То, что я Вам сейчас скажу, Вас, возможно, несколько удивит, но Вы человек образованный, с университетским дипломом, так что Вам будет проще.

(Рудников кончал Физфак МГУ. «Чтобы в этой дыре проклятой заживо сгнить!» — с ожесточением подумал он. При упоминании об образовании его страстное желание вступить куда угодно! в любую организацию, любую секту! лишь бы вырваться любой ценой из этого жизненного тупика! еще более усилилось.)

Итак, как Вы, конечно, знаете, согласно общепринятым представлениям, если бросать, скажем монету...

(Рудников невольно вздрогнул. Ему сразу же вспомнился пьяный Фролов. Он тоже чего-то все с монетой носился.)

...то в половине случаев будет выпадать орел, в половине решка. Ну, в среднем, разумеется, в среднем!.. Иными словами,

оба эти события равновероятны. Причем считается естественным и очевидным, что от того, кто именно бросает монету, Петров или Сидоров, результат никоим образом не зависит. Вероятность для всех одна.

На самом деле, это не совсем так. Каждый человек вносит свои индивидуальные искажения в информационно-статистическое поле, и, соответственно, результаты серий бросков будут поэтому у каждого свои. Ну, отклонения, разумеется, незначительные, на уровне сотых и тысячных процента, но, тем не менее, они все же существуют.

Этим, кстати, и объясняется тот общеизвестный факт, что одним людям в жизни везет, а другим нет. Современная наука это отрицает, а между тем, все очень просто. Личностные искажения информационно-статистического поля.

Это, к слову сказать, легко обнаружить экспериментально, просто никому до сих пор не приходило в голову ставить такие эксперименты. То есть у каждого человека свое устойчивое вероятное распределение. Не 50 на 50 у всех, а у одного 50,001 на 49,999, у другого 50,003 на 49,997 и т. д.

Так вот, самое главное. Это индивидуальное распределение можно изменить. Сделать его равным, например, 0,6 : 0,4. Или даже 0,8 : 0,2. Да, в сущности, вообще любым! Иными словами, можно сделать человека более везучим. Сделать так, что ему будет во всем везти. Все у него будет удаваться, во всем ему будет сопутствовать удача. Что бы он ни затеял! Счастье само будет всегда плыть к нему в руки!

(Рудников слушал со все возрастающим изумлением. Он сам был технарь, физик-теоретик по образованию как-никак, теорию вероятности, статистику знал практически профессионально. И потому мог по достоинству оценить смысл и оригинальность всего, только что услышанного.

А ведь действительно!.. Такое просто в голову никому до сих пор не приходило! Что каждый человек вносит индивидуальные искажения в вероятностное распределение. И что, значит, результаты серий будут у каждого свои.

Да это же целое научное открытие! Революция! Переворот в информатике! Это же Нобелевка готовая. И, главное, просто как все! Экспериментально можно все легко проверить. Ну, ни фиги себе!.. «Секта»!.. Это кто передо мной, Эйнштейн новый, что ли, сидит? Собственной персоной? Норберт Винер?..

Да! Так, а чего он там насчет изменения-то говорил? Я настолько ошалел, что самое главное-то, похоже, и прослушал! Нет, ну ни фиги себе! Я до сих пор просто в каком-то шоке пребываю! В столбняке.)

— Именно с этим, кстати сказать, связано и повышение по службе Вашего друга Фролова, — продолжал, между тем, мужчина.

(«Друг», блядь! «Нужен мне такой друг!» — угрюмо подумал Рудников.)

— Мы не предпринимали никаких конкретных усилий по его продвижению, как Вы, по всей видимости, решили. Мы всего лишь улучшили его статистические характеристики, сделали его более удачливым, везучим, а дальше все произошло само собой. «Естественная сила вещей», — как говорили древние. Прочно забытый ныне хороший старый термин, между прочим.

Н-да... И зря он Вам, кстати, эту свою удачливость с монеткой демонстрировал, — добавил вдруг мужчина, пронизательно глядя на Рудникова.

(А я-то здесь причем? — с недоумением мысленно пожал плечами тот. — Я его за язык не тянул. Сам болтал.)

— Такие демонстрации категорически запрещены правилами нашей организации. Так что с Вашим приятелем мы еще будем разбираться.

(Да на здоровье! — злорадно ухмыльнулся про себя Рудников. — Разбирайтесь. Гоните его в шею! Я только рад буду. Правильно! Как можно вообще с алкашами дело иметь? Впрочем, им виднее. Понятно теперь, чего он в кабинете тогда так замандражировал, когда я про монету упомянул. А потом обрадовался, что я ничего не помню. Знает кошка, чье мясо съела!)

Да и просто удачу свою можно таким образом спугнуть. Можете уж мне поверить!

(А-а-а!... — сообразил Рудников. — Так он еще перепугался тогда, не спугнул ли свою удачу!? Зря я ему, блядь, сказал, что цифр не помню. Пусть бы мучился.)

Теперь вот что! — продолжил свои объяснения мужчина. — Удачливость Ваша вырастет, но произойдет это за счет окружающих Вас людей. Они, соответственно, станут неудачниками.

(Ну-у, пидор! — ошеломленно подумал Рудников про Фролова. — Так это он за мой счет начальником стал?! За счет всех нас?!)

Ну, знаете, по известному закону: если где-то прибыло, значит, где-то в другом месте убыло, — мужчина усмехнулся. — Но у Вас, Игорь Иванович, как мы выяснили, близких нет, да и принципов, как Вы сами только что сказали, у Вас никаких, так что особых морально-этических проблем с этим, я думаю, не возникнет. Или все-таки возникнут? — мужчина вопросительно посмотрел на Рудникова.

— Нет, — коротко ответил тот.

(Да какие еще там «морально-этические проблемы»! По хую мне все окружающие! Пусть хоть в преисподнюю все провалятся! В геенну огненную. Гори они там все ясным пламенем! Только рад буду. Так всем этим уродам и надо! «Окружающие»!.. — Рудников представил себе на секунду, что ему одному будет отныне хорошо, а всем вокруг плохо, и сощурился от удовольствия. — Есть все-таки на свете высшая справедливость!

Есть! Сколько можно на мне воду возить? Очень, конечно, удобно. Нашли, блядь, козла отпущения!.. И хоть бы одна сволочь!.. Да тот же Фролов этот, гондон!.. Ладно. Узнаете теперь, каково это. Почем фунт лиха! Побудете в моей шкуре.)

— Хорошо, — кивнул головой мужчина. — Теперь задавайте вопросы. Если Вам что-то неясно, непонятно — спрашивайте. Рудников немного подумал.

— Скажите, — несмело начал он, — вот Вы говорите: за счет окружающих. А если я решу создать семью? Жениться?

— Тогда Вам лучше будет уйти от нас, — спокойно ответил мужчина.

— И что, это так просто?

— Конечно, — пожал плечами тот. — Никаких проблем. Вы можете сделать это в любой момент.

— И это не будет иметь для меня никаких последствий? — с еще большим удивлением уточнил Рудников.

(Он все еще подозревал какой-то подвох. Как это так: просто взять и уйти? Может, я тогда хроническим неудачником стану? И сразу все растеряю, что за время пребывания в секте приобрел? Или еще какой-нибудь пиздец на меня обрушится? Не может же быть все так просто? Из таких организаций так легко не уходят!)

— Абсолютно! — с улыбкой заверил его мужчина. — Ну, Ваша удачливость, естественно, вернется к Вашей нормальной, только и всего. К Вашей нынешней. Какая у Вас сейчас.

— Но она не уменьшится? — все никак не мог успокоиться Рудников. — Не упадет? Я не стану неудачником? (Хотя, а кто я сейчас? Удачник? Тогда зачем я в секту иду?)

— Нет-нет! — успокоил его мужчина. — Вы просто опять станете обычным человеком с обычными среднестатистическими характеристиками. Только и всего.

— А... — Рудников замялся. — А все мои... приобретения? Ну, то, что я получу,.. за время пребывания в вашей... организации?.. Пока мне везло. Они.. у меня останутся?.. Или их надо будет вернуть?

— Ничего не надо будет никому возвращать! — мужчина шутливо поднял правую руку. — Все у Вас останется. Пользуйтесь на здоровье!

— Вы знаете, — Рудников решил снова быть до конца откровенным, — просто какие-то сказочные условия! Даже не верится. Так и кажется, что это какая-то ловушка, что ли. Вы не обижайтесь, конечно. Видите, я совершенно откровенно говорю.

— Да я вижу, Игорь Иванович, — глядя прямо в глаза Рудникову, спокойно произнес мужчина, — вижу... В общем, не переживайте. Нет никаких подвохов, ловушек и недомолвок. Все обстоит именно так, как я сказал. Не лучше и не хуже. Так что Вам решать.

— Нет, ну чего тут тогда решать... — пробормотал Рудников. — Конечно, я с превеликим удовольствием... На таких условиях... Да! так, насчет условий! — вдруг встрепенулся он. — Вы вот сказали, что Фролов не должен был демонстрировать мне свою удачливость. Это запрещено. А что еще запрещено? Какие вообще правила?

— Запрещены всего две вещи, — все так же спокойно пояснил мужчина. — Первое. Показывать этот опыт с монетой. И второе — не желать зла всей организации в целом или отдельным ее членам.

(Рудникову ужасно хотелось переспросить, что будет, если он все-таки нарушит этот запрет — ну, просто, чтобы хоть знать! представление иметь! — но задать этот вопрос он, тем не менее, в итоге так и не решился. Язык не повернулся. Он как-то интуитивно понял, что лучше этой темы не касаться. Ну ее!

Это все равно, что спрашивать у террористов: «А что будет, если я вас все-таки предам?» — «А чего ты спрашиваешь? Предать собираешься?»

На фиг, короче! С огнем не шутят.

Да и не такие уж они страшные, условия эти. Наоборот, более чем мягкие и, в общем-то, вполне понятные. Не хвастайся по пьяни, какой ты теперь герой и везунчик вдруг стал. Не привлекай внимание! И не кусай руку, которая тебя кормит. Не желай зла людям, которые тебя таким счастливецem сделали. Чего тут особенного-то? Нормальные человеческие требования, вполне естественные.

Но все-таки, чего будет, если я их вдруг нарушу? Вот так и хочется спросить! Так и подмывает, подманивает!.. Подзуживает!.. Ладно, изыди! Это меня бес дразнит.)

— Понятно... — опустил глаза он. — Я все понял... А скажите... Вот Вы говорите, что сделаете меня более удачливым, что ли. Ну, улучшите мои индивидуальные статистические характеристики. (Мужчина одобрительно улыбнулся.) А как это на практике будет выглядеть? Это что, обряд какой-то? Процедура какая-то? Как это все будет происходить?

— Вы все увидите сами, — мужчина перестал улыбаться и посмотрел на Рудникова в упор. — Принуждать Вас никто ни к чему не будет, не беспокойтесь. В любой момент Вы можете взять и уйти. Никто Вас не будет удерживать, и это не будет иметь для Вас абсолютно никаких последствий. Просто вернетесь к своей обычной среднестатистической жизни, вот и все.

Собрания наши проходят еженедельно, по пятницам. Посещать Вы их можете, соответственно, тоже хоть каждую пятницу. А можете через пятницу. Можете раз в месяц или даже раз в год. Дело Ваше. Но чем чаще Вы их будете посещать, тем лучше будут Ваши статистические характеристики. Тем

больше Вам будет везти. Слишком долгие перерывы вредны. На собраниях Вы как бы получаете заряд особой энергии, а с течением времени она, разумеется, рассеивается. Чтобы сохранить удачу, необходимо производить постоянную подзарядку. Посещать наши собрания.

— Простите, простите!.. — заинтересованно переспросил Рудников. Все-таки он был физиком. — Вы говорите: заряд особой энергии. Так, значит, явление имеет энергетическую природу? И что это за особая энергия?

— Черная психическая энергия — голос боли и страдания.

— Так-так!.. — пряча глаза, промямлил Рудников.

(Он чувствовал глубочайшее разочарование. Очередные сумасшедшие. Психи черные. А я-то, дурак, было и поверил!.. Поделом мне! Хотя с монеткой идея хорошая. Про индивидуальное распределение.)

— Черная энергия, значит... Боли и страданий... И ее можно зафиксировать приборами?.. Измерить?..

— Нет, — невозмутимо ответил мужчина. — Измерить пока нельзя. Приборов таких пока нет...

(Рудников хмыкнул про себя. Ну, конечно... ПОКА нельзя! Приборов таких, видите ли, ПОКА нет! Наука еще до наших великих сектантских открытий не доросла! Ну, разумеется, куда уж ей! Успеть за полетом нашей сектантской мысли. Мы же ее опередили лет на сто! А то и двести.

Господи! Сколько же сейчас таких идиотов развелось! Гениев непризнанных. Всех времен и народов. Со своими, блядь, великими открытиями. Каждый день что-нибудь в прессе, да напечатают. Такие же полуграмотные мудаки-журналисты. То инженер Иванов из-под Елабуги всего Эйнштейна опроверг, то технолог Петухов из Конотопа мгновенную связь телепатическую с Тау-Китой установил. Общается, блядь, теперь целыми

сутками напролет. Заебал их там всех уже. Всех тау-китян. Те, бедные, и не знают теперь, как от него отвязаться.

Но с монеткой, все же, идея хорошая...)

...Но зафиксировать можно...

(Рудников пренебрежительно вскинул глаза на своего собеседника. Хм!.. Приборов нет, а зафиксировать можно. Ну, и как же, интересно?

А-а!.. Ну да! «Наши телепаты»!.. Сам себе приборы. Чувствуют, блядь, как она прохо-одит! Через их тела!.. Доставляя им боль и страдания. В одном че-е-рном, черном городе!.. в че-е-рной, черной компании!.. че-е-рная, черная энергия!.. Тьфу ты!.. Впрочем, чего с них взять? Больные люди.. Удивительно, как им про монетку-то в голову пришло. Хотя, это ведь тоже еще проверять надо... Да, но Фролов!?! И Зинаида?)

...Видите ли, источником черной психической энергии, энергии боли и страданий, являются, естественно, те места, где люди эти боль и страдания испытывают. Это прежде всего тюрьмы и больницы. Все эти заведения находятся, как правило, в черте города, в жилых кварталах.

Так вот, если провести статистическое обследование жителей близлежащих домов, то выяснится, что число заболеваний, смертей, несчастных случаев и пр. там существенно выше, чем в обычных районах. То есть эти заведения являются постоянно действующим негативным фактором, ну, как, к примеру, свалка радиоактивных отходов. Принцип изучения влияния на окружающую среду тот же. Сравнительное статистическое обследование потенциальных объектов воздействия.

(Рудников слушал все это, раскрыв рот. Скептицизм его бесследно исчез, уступив место какому-то прямо-таки суеверному ужасу.

Невероятно! Да этот человек, похоже, действительно гений! Если это вообще человек. Какие-то идеи, совершенно не человеческие! «Индивидуальное вероятностное распределение»,.. «черная психическая энергия»... Как будто из другого мира. И ведь при всей их кажущейся фантастичности подход сугубо научный. Вот что изумительно! Все легко проверяется экспериментально опытным путем. Пожалуйста, проверяй!..

Невероятно! А интересно, такая статистика действительно кем-нибудь собиралась?)

— Простите, а такое статистическое обследование действительно кем-нибудь проводилось? — Рудников даже шею от любопытства вытянул.

— Да. Нашей организацией, — лаконично ответил сектант.

(Рудникову еще много чего хотелось спросить и уточнить. Объем выборки,.. конкретные цифры... В нем вдруг властно заговорил ученый, исследователь. Но он взглянул на сидящего рядом человека и как-то сразу внезапно понял, что все эти вопросы сейчас по меньшей мере неуместны. Здесь не научный симпозиум.

Чего это он тут распелся? Раскудахтался. Цифры ему подавай, графики!.. Ученый в нем, видите ли, проснулся. Исследователь, блядь, хренов. Ну, так пусть он опять спокойно засыпает. Вечным сном. Какой из тебя сейчас ученый-исследователь? Когда это было-то? Сколько лет назад? Мало ли кто чего когда кончал. Уймись! Думай лучше о деле, а не о графиках. Что бы такое существенное спросить. Тебя, мудака, напрямую касающееся. Неизвестно ведь, когда еще такой случай выпадет. Может, этот руководитель один только раз собеседование с новичками и проводит. Ну, так и спрашивай по делу! А не всякую дребедень. Цифры-графики! Болван несчастный! Физик, блядь, теоретик недорезанный. Ишь, чего вспомнил! Си-и-ди-и!..

Да... Да... Так чего спросить-то? — лихорадочно заметался Рудников.)

— Так значит, как я понял, ваши офисы находятся в непосредственной близости от тюрем, больниц — ну, источников черной пси-энергии, — вслух произнес он, — и, посещая собрания, я как бы ей подзаряжаюсь? Так?.. Вообще, Вы не могли бы все же чуть поподробнее объяснить весь этот механизм воздействия?

(На хуй он мне нужен, этот механизм?! — тут же в панике подумал он. — Чего я к нему пристал как банный лист? Мне-то какая разница? Разозлится еще сейчас, чего доброго! Сказали же тебе: возьми тебе отныне станет, только на собрание почаще ходи! — ну, и хватит с тебя! Так нет! «А как?» «А почему?» Механизм ему, видите ли, подавай! Ну, не хочешь — не ходи!)

— Ну, понимаете, я же все-таки физик по образованию, — искательно улыбаясь, добавил он. — Мне просто интересно...

— Понимаю, понимаю! — весело откликнулся мужчина. — Ну, в двух словах, дело обстоит так. Да, Вы все правильно поняли. Посещая наши собрания, Вы подзаряжаетесь черной пси-энергией. Становитесь ее носителем. И притягиваете к себе удачу окружающих, их положительную, белую пси-энергию, подобно тому, как притягиваются друг к другу положительные и отрицательные заряды.

— Подождите, подождите!.. — возбужденно перебил своего собеседника Рудников, и сам даже этого не заметил. — Как же так!? Получается, что на всех — ну, скажем, жителей окрестных домов — черная пси-энергия действует негативно, и только на членов секты — позитивно?

(Слово «секта» вырвалось у Рудникова случайно, просто в пылу беседы.)

— Именно так, — подтвердил мужчина, не обратив никакого внимания на невольно допущенную Рудниковым оговорку. — Как раз в этом и состоит смысл обрядов, ритуальных действий, осуществляемых на собраниях. Сделать черную пси-энергию безопасной и даже полезной для участников. Заставить ее работать им на благо! — засмеялся он.

Этот смех почему-то неприятно резанул слух Рудникова.

Так, значит, я буду строить свое счастье на несчастье других? — пришла ему в голову совершенно очевидная мысль. — Как-то это... Хотя, чего это я?! — тут же опомнился он. — Мне-то что? Меня же сразу предупредили. Насчет морально-этических проблем. Ну, сиди и дальше на своей нищенской зарплате. Бегай у Фролова на побегушках. Если ты такой высокоморальный. Пусть он тогда на тебе свое счастье строит. Кует. Он же в секте. Вместе с Зинаидой, кстати. И моральных проблем, я думаю, у них никаких. Сидят в своих кабинетах, в полном шоколаде, и на все эти морали знай себе поплевывают с высокой горки. Из окон своих «Мерседесов».

Мысль о Фролове-Зинаиде-кабинетах-мерседесах придала Рудникову бодрости.

— Хорошо, я все понял. Я согласен, — твердо сказал он и тоже взглянул прямо в глаза сидящему рядом мужчине. — Так какие мои дальнейшие действия?

— Вот Вам наш адрес, — мужчина протянул Рудникову листок бумаги. — Собрания проходят, как я уже сказал, по пятницам, начинаются ровно в девять вечера. Приходите, когда надумаете. Только постарайтесь не опаздывать, — добавил он, уже вставая. — Ладно, Вам, наверное, к метро, а мне сейчас надо еще в одно место зайти. До свидания, — он кивнул на прощанье Рудникову и быстро зашагал куда-то вглубь парка.

Рудников проводил его взглядом, потом неторопливо развернул листок и прочел написанный там адрес.

Так... Где это?.. А, понятно. Сколько сейчас времени?.. Начало девятого... В принципе, могу успеть. Сегодня как раз пятница... Так, может, прямо сейчас и поехать?.. А чего тянуть?

Он задумчиво сложил листок, сунул его в карман и направился к метро. Ну, так чего?.. Ехать — не ехать?.. Или лучше уж на следующей неделе?.. А чего на следующей-то?.. Ну,.. как-то так,.. сразу... Надо хоть морально подготовиться... Психологически... Или уж поехать?.. У?..

Монету брошу! — решил вдруг он. — Орел — поеду.

Монета, крутясь, взлетела высоко вверх и с глухим стуком упала на землю. Рудников с замиранием сердца наклонился. Орел!

5.

Без двенадцати девять Рудников уже находился по указанному в листке адресу.

Черт! А чего говорить-то? Кто я такой? Ну, в крайнем случае бумажку с адресом покажу, — подумал он и потянул на себя дверь.

У входа сидел за столом какой-то молодой парень. То ли вахтер, то ли охранник, непонятно.

— Простите, — обратился к нему Рудников, не зная, о чем, собственно, спрашивать-то? Не скажешь же: где тут собрания секты проходят? Может, этот парень вообще не оттуда? — Мне тут ваш адрес дали...

Парень мельком взглянул на листок и кивнул головой в сторону лестницы:

— Второй этаж. Секундочку подождите... — он сунул руку куда-то под стол и протянул Рудникову черную шапочку с прорезями для рта и глаз, типа омовской.

Рудников с недоумением на нее воззрился:

— Это что, надо одевать? — вопросительно посмотрел он на парня.

— Как хотите, — пожал плечами тот. — Дело Ваше. Можете не одевать.

Рудников помялся немного, повертел в руках шапочку и потом, чувствуя себя невыразимо глупо, с кривой ухмылочкой неуклюже натянул ее себе на голову. Парень смотрел на все эти его манипуляции совершенно равнодушно. Похоже, он видел здесь все это уже много, много раз.

Как ни странно, шапочка сидела довольно удобно и практически не мешала.

Жаль, зеркала нет, — мимоходом подумал Рудников и стал подниматься по лестнице.

Площадка какая-то непонятная... Дверь...

Рудников толкнул дверь и оказался в какой-то прихожей-не прихожей,.. в предбаннике, в общем, каком-то. Дверь справа, дверь слева и большая дверь прямо. Справа от большой двери сидит на стуле еще один парень

— Вы первый раз? — вежливо поинтересовался он при виде Рудникова.

— Да, — чуть раздраженно ответил тот. (У меня это что, на лбу написано?!)

— Переоденьтесь вот в это, — парень сунул руку в стоящую рядом со стулом большую спортивную сумку, достал оттуда какой-то сверток и протянул его Рудникову. — Свою одежду оставите там, — он кивнул на правую дверь.

— Это обязательно? — сухо поинтересовался Рудников. — Или, как маску, по желанию?

— Обязательно, — бесстрастно ответил парень, внимательно глядя на Рудникова своими серыми, стальными глазами.

Под его взглядом Рудников почувствовал себя как-то неуютно. Неприятный какой-то взгляд, колючий... Он демонстративно пожал плечами и с независимым видом направился в указанную ему комнату.

— Свою одежду всю снимайте! И белье тоже, — уже в спину ему холодно бросил парень.

Рудников со злостью хлопнул дверью.

Блядь! Ну каждая сошка обязательно командира из себя корчит! Большого начальника.

«Не желать зла никому из членов секты!» — сразу же вспомнился ему полученный сегодня в парке наказ, и он невольно вздрогнул.

Да ладно! Я так!.. И пошутить уже нельзя... — с нарочитым смирением попросил он в мыслях прощения у какого-то мифического главного сектанта и у всех них сразу.

Господи! Еще в секту-то не вступил, а уже правила нарушаю. И с охранником чуть не сцепился. Неудачно у меня все как-то начинается. Не так как-то. И чего это я тут еще права какие-то качать вдруг вздумал? Со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Делай, что тебе говорят, да помалкивай. Сказано: переодевайся! — ну и переодевайся. Чего переспрашивать-то?!

Рудников осмотрелся. Раздевалка какая-то. Лавки вдоль стен и крючки для одежды. На крючках брюки, рубашки, белье... Понятно. Мужская раздевалка,.. а левая комната, вероятно, женская. Ясненько. Он развернул сверток. Хм... Что это вообще такое-то? Ряса, что ли? Кимоно? Черный тонкий запахивающийся халат без пуговиц с какой-то дурацкой грубой веревкой вместо пояса. И эту штуку прямо на голое тело одевать?

Н-да... Средневековый, блядь, монах в рясе и в омоновской маске. А женщины, интересно, в чем? Тоже в этом? Так... Тапочки еще. Тоже черные. А! И в тапочках. Класс! Готовый кандидат на Серпы. Клиент к Ганнушкину.

Что это у них здесь все такое черное да мрачное? А, ну да! Черная же пси-энергия! Все серьезно. По-взрослому.

Рудников пытался заставить себя относиться ко всему происходящему иронически, с юмором, но получалось у него

это как-то плохо. Охранники какие-то лютые, рясы, маски... Одежду-то хоть у меня здесь не попрут, часом? А то, блядь, придется потом в рясе этой на голое тело домой ехать. В маске и в тапочках. Рудников невольно хихикнул, представив, как он входит в таком виде в метро. Вот точно по Высоцкому будет: смешно да не до смеха!

Да нет! Здесь у них, чувствуется, все строго. Да и... Вон там какие шмотки висят! Не моим чета. Нужно тут кому мое барахло! Рудников быстро разделся, небрежно повесил на пустой крючок свою одежду и торопливо, путаясь в рукавах, надел на себя халат-рясу. Запахнувшись и перевязавшись веревкой, он почувствовал себя несколько уверенней. Не хотелось все-таки, чтобы кто-то вошел, пока он переодевается. Неудобно как-то...

Он пошарил по раздевалке глазами в поисках зеркала. Ничего! Нет тут ни черта никакого зеркала! Сектантам, видимо, все эти излишества без надобности. Они, судя по этой рясе с веревкой, люди суровые. Черт! Опаздываю! Бежать уже надо. Время почти девять. А то не пустят еще, чего доброго. Этот охранник проклятый...

Рудников быстро вышел из раздевалки и направился прямо к центральной двери. Охранник проводил его взглядом, но ничего не сказал. Рудников потянул дверь на себя и вошел внутрь.

Большой проходной зал без мебели, с ковром на полу и с каким-то непонятным возвышением в центре. Помост, что ли, какой?.. На этом помосте огромные напольные часы с неестественно-длинным и массивным маятником. Заканчивается маятник внизу полумесяцем.

(Что это, блядь, за секира? — невольно подумал Рудников. — Вжик! вжик!..)

Вокруг помоста стоят широким кольцом люди, мужчины и женщины, одетые точно так же, как и сам Рудников. Ну, точнее, почти так же. В рясы. Масок на многих нет. И к тому же все бо-

сиком. Рудников искал глазами и сразу увидел стоящий справа от двери аккуратный ряд тапочек. Он тоже разулся и поставил свои тапочки среди прочих, оставшись босиком, как и все.

Как же я их потом найду-то? — засомневался было он, но тут же решил пока не забивать себе этим голову. — А! Там видно будет! Разберемся. Как все, так и я.

Поскольку внимания на него никто не обращал и никаких указаний давать явно не собирался, то он решил для себя, что самое разумное будет — это стараться не выделяться. Просто вести себя, как все. И потому сразу же вошел в кольцо, смешавшись с остальными. В маске он чувствовал себя довольно уверенно и почти не смущался. Сектанты стояли молча, неподвижно и явно чего-то ждали. Вероятно, девяти часов. Когда все и должно было начаться. Рудников вспомнил, что ему говорили сегодня в парке.

«Собрание начинается ровно в девять. Не опаздывайте». «Ровно девять» должно было, по прикидкам Рудникова, наступить с минуты на минуту. Буквально вот-вот.

А!... Так вот же часы стоят! Он посмотрел на гигантский циферблат. Девять! А что это за фигурки непонятные вместо цифр?..

Дальняя дверь распахнулась. В зал вошли трое. В таких же точно рясах, как и все, только красных и с капюшонами. Или клобуками, как там это правильно у монахов называется? Один сектант шел впереди, остальные двое держались чуть сзади. Передний был явно главным. Тем более, что и веревка на его рясе была тоже красная, в то время как у двух других — желтые. В общем, главный жрец и помощники. Служки, по монастырски. (Аналогии с монахами, монастырями упорно приходили Рудникову в голову. Вероятно, из-за ряса.)

Один служка держал в левой руке какой-то мешок, а в правой — не то подставку, типа треноги, не то высокую табуретку. Нечто среднее, короче, не разберешь отсюда. Второй же осторожно нес перед собой на вытянутых руках какой-то непонят-

ный, ярко блестевший таз, чем-то, судя по всему, почти до краев заполненный. Какой-то жидкостью. Рудников с изумлением услышал доносившееся из мешка громкое мяуканье. Кошка? Это что, элемент обряда?

Вся троица между тем быстро приблизилась к центру зала и поднялась на помост. Помощники установили треногу, поставили на нее таз и достали из еще одного мешка, которого Рудников поначалу не заметил, большую желтую ложку, поднос и пластиковый пакет. Содержимое пакета мгновенно высыпали на поднос — Рудников издали так и не разглядел, что это такое? шарики, не шарики?... непонятное, в общем, что-то — главный сектант взял в руку ложку и громко, нараспев, произнес поллатыни какую-то длинную фразу. По крайней мере, Рудникову так показалось, что по-латыни. Как человек более-менее образованный, он приблизительно представлял себе, как она звучит. Все эти характерные окончания на «ис», «ус»...

Один из стоящих в кольце сектантов тут же приблизился к жрецу и встал на колени. Жрец зачерпнул ложкой из таза и поднес ее к губам стоящего перед ним на коленях человека. Тот выпил содержимое. Жрец взял с подноса шарик и вложил его сектанту в рот. Человек разжевал шарик и проглотил (это было явно видно по движениям челюстей и горловых мышц и кадыка), встал с колен и вернулся обратно на свое место. Его сосед, вернее, соседка, совсем еще юная девушка без маски, сразу же двинулась к центру зала, и все опять в точности повторилось. Потом еще один сектант,.. еще один,.. и так по кругу.

Когда очередь дошла до Рудникова, он не колеблясь проделал то же самое, что и все. Подошел, встал на колени, выпил с ложки какую-то тягучую сладкую жидкость и проглотил положенный ему в рот шарик. К его величайшему изумлению, это оказалось мясо. Котлетка, клецка, зрза или как там это правильно называется. Рубленое мясо, короче. Слепленное в ша-

рик. Что это за мясо, Рудников так и не определил. Вкус был совершенно необычным.

Вообще обстановка на него начинала как-то давить. Кольцо стоящих неподвижно босых сектантов в черных рясах и масках; ярко-красные жрецы в капюшонах посередине, выкрикивающие нараспев латинские фразы; маятник этот зловещий с полумесяцем на конце — такое впечатление, что это вообще не полумесяц, а лезвие секиры, остро отточенное, — и все это под громкое, непрекращающееся ни на секунду прерывистое мяуканье кошки.

Мя-яу!!.. Мя-яу!!.. Мя-яу!!..

И что это за мясо он сейчас ел? Вкус какой-то странный. Тоже сладковатый. Хотя, может, это после сиропа этого из ложки так показалось... Непонятный, в общем, вкус. Никогда такого мяса не ел. Может, тоже кошка?!

Рудников даже подташнивание легкое при этой мысли ощутил. Ладно, впрочем. Что за капризы? Ели же все. Не отравились. Подумаешь! Ну, кошка, ну и что? Делов-то! Да, может, и не кошка еще вовсе. А крольчатина под сладким соусом. Или нутрия. Плевать, короче! Хоть кошка, хоть мышка. Плевать! Лишь бы толк был. От этого поедания кошек и ползанья на коленях под латинские песнопения... Да бога ради! Постоим-поползаем... мы люди не гордые. Ко всему привышные. Тертые-ученые! Во болотах мытые, в омутах моченые.

Последний сектант тем временем встал с колен и вернулся на место. Жрец воздел руки вверх и произнес по-латыни еще несколько фраз.

Да полно!.. Точно ли это латынь? — мелькнуло вдруг в голове у Рудникова. — Похоже, это и не латынь вовсе. А какой-то совсем странный и непонятный язык.

Ему вдруг стало почему-то не по себе. Комическая сторона происходящего, которая до этого бросалась ему в глаза и помогала сохранять в этой ситуации некую отстраненность, спокой-

ствии и хладнокровие (все эти обряды!.. переодевания... взрослые же люди!), отступила куда-то на второй план и перестала вообще иметь значение. Ему вдруг стало просто жутко. Ему неожиданно почудилось, что все это вовсе никакой не спектакль для пресыщенных, скучающих современных ему дядей и тетей, играющих в сектантов, а что-то реальное и злое. И все эти неподвижно стоящие люди в черных рясах со стеклянными глазами стали вызывать у него страх.

Казалось он перенесся каким-то недобрым волшебством в мрачное средневековье. Он просто не мог себе представить никого, из здесь присутствующих, в обычной, нормальной жизни, в нормальной обстановке, в обычных платьях и костюмах... Смеющимися, болтающими, играющими с детьми, смотрящими, к примеру, телевизор. Казалось, это действительно самые настоящие, подлинные фанатики-изуверы. Инквизиторы. Ряса шла им, выглядела на них совершенно естественно.

Рудникову, вдруг страстно захотелось бежать, немедленно уйти отсюда! Зло в этом зале, казалось, витало, было разлито в воздухе!

Черная пси-энергия! — судорожно подумал Рудников. — Энергия боли и страданий! Вот я, наверное, ею сейчас и заряжаюсь. Я же за этим сюда и пришел.

Жрец опять воздел вверх руки и начал нараспев что-то читать. Сектанты стали слегка раскачиваться из стороны в сторону и хором монотонно повторять вслед за ним концы фраз. Рудников стал повторять вместе со всеми.

— Норус экстум! ... Трактум версис! ...

Им начало овладевать какое-то необъяснимое, непонятное, странное чувство. Как будто он сливается со всеми, становится частью какого-то огромного единого целого. Растворяется, растворяется, растворяется в нем...

Сектанты раскачивались все сильнее. Жрец вдруг выкрикнул какую-то фразу особенно громко и сразу же откуда-то по-

лилась музыка. Странная... сильная, мощная и в то же время щемящая, берущая за душу, тоскливо-заунывная... Орган, что ли?... Рудников такую музыку никогда раньше не слышал. Ничего, даже отдаленно похожего. С первым же аккордом сектанты все, как по команде, взяли за руки и одновременно сделали все шаг влево и сразу же вслед за тем два шага вправо. Пауза. Потом опять шаг влево и два шага вправо.

Рудников двигался вместе со всеми.

Кольцо людей начало медленно вращаться против часовой стрелки. Шаг влево, два шага вправо! Шаг влево, два шага вправо! Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо!! Влево, вправо-вправо!!! Быстрее! быстрее!! быстрее!!! Соответственно, все быстрее и быстрее играла и музыка. И все громче и громче. Люди двигались вместе с ней, в такт ей. Она задавала ритм. Еще быстрее! Еще быстрее!!! Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо!! Еще! Еще!! Еще!!!

От движения веревки у многих развязались, рясы распахнулись. Рудников видел повсюду мелькающие под рясами обнаженные женские и мужские тела, груди, бедра, черные треугольники внизу живота у женщин, мужские пенисы, у многих уже возбужденные. Рудников и сам почувствовал, что у него начинается эрекция.

Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо!! Еще! Еще!!

Неожиданно из центра зала, перекрывая музыку, раздался совершенно дикий, истошный кошачий визг. Рудников вскинул глаза на этот невероятный звук и увидел, что принесенная в мешке кошка, со связанными лапами извивается сейчас под маятником, который при каждом движении, своим остро отточенным полумесяцем внизу, чуть-чуть, слегка, совсем немного рассекает ее, доставляя животному по всей видимости, чудовищную боль и заставляя его визжать.

Взмах, визг! Взмах, визг! Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо!! Быстрее!-быстрее!!-быстрее!!!-быстрее!!!!

Внезапно одна из женщин разорвала круг, упала внутрь его и забилась, задергалась на полу в то ли истерике, то ли конвульсиях, и в то же самое мгновение круг распался, свет почти погас, и началось что-то невообразимое, какая-то чудовищная оргия. Все совокуплялись со всеми. По двое, по трое, по четверо. Мужчины с женщинами, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами. Всеми овладело словно какое-то безумие. Это был даже не секс в обычном понимании этого слова. Нечто другое. Обязательная часть всего здесь происходящего. Заключительная часть обряда.

Рудников чувствовал, что это действительно надо, необходимо, что это действительно есть нечто, очень, очень важное. Что выплескиваемая сейчас мужчинами и женщинами огромная сексуальная энергия, посредством заклинаний каким-то образом взаимодействует с пульсирующей в воздухе черной пси-энергией боли и страданий, растворяет в себе ее. Нейтрализует, делает ее безвредной для присутствующих здесь людей. Для сектантов.

Красноватый мерцающий полумрак, какая-то нечеловеческая органная музыка, доносящиеся отовсюду сладострастные крики и стоны, отчаянные дикие непрекращающиеся вопли кошки и посередине непонятно чем освещенная фигура жреца в красном, с воздетыми вверх руками и запрокинутой назад головой, выкрикивающего в трансе какие-то не то молитвы, не то заклинания...

* * *

Когда Рудников снова пришел в себя, он обнаружил, что опять стоит вместе со всеми в общем живом кольце, рясы на всех запахнуты и перевязаны веревками, свет горит и, самое главное, в зале царит полная тишина. Ни музыки, ни криков истязуемой кошки. Он посмотрел на маятник. Лежащие под

ним несчастное животное было рассечено пополам. Бедная кошка была мертва.

Стоящий в центре зала жрец громко произнес какую-то заключительную фразу, повернулся и, в сопровождении двух своих подручных быстро зашагал к дальнему выходу. Как только дверь за ним захлопнулась, кольцо распалось, и сектанты вразнобой двинулись к ближайшей двери. Той самой, откуда пришел в зал и сам Рудников.

Рудников двинулся вместе со всеми. Он чувствовал себя совершенно опустошенным. Как выжатый лимон. Остальные, вероятно, чувствовали примерно то же самое. Все шли, опустив глаза и уставясь себе под ноги. Никто ни с кем не разговаривал.

Рясу и тапочки Рудников оставил в раздевалке, маску взял с собой. Он просто посмотрел, как делают другие, и поступил точно так же.

Уже сидя в вагоне метро, он несколько пришел в себя и стал вспоминать подробности действия, в котором он только что участвовал.

Ряса,.. он в кольце стоит вместе со всеми,.. причастие это... — так что там за мясо-то все же было?.. ладно, не важно!.. черт с ним! — музыка,.. все ускоряющееся движение по кругу,.. оргия... Оргию он помнил плохо, и это его серьезно беспокоило. Черт! Наверное, наркотики какие-то в этом питье были, которым меня опоили. Ничего не помню! Как это такое может быть?! Только какие-то отдельные эпизоды. Совершенно дикие. Кого-то порю в чудовищном темпе, как последний раз в жизни. А кого?.. Что?.. Куда?.. Женщину хоть?.. Да нет! Женщину, женщину!.. Вроде... Блядь, пожалуй, лучше не вспоминать! А то вспомнишь тут... всю жизнь потом плевать будешь!

Меня самого-то там, часом,.. не отодрали?.. Ненароком?.. Не отымели,.. между делом?.. Я там... ни у кого?.. Да нет, нет! А что «нет, нет»? Если и «нет, нет», то просто потому, что по-

везло. Я вообще ж ничего не соображал. Мною просто какое-то общее безумие овладело. Как и всеми вокруг. И кого хоть я там трахал-то? Даже если и бабу? Может, старуху какую-нибудь столетнюю? Там были такие, как я успел заметить. С колен встать не могли, когда причащались. Служки их под руки поднимали. Как они, интересно кружились-то вместе со всеми?.. Еб твою мать! Да плевать мне на них, как они там кружились! «Кружились»!.. Вот как они?.. И, самое главное, с кем?!..

Вообще это ужасно! Это просто свальный грех какой-то. В чистом виде. Содом, блядь, и Гоморра. Слава богу, что хоть кошку эту несчастную трахнуть не заставили! Сначала живую, а потом еще и мертвую. (Только съесть, — мрачно подумал он. — В виде шариков-котлеток.) А чего? Мне было все равно, кому совать. И кому давать.

Совершенно все это мне не нравится. Если сейчас случайно не трахнули, то в следующий раз трахнут непременно. Наверняка! Под горячую руку кому-нибудь подвернусь — и все! («Руку», блядь!) Пиши пропало. Прощай, девственность! Больше мама, я не целка. Короче, в пизду такие оргии! Мне моя честь девичья дорога. Да и вообще не понравилось мне все это! Вспоминать противно. Как обычно.

Да! А толк-то, толк-то хоть какой-то есть?! Толк-то?! Чего ради я хоть кошек-то ел и такой опасности подвергался?

Рудников опять вдруг забеспокоился и заерзал на месте, пытаясь определить, а не влажный ли у него анус. А вдруг все-таки?.. Да нет! Нет, вроде. Вот именно! «Вроде»!.. Ладно, даже если... Один раз — не пидорас. Типун тебе на язык с такими шутками!! Тьфу, блядь! Хоть бы домой быстрее приехать. Душ поскорее принять. Смыть с себя все. Могли бы и в секте хоть душ устроить. Хотя, ну их на хуй с их душем! Какой там может быть душ! Общий для всех? И мужиков, и баб? После такой массовки чего там стесняться?! Все свои. Да и... мужиков... Видел я этих мужиков!

Рудникову опять вспомнились некоторые особо яркие картинки, и он невольно сплюнул. Тьфу, ты! Мерзость! А интересно?.. Фролов-то у нас... девочка еще?.. или уже бабеч матерый?.. Бабуин, блядь. Тьфу!! Буду подальше теперь от него держаться. На всякий случай. От этого бабуина. Не люблю пидоров. Жалко, кстати, что Зинаиду не видел. Надо будет в следующий раз специально ее поискать. Целенаправленно. Поохотиться. Когда свет погаснет. Главное, найти. А там уж — без проблем. Отказываться, как я понял, тут не принято. Пользуйся на здоровье. Все в твоём распоряжении. Куда хочешь, туда и... Пожалуйста! Да... Единственная приятная мысль. Луч света в этом темном царстве. Черной пси-энергии. Да и то... Пока Зинаиду найдешь, тебя самого тут... сто раз. Куда захотят... Отказываться ведь тут не принято. Ладно, чего-то я по кругу гонять начал.

Да! Так чего все-таки с пользой-то? Стал я уже более удачлив? Как хоть это проверить-то?

Неожиданно Рудников понял, что знает, как. Надо бросить сто раз монету. Результат первого броска — орел или решка — его удача. Ее и надо считать. Орел первый раз выпал — значит, орла считать. Решка — значит, решку. Превышение над среднестатистическими 50% — и есть его нынешняя удачливость, степень его везения. Рудников и сам не помнил, откуда и как он это узнал — сказал, наверное, кто? — но знал совершенно точно, что так оно и есть. Знал — и все. Он еле удержался, чтобы тут же на месте, в метро, прямо в вагоне не начать бросать монету. Еле дотерпев уж до своей станции, он выскочил на улицу, сел на лавочку и подкинул вверх найденный в кармане рубль.

Орел! Тем лучше! Будем считать орлов.

Орел... Орел... Орел... Решка... Решка... ... Орел...

Так... 62 на 38. Неплохо... Очень неплохо... Ради этого... можно и... Рискнуть! рискнуть!.. Не более того. Не было же, слава богу, пока ничего. Ладно, посмотрим. Поглядим. Ну, что

ж, теперь остается только ждать. Ждать, ждать, ждать! Как это на мне моя удачливость отразится. Какие дары на меня с неба посыпятся. По-смотрим!

6.

За последующие несколько месяцев жизнь Игоря Рудникова самым радикальным образом изменилась. Его повысили по службе, он выигрывал несколько раз в лотерею и в казино (причем в казино довольно серьезные суммы), стал каким-то там юбилейным посетителем в одном крупном супермаркете, где он вообще неизвестно как оказался, шел мимо и вдруг и решил: дай-ка, зайду!..

Короче, удача стала преследовать Рудникова по пятам. Ему удавалось буквально все. Все, что бы он ни затеял. Он купил себе машину, прибрахлился, ночные клубы, рестораны, казино посещать начал. Не слишком часто пока, но все-таки. Вообще жизнь как-то вдруг наладилась. Из хронического неудачника, коим он пребывал все эти последние годы, он вдруг превратился в сильного, обаятельного и уверенного в себе человека. И это всеми чувствовалось. Всеми вокруг. И на работе, и в ресторанах-казино — в общем, повсюду, где бы он ни появился. Он просто излучал вокруг себя ауру уверенности и силы. За ним тянулся шлейф успеха. А с такими людьми всегда приятно общаться. К ним тянутся. В наше время это редкость. Да, собственно, и не только в наше. Во все времена. Всегда.

Человек к хорошему привыкает, как известно, очень быстро, и вскоре Рудников уже даже и представить себе не мог, что когда-то все было иначе. Старался об этом вообще не вспоминать. Зачем? Тот маленький серый забитый и закомплексованный человечек, каким он был в другой жизни и сто лет назад — умер и навсегда забыт. Теперь он сам стал лидером,

победителем, баловнем фортуны. Впереди у него теперь одни только победы, победы и победы! Отныне его ждут только удача и успех. Всегда и во всем. Вперед!!

Так, в чаду успеха, прошел у него первый год. А потом наступил надлом. Собственно, ржавчина, короста, темные пятна на его жизни появились буквально сразу, с самого начала. Все вокруг него рушилось. Он шел к успеху словно по обломкам чужих жизней и судеб. У окружающих все время что-то случалось, происходило, их преследовали какие-то постоянные, непрекращающиеся беды и несчастья: кто-то умирал, заболел, спивался, у одного его друга вдруг ушла жена, у другого сгорела дача и пр., и пр..

Рудников все это прекрасно видел и замечал — не слепой! — и его это, откровенно говоря, всегда терзало. Всегда! С самых первых дней. И чем дальше, тем больше. Носить в себе этот груз оказалось на деле далеко не так просто, как это ему поначалу представлялось. Тем более, что с течением времени удачи стали восприниматься уже как нечто, вполне естественное и само собой разумеющееся. А вот все эти катастрофы и катаклизмы... Все-таки чувствовать себя каким-то чудовищем и монстром, сеющим вокруг плач и горе... Пить с симпатичным тебе человеком, зная при этом, что теперь у него наверняка кто-нибудь вскоре заболеет или умрет... Ужас! Рудников все больше и больше начинал ощущать себя каким-то просто-таки исчадием ада, выходцем бездны и преисподней, которому вообще не место среди людей. Вурдалаком-оборотнем, который пьет у всех вокруг удачу и счастье. Жизненные соки. Питается ими. От прикосновения которого все живое гибнет.

А собрания секты, которые он теперь исправно посещал — шабашем таких же, как он, нелюдей. Проклятых. Упырей. Вероятно, и остальные сектанты чувствовали себя примерно так

же. По крайней мере, между собой они практически не общались. Сразу после собраний все быстренько, молча одевались и тут же торопливо разбегались в разные стороны. По своим норкам. До следующей пятницы.

Рудников с каким-то неприятным удивлением вспоминал, как он всего каких-то полгода-год назад мечтал высмотреть на собрании и трахнуть Зинаиду. Сегодня она представлялась ему какой-то красивой, ярко-раскрашенной, экзотической тропической гадиной — нечто вроде змеи, тритона или лягушки. Опасной, коварной и смертельно ядовитой. От которой лучше держаться подальше. Как сексуальный объект он ее вообще больше не воспринимал. Какой там «объект»! После того, как он увидел ее пару раз в деле, во время еженедельных оргий, он стал испытывать к ней самое настоящее, чисто физическое стойкое отвращение. Омерзение прямо какое-то патологическое!

Леди Зю, как выяснилось, была лесбиянкой. Причем активной и, судя по всему, убежденной. По крайней мере, с мужчинами Рудников ее ни разу не видел. Ни на оргиях, ни в жизни. Только с женщинами. Точнее, с молоденькими девушками. Как правило, совсем юными. Они-то, по всей видимости, и составляли главный объект ее страсти. Что она с ними вытворяла и как обращалась!.. Это надо было видеть! Вернее, не надо. Поскольку некоторые, особо яркие и впечатляющие картинки Рудников потом очень долго не мог забыть. Вытравить из своей памяти. У него на этой почве чуть было даже импотенция не развилась. Отвращение ко всем женщинам вообще.

«Женщинам», блядь! Видели бы вы этих женщин!.. Сучки во время течки. Самки похотливые. Шлюшки. Дешевки. Ширпотреб.

И до чего ж все эти бабы гнусные все-таки создания! Особенно, когда распоясаются полностью и всяческий стыд вообще потеряют. Лесбиянки эти мерзопакостные, абсолютно без всяких комплексов!.. Все-таки мужчина всегда является для

женщины сдерживающим фактором. Даже в постели, в минуты полной близости, женщина всегда остается с ним кокеткой, играет роль, всегда старается произвести на него впечатление, понравиться. А так как мужчину, существо другого пола, она все же до конца понять не может, то это ее хоть как-то сдерживает, останавливает, заставляет соблюдать рамки, приличия. Она боится сделать что-то не так.

Когда же бабы... между собой... видя друг друга насквозь... со всей этой своей мерзкой физиологией... отбросив за ненадобностью всякий стыд и приличия... Бр-р-р!.. Кошмар!

В общем, мужчинам на этих их вакханалиях делать нечего. Правильно их туда в древности не пускали. Мудро. Короче, как в какой-то рекламе говорилось: «У нас, женщин, есть свои маленькие тайны». Вот и пусть остаются с этими своими маленькими тайнами. Ну их на фиг! Лучше в них не копаться. Обязательно на какой-нибудь Тампакс использованный наткнешься. В лучшем случае.

Н-да... Бабы... Бабье-бабцы-бабень... Хотя, впрочем, чего там «бабы»! Разве одни только бабы? А мужики?.. Мужики были в этом смысле ничуть не лучше. Если еще не хуже. Гомиков, голубых на собраниях тоже хватало. На них Рудников тоже тут вдоволь насмотрелся. Досыта. До тошноты. Во всех позах и видах. В фас и в профиль. Правильно, что эту мразь ненавидят все!! Это вообще пиздец!

За себя он давно уже не боялся. Никто тут ни к кому не приставал, как он это было поначалу сгоряча себе навоображал. И ни к чему никто никого не принуждал. Не хочешь — не надо. Насиловать тебя никто не будет. Все только по обоюдному согласию. Возможно, это было как-то связано с железным правилом секты не желать и не делать зла никому из ее членов, о котором его с самого начала предупреждали. Возможно. Рудников этого не знал да и не стремился особенно узнать. А зачем?

«Почему»... Да какая разница, почему? Мало ли, где какие правила! Главное, что они есть, вот и все. И что еще важнее — они его полностью устраивали. Все! «Чего же боле?» Чего еще надо?

Вообще все эти оргии Рудников воспринимал просто как нечто необходимое. Как какое-то неизбежное зло, с которым приходится мириться. Сами по себе они его нисколько не привлекали. Он как-то очень быстро уяснил для себя, что заниматься любовью в компании даже максимально доброжелательно настроенных людей все же далеко не так приятно и занимательно, как, возможно, на первый взгляд кажется. Все-таки дело это глубоко личное и сугубо интимное.

Но тем не менее он совершенно отчетливо чувствовал и сознавал, что, как часть ритуала, обряда, оргии эти были безусловно необходимы. Секс давал разрядку. Без него находиться в переполненном до краев черной пси-энергией зале было вообще физически невозможно.

Везение его теперь колебалось где-то на уровне 80-82%%. В среднем примерно так. Не выше и не ниже. Причем, стоило ему пропустить только одно, одно-единственное собрание! — и 10-и % как не бывало! Рудников один раз попробовал. Поэкспериментировал. Месяц потом коэффициент восстанавливал! Но, с другой стороны, и выше 82% везение его практически никогда не поднималось. Это был его потолок. Хотя собрания-то после того случая он посещал абсолютно все. До единого! Добросовестно и аккуратно. Как на работу ходил. В любом состоянии, даже будучи больным. Это — святое!

Кстати уж, насчет святого. Последнее время Рудников все чаще и чаще стал задаваться вопросом, а что это вообще за секта? Религиозная она или нет? Не грех ли в ней участвовать? Раньше подобные вопросы ему и в голову никогда не приходили. Особенно, когда он был неудачником. Какая там еще «религия»? Какой «грех»?! Успех!! Успех любой ценой! А все остальное неважно!

Но сейчас!.. Сейчас все изменилось. Все эти темные энергии... Раньше он ни во что это не верил. Ни в религии, ни в черные энергии. Ни в бога, ни в дьявола! Но ведь факт налицо! Он действительно стал везунчиком. Человеком судьбы. Всего вдруг в жизни добился. Что же это, если не чудо?! А где чудо, там... Кто? Бог? Дьявол? Кто!!?? Кто-то есть несомненно. Но вот кто?!

Хм... «Кто?»... Какой же тут, спрашивается, может быть Бог!? Черная пси-энергия,.. ритуальные убийства животных,.. оргии все эти чудовищные... Какой тут Бог!

Да и мясо это... Шарики эти мясные. Из чего они все-таки сделаны? Из какого мяса? Что за странный сладковатый привкус? Если раньше Рудников опасался, что это кошка, то теперь он, наоборот, надеялся, что это **всего лишь** кошка. Кошатица. **Всего лишь** кошатица. А не... Господи, помилуй! Лучше об этом и не думать!

Короче говоря, ревностного сектанта в итоге из Рудникова так и не получилось. Этот первый год он еще кое-как продержался, опьяненный своими новыми успехами и возможностями, но потом наступило похмелье. Чем дальше, тем все тяжелее и тяжелее на душе у него становилось. Ничего его больше не радовало. Никакие казино-рестораны. Посещения же собраний начали вообще просто-напросто тяготить. Оргии эти... Пидорасы-лесбиянки... Да не в том даже дело! Быть каким-то злым роком для окружающих!.. Проклятие какое-то на себе нести!.. О-хо-хо!.. У него даже кошмары ночные на этой почве начались.

Последней каплей явилась внезапная смерть двухлетнего сына у одного из его коллег по работе. Быстро все как-то произошло... Неправдоподобно. Заболел — и умер. А Рудников в очередной раз в лотерею выиграл (он теперь постоянно играл во все лотереи).

После этого случая у него наступил тяжелейший психологический кризис. Депрессия, спад, бессонница, настроение постоянно подавленное, тревожное какое-то... в общем, он понял,

что все! больше он так не может! Надо уходить. Завязывать со всеми этими пси-энергиями. Ну их к бису! Не для него все это. Слишком он положительным оказался. Для всех этих отрицательностей. Не ко двору пришелся. Наверное, поэтому-то показатель у него выше 82% никогда не поднимается. Слишком уж в нем белой энергии много. Жалостливости, мягкости, сентиментальности... Всей этой никому не нужной мутотени. Настоящий герой должен быть жестким, твердым и решительным! Как доберман-пинчер. А это что?.. Стандартный джентльменский набор классического неудачника. Мямли и рохли. Плюшевого мопса какого-то. Смешного пса из диснеевского мультлика.

Словом, задел сделан. Повысили меня, деньжат под шумок настрогал слегонца по казино и лотереям всяким, прибрахлил-ся, тачку купил — ну, и хватит! Бог уж с ними, с «Мерседесами». Переживем. Слишком уж дорого за них платить приходится. Кровью! И причем чужой. Детской. Ну их к дьяволу! Слабоват я оказался для таких развлечений. Жидковат. Как обычно. Как и во всем остальном. Ну, и ладно. Может, оно и к лучшему. В пизду все эти выигрыши кровавые! Не упырь же я, в самом деле? Кровью чужой питаться. На хуй, короче!! Провались все! И так как-нибудь проживу. Жил же раньше.

По сути, решение Рудниковым было принято. Теперь надо было просто начинать действовать. Воплощать его в жизнь. Рвать! Переставать ходить на собрания.

Казалось бы, чего же проще? Не хочешь — не ходи. Никто ведь тебя и не удерживает. Да бога ради! Дело хозяйское. Возвращайся опять в свое болото. Погружайся в тину, в небытие. Флаг тебе в руки и барабан на шею! Снова превращайся в полное ничтожество. Только теперь уже навсегда.

Все это Рудников осознавал, а потому все тянул да тянул, все откладывал да откладывал. После каждого собрания он долго плевался и давал себе твердый зарок: все!.. это последний раз

было! больше я туда ни ногой! Но наступала следующая пятница, воспоминания о прошлой теряли свою остроту, и он снова, кляня себя за слабость и безволие, оказывался в знакомом здании. Тем более, это теперь-то он уж доподлинно знал, чего стоит даже один только пропуск. Восстанавливаться потом замучаешься, если что. Это тоже являлось для него серьезным сдерживающим фактором. Ну, как это?! Целый год ходил, ходил, кошек ел — и вдруг все псу под хвост!

В сущности, Рудников уже созрел для разрыва, и ему нужен был только один-единственный, последний толчок, чтобы окончательно решиться. Без этого толчка колебания его могли длиться еще очень и очень долго. Да невесть сколько!

И этот толчок действительно не замедлил. Казалось, сама судьба вмешалась и приняла за него решение. Рудников вдруг влюбился. Причем неожиданно, сразу, с первого взгляда и, что называется, по уши. Втюрился. Без памяти. В совсем, совсем еще молоденькую девушку лет шестнадцати. Вообще-то он обычно предпочитал более зрелых женщин, но тут!.. Чем-то она его тронула. Зацепила. Беззащитностью своей, что ли, доверчивостью. Почти детской наивностью. А может, молчаливостью. Задумчивостью.

Она вовсе не была глупа — наоборот! он имел в этом неоднократную возможность убедиться! — но, в отличие от большинства знакомых Рудникову особ женского пола, предпочитала молчать. Внимательно слушать, загадочно глядя на собеседника своими огромными темными миндалевидными глазницами. Рудникову это в ней очень нравилось. Ему чудилась в этом молчании какая-то тайна. Его даже чуть-чуть смущал всегда этот ее таинственный взгляд Моны Лизы. Непостижимый взгляд сфинкса.

— О чем ты сейчас думаешь? — неоднократно приставал он к ней в такие моменты.

— Так... — обычно пожимала она плечами и слегка улыбалась одними глазами. — Ни о чем...

Ксюша. Ее звали Ксюша. Точнее, так звал ее Рудников. Вообще-то ее звали Ксения.

7.

Рудников стоял у открытого окна и задумчиво курил, время от времени стряхивая пепел прямо вниз. Надо было что-то решать. Ксюша должна была подъехать с минуты на минуту.

Н-н-н-да!.. Так дальше продолжаться не может. Надо что-то делать. Причем срочно, немедленно! Ведь, находясь со мной, она подвергается огромной опасности. Чудовищной! С ней в любой момент может что-то случиться! Или не может?.. Ведь я ее люблю. Какая же это будет «удача», если она пострадает?.. Нет-нет! Сектант этот тогда, в самом начале специально про это спрашивал. Нет ли, мол, у Вас близких людей? Так что, «удача» эта моя не разбирается. Всех подряд шарашит по полной программе. Просто, кто рядом.

Ну, естественно. Она же, бедняжка, тоже от этой моей черной энергии не защищена. Как и все остальные. Это я только с помощью всех этих обрядов сатанинских природу, естество обманываю. Вместе с другими, мне подобными, отродьями. (Рудников вспомнил безумные пляски, оргии, шарики все эти странно-сладковатые и скривился от отвращения.) А она-то обычный, живой человек. Ей со мной рядом находиться противопоказано. Лучше уж с тигром в одной клетке сидеть. Или, там, с крокодилом. Да-а-а!.. О-хо-хо!.. Грехи, грехи наши тяжкие!..

Ну, так что? Что делать-то будем?.. А? Надо что-то решать?.. Что из секты я уйду — это ясно. Уже ушел. Больше я туда — ни-ни-ни! Ни шагу. Все! Привет семье. Кончен бал, погасли свечи. Мы разошлись, как в море корабли. Это-то ясно. Но этого

ведь недостаточно. Мне же еще время надо, чтобы разрядиться. Излишки черной пси-энергии этой своей на окружающих сбросить. Я же ей сейчас, как конденсатор какой-то заряжен. Аккумулятор-батарейка.

Время, в общем, нужно. Время, время, время, время! Больше тут ничего не поможет. Ждать, короче, надо. Ждать! А сколько? сколько ждать-то?.. Черт его знает! Сколько?.. Неделю?.. Месяц?.. Да уж, как же,.. «неделю»! Размечтался! Месяц-то уж точно, не меньше! Это по-любому. А то и больше. Впрочем, у меня ж приборчик есть. Счетчик Гейгера, блядь, карманный. Всегда провериться можно. Свой радиоактивный фон посмотреть и определить, когда я светиться перестану.

Рудников автоматически сунул руку в карман, вытащил монетку и привычным движением ловко подбросил ее в воздух.

Орел! Прекрасно. Орел, орел, орел, решка... Орел! 83 на 17! Рекорд! Совершенно некстати только, как обычно. Как и все у меня. Нашел время, блядь, рекорды ставить! Да я же просто сияю весь! Черным пси-светом! Горю, полыхаю. Как атомный реактор. Как какая-то, блядь, мрачная 1000-ваттная лампочка горя и несчастий. Меня сейчас за версту обходить надо. А не на встречи со мной ездить.

Господи-боже мой! Зачем я ее вообще сегодня вызвал!? Надо было хоть провериться сначала. Кретин! Олух царя небесного! Гоблин, блядь! Бандерлог. Да если с ней что-нибудь случиться! Из-за меня!.. Тогда!.. Лучше, впрочем, об этом пока вообще не думать. А то накликаешь еще!.. Раньше времени.

Так... чего ж делать-то? А?.. Чего мы все-таки решим?.. Расставаться, расставаться на время надо! На месяц-полтора, как минимум. Пока мои показатели в норму не придут. Обычными не станут. Как и у всех нормальных людей. 50 на 50.

Черт! А как?.. Как расставаться-то? Под каким предлогом?.. Придумать чего-нибудь? Типа командировки. Она поверит...

Рудников рассеянно стряхнул в окно пепел. Врать Ксюше ему категорически не хотелось. Даже в мелочах. Даже для пользы дела. Он ее действительно любил.

Н-да... Надо все рассказать. Все! И про секту и вообще. Как на чужом горе счастье себе устроил. Лучше сейчас это сделать, чем потом. А когда-нибудь рассказывать все равно придется. Нельзя, чтобы эта ложь вечно между нами стояла. Я этого не хочу. Это неправильно. Даже если она потом меня поймет и простит за обман, я сам себе никогда не прощу. Никогда! Ее-то обмануть нетрудно, она ребенок совсем — себя не обманешь!

Как там в Библии? «Худое дерево приносит только худые плоды»?.. Ну, или что-то вроде того. И это правильно. Нельзя, чтобы наши отношения изначально на лжи строились. Лучше сразу все точки над і расставить. Разрубить этот блядский гордиев узел. Иначе он, чем дальше, тем все больше и больше запутываться будет. Это уж как обычно. Одна ложь всегда влечет за собой другую. И не заметишь, как по уши увязнешь. Во всем этом вранье с благими целями и намерениями. «Грязь есть грязь, в какой ты цвет ее ни крась!» Д-да... Надо рассказывать.

При мысли, что ему придется сейчас рассказывать Ксюше про все: и про оргии, и про смерть двухлетнего ребенка — про все! Рудникову стало не по себе.

Как, интересно, она все это воспримет? Может, вообще испугается и убежит? Или возненавидит меня? Презирать начнет. Она ж молоденькая совсем. Неопытная. Подросток, в сущности. А у них все черно-белое. Да-нет! Право-лево! Добро-зло! А жизнь — штука сложная. В ней цветов много. И оттенков. Да как все это объяснишь? Это только с жизненным опытом приходит. Понимание. С годами.

Да и чего там «объяснять»-то? Какое еще «понимание»?.. Что правое — это левое? А черное — белое?.. И что секта — это хорошо? Вся эта черная пси-энергия?.. Боли и страданий. Вот черт!

Рудников нервно затянулся.

Оргии, блядь, еще эти! Тоже та еще темка. Лучше ее, наверное, все-таки вообще пока не касаться. Это-то как раз может и подождать. Потом... как—нибудь... когда поженимся. Ну, или, по крайней мере, без излишних подробностей... Так!.. В общих чертах... А то... шокировать.... Она, наверное, вообще еще девочка...

Как ни странно, Рудников еще ни разу не был близок с Ксюшей. Как-то так получилось. Он не настаивал, а она, похоже, вообще была в этих вопросах совершенно неопытной и неискушенной. Рудникова, впрочем, это только радовало. Он хотел, чтобы все у них было по-людски: свадьба,.. брачная ночь... Дети потом. А все эти случки собачьи... На скоряк. «Давай-давай!..» Увольте! Насмотрелся он уже на них. Слава богу! Сыт по горло. И на работе, и в секте потом, на оргиях. Налюбовался.

Может, поэтому-то он и в Ксюшу так сразу и влюбился. За молодость, за чистоту. За искренность ее, простодушие, непосредственность... Ну, конечно, не только за это, не только потому. Но и это тоже была одна из причин. И, причем, немало важная. И сейчас обсуждать с ней всю эту грязь, мерзость... О-о-ой!.. Вообще на все эти темы разговаривать... Понятно, что сейчас не 18-й век на дворе. И она не кисейная барышня, не на Луне живет. Современная девушка, телевизор у нее дома есть, видео, интернет. Так что... Но все равно! Ну, не хочется с ней об этом разговаривать! Не хочется вот — и все! Потом!.. Потом как-нибудь... После свадьбы...

В дверь позвонили. Рудников вздрогнул, торопливо затушил сигарету и побежал открывать.

— А-а!.. Привет! Проходи! — он посторонился, пропуская Ксюшу.

— Привет! — девушка прошла в прихожую. — Опять мои тапочки куда-то засунул?

— Да не переобувайся, так проходи! — Ксюша удивленно на него взглянула. — Прходи, проходи! Мне поговорить с тобой надо!

Девушка еще раз на него внимательно посмотрела, ничего не сказала и молча прошла в комнату. Рудников проследовал за ней. Он решил как можно быстрее все покончить: объясниться и сразу же отправить девушку домой. Подальше от себя. Пока у него такой радиоактивный фон чудовищный. 87:13! На фиг-на фиг! От меня сейчас подальше держаться надо! Лучше нам вообще в ближайшее время никак не общаться. Вообще никак! Даже по телефону. Черт его знает, как эта черная энергия действует. Механизм же совершенно неясен. Не обязательно физическая близость.

В смысле, территориальная, — тут же поправил, усмехнувшись, он. — Хм... Физическая... Ладно.

Так вот, возможно, и обычного общения достаточно, чтобы поставить человека под удар. Может, я и преувеличиваю, конечно, но тут уж лучше перестраховаться. А то, как бы потом... Да... Лучше уж перестраховаться, короче. Ну, не пообщаемся месячишко... Велика важность. Ничего страшного.

На самом-то деле мысль, что они МЕСЯЦ не будут общаться! целый месяц! была ужасна. Но что делать? Надо, значит, надо. Куда деваться? А лучше будет, если?.. В общем, все! Вопрос закрыт.

— Слушай, Ксюш, вот в чем дело... — он поморщился и почесал пальцем висок не зная, с чего начать. Девушка по-прежнему молчала. — Черт, не знаю даже, с чего начать, — пробормотал Рудников. — Короче говоря, нам надо расстаться на месяц-полтора. Не встречаться и даже не созваниваться. Вообще не общаться!

— Почему? Ты куда-нибудь уезжаешь? — удивленно поинтересовалась Ксения.

— Да! То есть нет. Нет, никуда я не уезжаю, — поправился он.

— Тогда почему? В чем дело? — еще больше удивилась она.

— В чем дело... В чем дело... Видишь ли... Н-да... В чем дело?.. Видишь ли... Видишь ли, я состою членом одной организации, — решил наконец Рудников. — Секты.

— Что-о?!.. Ты?! Секты? Какой еще секты? — девушка глядела на него какими-то совершенно круглыми от изумления глазами. — Ты сектант?!

— Да. Точнее, был до этого. Сейчас я решил от них уйти.

— Так ты правда сектант? Член настоящей секты? — девушка смотрела на него так, словно видела впервые. — Ну и что? — после паузы спросила она. — Они тебя не отпускают? Это что-то типа мафии?

— Да нет! Какой еще мафии! — с досадой сказал Рудников. («Мафии»!.. Насмотрелась сериалов! Современных телебредней.) — Нет, Ксюша, никакая это не мафия. И никто меня там не держит.

— Тогда в чем проблема? — с недоумением пожала плечами девушка.

— Ладно, смотри! — Рудников достал из кармана монетку. («Показывать нельзя! Можно спугнуть удачу!» — сразу же вспомнил он. — Ага! Тем лучше! Может, и правда спугну. И месяца ждать тогда не придется. Все равно мосты уже сожжены.) Он подбросил монетку и поймал ее в воздухе. Орел! — Видишь: орел?

— Ну, вижу, — девушка посмотрела на монетку, потом перевела взгляд на него. — Ну, и что?

— Теперь смотри, — Рудников положил монетку на ноготь согнутого большого пальца. — Сейчас я подброшу ее 100 раз, и орел выпадет не меньше восьмидесяти.

— Это что, фокус такой? — уточнила Ксения.

— Смотри!

Рудников начал быстро и сноровисто кидать монетку. Господи! Сколько раз за последний год он уже это делал?... За всю свою жизнь столько монет не кидал!

Орел... Орел... Орел... Орел... Решка... Орел... ... Орел.
90:10!! Бог ты мой! Караул! Что происходит?!

— Все! Тебе надо немедленно уезжать! — Рудников вскочил со стула.

— Да куда я не поеду! — возмутилась девушка. — Можешь ты мне объяснить в конце концов, что происходит?!

— Ладно! Слушай внимательно, времени нет, — торопливо заговорил Рудников. — В общем, так. Год назад я вступил в секту. Ну, я думал, что это что-то вроде масонской ложи. Где всякие влиятельные люди с жиру бесятся. Ряженные,.. черные маски,.. знаки всякие тайные... Бутафория, в общем. Игра. Ну, вот я и решил тоже туда податься. Вступить. Просто из чисто меркантильных соображений. Знакомства полезные завести, то да се... Короче, вступил.

Оказалось, никакие это, не масоны. И никакая это не бутафория и не игра. Все очень серьезно, — Рудников тяжело вздохнул. — Не знаю уж, как у них это получается, но они делают так, что тебе начинает везти по жизни. Всегда и во всем... Вот видела, сколько раз орел выпал? — Ксения перевела глаза на лежащую на столе монету. — 90 раз из 100! 90!! В то время, как норма — 50. Вот это и есть мой показатель удачливости. Все у меня получается, и все всегда удается. На работе повышают, в лотерею выигрываю — все всегда о'кей! Полный ажур! — Рудников перевел дух и продолжил. — Но проблема в том, что все это происходит за счет других. За счет окружающих. У них начинается фатальная невезуха. Тоже во всем! Они начинают болеть, умирать, попадать в аварии!.. Ну... Не важно, в общем. Потом как-нибудь расскажу... Попозже. Когда все это кончится... — Рудников замялся, подыскивал слова.

— Что кончится? — воспользовавшись паузой, негромко спросила девушка.

— Все кончится! Проклятие мое спадет! — чуть не закричал Рудников. — Я же объясняю: тебе опасно сейчас со мной

рядом находиться! С тобой тоже в любой момент может что-нибудь случиться! Как и со всеми остальными. А я в лотерею очередной раз выиграю. Поэтому я и хочу на время расстаться.

— А что потом будет?

— Ну, видишь ли, потом это все исчезнет. Со временем. Рассоется. Я стану обычным человеком. Чтобы эту удачливость поддерживать, надо постоянно на собрания ходить. И во всех этих сатанинских обрядах участвовать. А я с этим теперь завязываю!

— А ты участвовал в сатанинских обрядах? — как-то странно на него глядя, поинтересовалась Ксюша. — Вокруг костра, что ль, плясал? В лесу за городом?

— Почему за городом? — удивился Рудников. — Какого еще костра?

— Ну, я фильм такой видела, — спокойно пояснила девушка. — «Гонки с дьяволом». Там тоже секты, сатанисты, человеческие жертвоприношения... Так они вокруг костра там свои хороводы водили.

— Н-да... Хороводы... — опустив глаза, пробормотал Рудников. — Да нет, Ксюша, здесь все прямо в городе, в центре. В двух шагах от метро «Сокольники». В здании школы, между прочим. Это тебе не кино!

— Школы? Почему школы? — удивилась девушка.

— Ну, не знаю... — усмехнулся и пожал плечами Рудников. — Планировка, наверное, для собраний самая подходящая. Актальный зал... Очень удобно. Ладно, все! — тут же заторопился он. — Хватит болтать! В общем, ты поняла? Сейчас нам надо на время расстаться. Пока у меня все в норму не придет. И не созваниваться и вообще не общаться. Просто на всякий случай. А как все у меня нормализуется, я тебя позвоню. Лады? — девушка кивнула и тоже встала со стула. — Ну, давай, беги. Провожать не буду, сама понимаешь. По той же причине. От меня сейчас подальше держаться надо. Я люблю тебя, — добавил он,

уже стоя в дверях, глядя в спину девушке. Та остановилась и обернулась. — Не скучай! — улыбнулся он ей.

— Ладно, — улыбнулась она в ответ, повернулась и пошла к лифту.

Рудников захлопнул дверь и вернулся в комнату. Черт! Он дрожащей рукой достал из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся. Целый месяц теперь ждать! Да я с ума сойду! Целый месяц!!

8.

Почти весь последующий месяц Рудников безвылазно просидел дома, умирая от скуки. Делать ему было решительно нечего, читать он никогда особенно не любил — оставалось только смотреть телевизор. Он выучил за это время наизусть всю телерекламу, пересмотрел кучу каких-то совершенно дебильных фильмов и прослушал несметное количество современных эстрадных песенок по МУЗ TV. Клипов, блядь. Тили-тили, трали-вали! В общем, существенно повысил свой культурный уровень и расширил музыкальный кругозор.

Все это время он непрерывно бросал монетку. Проверялся. Показатели снижались. Медленно, но верно. Верно, но медленно. Очень медленно!

0,86:0,14; ... 0,8:0,2; ... 0,65:0,35...

Наконец, к концу месяца они замерли где-то на уровне 0,5:0,5 — 0,499:0,501.

Блядь! Могли бы и на 0,501:0,499, скажем, остановиться! — мрачно подумал Рудников, когда окончательно убедился в том, что динамика прекратилась. Процесс разрядки закончился. Он больше не фонил. — Как был я неудачником по жизни, так им и остался. 0,499:0,501! Целая десятая доля процента! Даже не сотая! Твою мать!

Можно было звонить Ксюше.

— Алло! — услышал он в трубке голос матери.

— Здравствуйте. А Ксению можно?

— А ее нет.

— Нет?.. А когда она будет? — похолодел Рудников. («Нет»?.. А где же она? Время — одиннадцать вечера!)

— Не знаю, — равнодушно ответила мать. — Сказала, что поздно.

— Извините, — пробормотал Рудников и повесил трубку.

Ксюша жила с родителями, отношения у нее с ними были сложные, в общем, просить что-то передать было нежелательно. Да и звонить после полдвенадцатого тоже не рекомендовалось.

До полдвенадцатого Рудников перезвонил еще раз пять. Ксюши по-прежнему не было.

Ладно, — начал успокаивать он сам себя. — Мало ли где она может быть! Завтра выясню.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас немедленно все бросить, примчаться к ее подъезду, затаиться там где-нибудь рядом и караулить ее хоть всю ночь. Дождаться ее возвращения и посмотреть, с кем она придет. Ревность разгоралась в нем, как пожар.

«Люта, как преисподняя, ревность, и стрелы ее — стрелы огненные», — вспомнилась ему невесть откуда пришедшая на ум цитата, и только сейчас он ее в полной мере понял и по достоинству оценил. До этого подобного рода сентенции всегда казались ему только красивыми словами и не более того. Литературой. Беллетристикой. Но сейчас он испытывал все это на себе, на собственной шкуре. Именно «люта»! Он метался по квартире и места себе не находил.

Сто раз хватал он трубку и сто раз швырял ее обратно, не решаясь звонить. (Родители эти еще проклятые!! Спать они, видите ли, рано ложатся!)

Где она? Где!!? Где она в такое время может быть?! Ночью! С кем? Не одна же она по ночам бродит?! С кем-то же! С кем? С кем!!? С кем!!!??? Значит, она еще с кем-то встречается? У нее еще кто-то есть? За этот месяц появился?!!

Он все проваливался, проваливался и проваливался в какую-то черную, ледяную бездну. На сердце становилось все холоднее, пока оно окончательно не превратилось просто в какой-то кусок льда. В целую глыбу!

Тогда он не выдержал. Проклиная все на свете и презирая самого себя за слабость и бесхарактерность, он пулей вылетел из дома, вскочил в машину и помчался к ее подъезду. За рулем ему стало чуть легче. Все-таки он хоть что-то делает. Просто так и дальше сидеть дома и ждать до завтра было уж совсем невозможно. Невозможно! Немыслимо!! «Стрелы ее — стрелы огненные».

Через 15 минут Рудников был уже у ее дома. Машину он поставил подальше, чтобы Ксения, чего доброго, на нее как-нибудь случайно не наткнулась (это был бы полный позор!), а сам спрятался на лестничной площадке, между вторым и третьим этажом.

А если она уж давно домой вернулась? — вдруг запоздало сообразил он. — И сейчас спит себе спокойненько? Время-то уже полпервого. А я в последний раз в полдвенадцатого звонил.

Но уйти со своего наблюдательного поста было теперь уже выше его сил. Ему легче было здесь всю ночь простоять, чем сидеть дома, ничего не делая, в полном неведении.

По крайней мере, буду хоть знать, что она домой между полдвенадцатого и полпервого вернулась, — решил он про себя. — Если она ночью так и не придет, а утром уже дома окажется.

О том, что будет, если она и ночью не придет, и утром ее дома не окажется, он старался не думать. Сама эта мысль была ужасна.

Он стоял, курил сигарету за сигаретой и неотрывно смотрел в окно. А как же иначе? Отвернешься, и тут она как раз и проскочит! А кто там у лифта на площадке стоит, отсюда не видно. Мо-

жет, она, а может, кто другой. Можно, конечно, посмотреть потом, на какой этаж лифт поехал (Ксюша жила на 9-м этаже), но полной уверенности все равно не будет. А если выйти посмотреть, где свет загорелся, в какой квартире, то, опять-таки, во-первых, можно ее прозевать, если это все-таки на лифте не она была, а во-вторых, можно потом еще, чего доброго, и у подъезда с ней столкнуться нос к носу. Стыда не оберешься, когда она поймет, что я за ней шпионоу. А чего тут не понять? Чего же еще я у ее подъезда ночью делаю? В общем, лучше стоять, смотреть вниз и не шевелиться. Это самое разумное. И шуму меньше — соседи кипеш не поднимут и ментов еще, не приведи Господь, не вызовут: кто это тут в подъезде ночью торчит? киллер, что ль, какой? (ага! киллер, блядь! Арбенин! Отелло! «Если бы у меня был пистолет, я бы тебя застрелил!.. Если бы у меня был топор — я бы тебя зарубил!..» — «А ты меня лучше рогами забодай!») — и ее не прозвезаешь.

Тем более, что ожидание его вовсе не тяготило. Он находился в таком нервном напряжении, что время летело для него совершенно незаметно. Стрелой! Как у охотника, сидящего в засаде. Чу!.. Кажется, ветка треснула? Машина, какая-то, вроде подъехала?.. Нет! Опять не то. А вот снова!..

Ксюша вернулась домой около трех часов ночи. Она была одна.

Рудников убедился, что она вошла к себе в квартиру (лифт поднялся на 9-й этаж, дверь хлопнула, с улицы было видно, как зажегся свет в ее комнате) и с огромным облегчением поехал домой. Конечно, надо еще будет выяснить, где это она до 3-х часов ночи сегодня шлялась, но все-таки вернулась она одна. Одна!

9.

На следующий день Рудников позвонил Ксюше и договорился о встрече. Ксюша его звонку явно обрадовалась. Услышав это (почувствовав по ее тону), Рудников сразу раскис, растаял

и даже не стал устраивать никакого допроса с пристрастием и всякими там хитрыми подходами, как он первоначально намеревался. Просто упомянул вскользь, что звонил ей вчера вечером, ее дома не было.

— Да, я у подруги на дне рождения была, — спокойно ответила девушка. — Поздно домой вернулась.

Н-да... «У подруги»... До трех часов ночи... И чем же вы там, интересно, занимались? С подругой? Разговоры разговаривали?... Ладно, впрочем. У подруги, так у подруги. Что ей теперь, в самом деле, взаперти, что ли, сидеть? Пока я тут черт знает чем занимаюсь. От черной энергии избавляюсь, прости господи! Аккумулятор хренов! Это сказать кому! Как в песне поется: «Сидит моя подруга (впрочем, там “зазноба”, кажется) в высоком терему, и в терем тот высокий нет ходу никому!». В высоком, высоком!.. «Терему!» На девятом этаже. Ладно, проехали.

Ревность вообще унизительна и оскорбительна. Для обоих. И для нее, и для меня. Если любишь человека, надо ему верить. А если начинаешь подозревать его, слезки за ним устраивать, то как бы даешь ему моральное право тоже тебя обманывать. Если тебе можно (а слезка — это ведь всегда обман!), то почему же ему нельзя? В общем, все! Все!! Хватит! На этом и остановимся. Наплевать и забыть! Дальше лучше все это не ворошить.

Последующие две недели Рудников встречался с Ксюшей практически ежедневно. Они ходили вместе на выставки, концерты, просто гуляли. Рудникову было, по сути, все равно, как проводить время. Ему просто хотелось быть с ней рядом.

К концу второй недели ему вдруг попала на глаза монетка. Он как раз пришел домой со свидания с Ксюшей, переодевался, и монетка выпала из кармана брюк. Рудников остановился, посмотрел на нее, потом бросил брюки на кровать, нагнулся и поднял монету с пола. Все это время он не «проверялся», чтобы избавиться от приобретенной за последний год навязчивой при-

вычки кидать монетку постоянно, везде и всюду, на улице и дома. Все время проверять свою удачливость. Теперь, после ухода из секты, в этом не было никакой необходимости. Удача его стабилизировалась на среднестатистическом уровне (Даже ниже! — не преминул выругаться про себя Рудников) — чего проверять-то? Теперь он обычный человек, как и все. Среднерядовой лох.

Рудников рассеянно покрутил монетку между пальцами, потом, доведенным до автоматизма жестом, подбросил ее высоко вверх и ловко поймал в воздухе. Решка! Ладно. Решка, так решка.

Решка... Решка... Орел... Орел... Решка... ... Орел...

Рудников в ошеломлении смотрел на монетку.

0,38:0,62! Как это? Что это такое!?! Этого не может быть! Ему же сказали тогда в парке, что удачливость его не уменьшится, если он из секты уйдет? Твердо в этом заверили. Что происходит?

Он присел на корточки и быстро провел вторую серию.

0,37:0,63!!

Сомнений не оставалось! Что-то с ним происходило. Что-то совсем не то. Он не думал, что тогда, в парке, сектант его обманывал. Он вспомнил того мужчину. Да нет! Просто видно было, что такой человек не будет обманывать. Он для этого слишком силен. Ему не было никакой необходимости никого обманывать. Это сразу чувствовалось. Значит, причина в нем самом. Что-то он не так, может, сделал?.. А что? Правила секты нарушил?.. А какие правила?

«Не демонстрировать никому фокус с монеткой, и зла никому не желать из сектантов».

Ну, со злом все ясно. Какое там «зло», если я с ними не общаюсь уже несколько месяцев! А вот с монеткой? Черт!.. Вообще-то я Ксюше тогда показывал... Неужели из-за этого? Но у меня же, вроде, стабилизировалось потом все!? Я же проверялся! Причем неоднократно. Ничего не понимаю! Ничего! Вот дьявольщина! Это так и с балкона упасть недолго. Или еще

в какой-нибудь, там пиздец угодить. В переплет. При таких-то коэффициентах. 0,37:0,63! Охуеть можно! Опизденеть!! Та-ак!.. Так-так-так!.. Что же делать-то? А? Что делать-то будем? Надо ж что-то делать? А что? Что!?

Рудников схватил монетку, уронил ее от волнения, нагнулся, поднял и быстро провел еще одну серию

Опять 0,37:0,63.

Все! Труба. Приплыли-приехали. Финиш!

Рудников почувствовал поднимающийся из глубины души чисто животный ужас. Он знал, как это бывает. Насмотрелся. Чик! И ты уже на небесах. Под колесами неизвестно откуда взявшегося здесь самосвала. Или в больнице с какой-нибудь, блядь, неожиданно обнаружившейся опухолью... «Подскользнулся-упал-очнулся-гипс!» Или... Или-или-или! Что делать?

Так!.. Так!.. Спокойно!... Спокойно... Главное сейчас не паниковать. Ничего же еще не случилось. Все наверняка еще можно исправить. Можно... Можно... Как?.. Как исправить?.. Как!?!?.. Так, спокойнее!.. Думай! Думай-думай-думай! Итак, что мы имеем?

У меня вдруг снизился коэффициент удачи. Резко вдруг упал. До критической отметки. Рудников почувствовал, что паника его буквально захлестывает. Я не хочу! Не хочу!! Почему? Мне же обещали! Гарантировали! Почему!?!?

Ладно, ладно, тише! Так,.. так... Почему у меня снизился коэффициент?.. Подождите-ка!.. Подождите!! Да какая разница, почему! Что мне мешает сходить на очередное собрание и опять его поднять?! Точно!! Господи! Фу-у-у!.. Ну, конечно же! Ну, я и дурак!.. Все же просто. Мне что тот сектант в парке говорил? (Так я его и не видел больше, кстати.) «Хоть раз в год!» Фу-у-у!.. Ну и ну! Прямо от сердца отлегло. Да-а-а-а!.. Твою ма-а-ть!..

Когда у нас пятница?.. Сегодня! Сегодня же пятница! Блин! Сколько времени-то?.. Восемь? Ну-у, отлично! Время еще полно. Хорошо, хоть с Ксюшей сегодня не допоздна гуляли. Значит,

сейчас прямо и поеду! Переодеюсь, душ приму... А то ведь — при мысли, что ему сейчас предстоит, Рудников скривился от отвращения. — Ладно! Не до жиру. Быть бы живу. Не до чистоплюйства. Сейчас в норму все вернуть как можно скорее надо. А там видно будет. Можно, в конце концов, и посоветоваться с кем-нибудь из них там. Из руководства. Что, в самом деле, за хуйня!? Почему у меня упало все? Не должно же, вроде? Они, кажется, к этому делу спокойно относятся. Что я завязать решил. Женюсь, скажу. Сами понимаете... Ну, не важно. Разберемся. Главное, вернуться к норме для начала. И как можно быстрее! А там уж видно будет.

Рудников быстро принял душ, переоделся и выскочил на улицу. Времени до девяти было в принципе еще много, но это, если ехать на машине. А Рудников, по здравом размышлении, на машине решил не ехать. Нет уж, на фиг! С таким коэффициентом. На метро надежнее.

Он крайне осторожно перешел улицу и, боязливо озираясь, пошел, крадучись, пешком к станции. Хулиганов, вроде нет?.. Бешеных собак тоже... Хотя, может и ворона бешеная с неба свалиться и укусить. Клонуть. Прямо в глаз. Или в оба. А потом еще по темечку клювищем своим добавить. Тюкнуть-долбануть. И Bye-bye! Спи спокойно, дорогой товарищ! В общем, все может быть.

Только бы мне до секты доехать! Только бы доехать! Господи, спаси и сохрани! Грешен я, Господи, черной энергией заряжаться еду. Но куда мне деваться? А? Слаб я, Господи. Слаб человек. Жить-то хотца! Хочется жить-то! Господи, только бы доехать! Только бы! Только бы метро не взорвали — только бы вагон с рельсов не сошел — только бы-только бы-только бы-только бы!.. Только бы доехать!!

А вдруг они переехали!?! Я же не был там уж несколько месяцев! — при этой мысли Рудников остановился как вкопанный, глядя перед собой широко раскрытыми глазами, и облился холод-

ным потом. — Да нет! — пошел он наконец дальше. — Не может быть. Чего я гоню! С какого дьявола им переезжать?.. А вдруг!!!!???

Войдя в метро, Рудников почувствовал себя немного спокойнее. Ну, если теперь вагон не взорвется... Каким-нибудь, блядь, полоумным шахидом-террористом... Или франкмасоном... Или инопланетянином. Да, так все-таки почему у меня коэффициент-то упал? Должна же быть причина? Ладно, чего сейчас голову над этим ломать. На месте разберемся. В секте. Они мне там подробно все разобъяснят. Как по нотам распишут. По полочкам все разложат. Главное, до них сейчас добраться.

Господи, помоги! Аллилуйя! Или как там молятся? Может, аминь? В общем, только бы доехать! Аминь, аллилуйя, что угодно! Только бы доехать! С перрона не свалиться. С эскалатора не упасть. С лестницы не сверзиться. Вниз головой. Прямо на случайно пробежавшую мимо бешеную собаку.

Та-ак!.. Ну, вот, приехали. Слава богу! Аминь-аллилуйя! Теперь медленно,.. не спеша,.. — хотя времени-то уже до хуя! как бы не опоздать! — не торопясь и богу помолясь... выходим из вагона... во-от так!.. идем по перрону... осторожно!! осторожно! ни к кому лучше не приближаться! да!.. вот так... та-ак... эскалатор... стоим — не шевелимся!.. замерли... по сторонам не смотрим... никого не провоцируем... подъезжаем... собрался... во-от так!.. все! теперь спокойно идем,.. идем,.. двери... так... выходим из метро,.. аккуратноненько, никуда не торопимся... все нормально? да, нормально... прекрасно... вот по этой до боли знакомой улочке идем и идем себе, и идем... идем... идем... все знакомо... все спокойно... смотрим под ноги... не отвлекаемся... не отвлекаемся... не отвлекаемся... ну, вот и все... вот мы, кажется, и пришли. Знакомые места. Вот и школа. Ну!? На месте они? С богом!!

Рудников вошел в знакомую дверь. Го-осподи! Ну, слава богу. У-уф-ф! Он вытер вспотевший лоб.

В вестибюле за эти месяцы не изменилось, кажется, абсолютно ничего. Время здесь остановилось. Знакомый охранник сидел на знакомом месте и все так же равнодушно на него смотрел. (Рудников чуть не бросился ему на шею и не расцеловал. До чего приятно все же, что есть в этом блядском мире хоть что-то незыблемое!) Рудников на всякий случай кивнул охраннику головой, давая понять, что он здесь не первый раз и порядки все знает. Парень никак не отреагировал.

На втором этаже тоже все было по-прежнему. Пустой предбанник, второй охранник у двери. Рудников уже опаздывал. Он быстро взял у охранника рясу, почти вбежал в раздевалку, наскоро там переоделся и, завязывая на ходу веревку, торопливо вошел в знакомый зал.

Сектантов за это время стало, как оказалось, еще больше. Гораздо больше. Секта явно процветала и разрасталась. Люди в кольце стояли теперь настолько плотно, что Рудников едва нашел себе место. Еле втиснулся. Только он успел встать, как противоположная дверь распахнулась, жрецы вошли в зал, и ритуал начался.

Причастие,.. музыка,.. медленное вращение круга... Влево, вправо-вправо!.. Влево, вправо-вправо!..

Рудников давно не был на собраниях и сейчас почувствовал, что его опять охватывает общее безумие.

Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо! Все быстрее и быстрее!!

Последнее время, когда он посещал собрания часто, он приобрел некоторый иммунитет, научился в какой-то мере себя контролировать, но сейчас, из-за длительного перерыва, иммунитет этот, судя по всему, у него пропал.

Влево, вправо-вправо! Влево, вправо-вправо!!

Кольцо людей вращалось все быстрее и быстрее! Все быстрее и быстрее!! Еще быстрее! Еще!! Еще!!!

А-а!.. Тем лучше! — успел подумать Рудников. — Что я себя не смогу контролировать. Чем больше расслаблюсь, тем больше энергии получу! Это сейчас самое главное!..

* * *

Когда Рудников пришел в себя, все уже кончилось. Кольцо распалось, и сектанты нехотя, как во сне, потянулись к выходу. Рудников побрел вместе со всеми. Он вообще ничего не помнил. Вообще! Полностью отключился. Что уж он там делал?.. Или с ним там делали... Одному богу известно...

Да-а!.. не важно. Делов-то! Было и прошло. Главное, что у меня теперь с показателями?! Вот что действительно важно! Не зря я хоть сюда приехал-то?! А остальное... Да плевать! Переживем. Один раз...

Он вошел в раздевалку, быстро, не глядя по сторонам, переоделся и мгновенно шмыгнул за дверь. (Глазеть друг на друга здесь было не принято. Каждый старался побыстрее одеться и уйти поскорей и понезаметней.) Вниз по лестнице,.. дверь с охранником,.. (А охранники здесь, интересно, кто? Сектанты или нет? — вдруг мелькнуло у него в голове. — Они же ведь в собраниях-то не участвуют!) и вот он уже на улице.

Рудников, кусая себе губы от нетерпения, свернул в первый попавшийся двор, присел на корточки и достал монетку.

Так... Орел!.. Хороший признак. Орла у меня давно не было.

Орел... Орел... Решка... Решка... Решка... (Блядь!) Орел... (То-то же!) Орел... .. Орел.

51:49! 51:49!!! Ура!! Виват! Виктория!! Не зря я все-таки!.. Фу, черт!.. Теперь хоть вздохнуть спокойно можно. Домой ехать, ничего не опасаясь. А то... Я прямо уже... Да-а... Рудников заметил, что руки у него дрожат. Блядь, здорово я все-таки пере-нервничал. Руки, вон, прямо ходуном ходят! Нервы не в пизду!

Он попытался закурить, чтобы успокоиться. Пальцы прыгали, спички ломались одна за другой. Закурив наконец только с пятой или шестой попытки, он некоторое время просто стоял, прикрыв глаза, подняв к небу лицо и глубоко затагиваясь. Потом выбросил сигарету и не торопясь двинулся в сторону метро.

10.

В субботу показатель Рудникова упал до 45:55, в воскресенье — до 34:66, в понедельник он уже был равен 23:77.

Происходило что-то страшное. И абсолютно непонятное. Рудников сидел, тупо уставясь на лежащую на столе монетку. Решка! 22:78! Еще хуже, чем в предыдущей серии. Там хоть 23:77 было.

Что все-таки происходит? Должно же быть хоть какое-то объяснение этому бреду и кошмару!? Совершенно немислимому и ни в какие рамки уже не укладываемому. 22:78! Да это ни в какие ворота не лезет! Этак я до конца недели не дотяну. Н-не-а!.. Не дотяну! Точно не дотяну. Как пить дать. И к гадалке не ходи.

Ну, думай, думай! Ты же ученый. Физик-теоретик, в конце концов! Пусть даже и бывший. Думай! Ищи причину. Тебя же учили. Анализировать и обобщать факты. Воспринимай это просто как научный эксперимент. По какой-то необъяснимой причине и каким-то необъяснимым образом провалившийся. И вот теперь это объяснение и эту самую причину тебе и надо найти. Срочно! Позарез!! А иначе — моментом море. Моментально. В море.

Как ни странно, на этот раз Рудников чувствовал себя несравненно спокойнее, чем в пятницу, когда все только началось. И, по крайней мере, сохранил полную способность ясно мыслить. В пятницу-то он, охваченный безумным страхом, вообще почти ничего не соображал.

(Ко всему человек привыкает, — философски подумал в этой связи Рудников. — Даже к пиздецам. Ничем его, по большому счету, не проймешь!)

Ладно, итак, что мы имеем? Показатель падать не должен, а он падает. Падает, падает и падает!.. Как зимний снег. Как последняя сволочь! Что падать он не должен — это мне тогда в парке сказали. При первой встрече. Конечно, гарантий никаких, но мне почему-то кажется, что мне там не ввали. А зачем им? Ну, как бы то ни было. Проверить тут все равно ничего нельзя, а потому просто примем на веру. Как аксиому. Что падать не должен. И тем не менее — падает!

Значит?.. Что это значит?.. Значит, есть причина. Какая-то дополнительная причина, которую я пока никак не могу понять. Вычислить. Учесть. Ухватить! Причем постоянно действующая. Непрерывно. На протяжении всего последнего времени. Раньше-то ведь у меня такого не было.

Стоп! Стоп-стоп-стоп. Все мои беды начались, когда я решил уйти из секты. Так? Так. До этого все шло нормально. А как решил уйти... Или нет! «Как решил уйти» — тоже все было нормально. Мой показатель упал до среднестатистического и замер. Застыл. Стабилизировался. То есть все произошло именно так, как меня с самого начала и предупреждали. Я стал самым что ни на есть обычным лохом. Коих кругом толпы бродят. Стада. Травоядных. А вот потом что-то где-то не срослось, и все у меня пошло наперекосяк. Вразнос. Показатель покати́лся. Под гору. Как снежный ком.

Так! Когда это произошло? Точно?.. В какой именно момент? А?.. Так... Так... Когда?.. Я завязываю... сообщаю об этом Ксюше... мы перестаем встречаться... я месяц как мудака у телевизора торчу... так... здесь еще все нормально... показатель падает, конечно, но медленно, как положено, так как я на собрания не хожу... так... и наконец, стабилизируется. На отметке 49 с

чем-то там. Я еще, помнится, горевал, какой же я, мол, неудачник. «Неудачник», блядь! Знал бы я тогда!..

Так, ладно. Что дальше-то было?.. А что было? Ничего дальше не было. Дальше все у меня нормализовалось, мы с Ксюшей начали встречаться.

Рудников вдруг почувствовал, что внутри у него что-то оборвалось.

«Мы с Ксюшей начали встречаться!» Ну, и что?! Что? Ксюша-то здесь причем? Ну, начали и начали. Причем здесь Ксюша? И простите, простите! до этого-то у меня было все нормально! Мы же с ней и раньше встречались, до всех этих пиздецов, когда я еще в секту ходил — и ничего! Показатели у меня были претотличные. Конечно, я на собраниях подпитывался все время, но не важно! Они же не снижались. То есть Ксюша никаким постоянно действующим негативным фактором не была. Так что не на-адо! Не надо! Не надо валить с больной головы на здоровую. Ксюша здесь совершенно не при чем.

Ладно, давай все сначала. Что я шарахаюсь из стороны в сторону! Нужно мыслить логически, последовательно и систематически. Как учили.

Итак. Из-за чего может снижаться показатель? Вот главный вопрос. От этой печки и надо плясать. Из-за чего? Первое. Из-за нарушений правил секты. По крайней мере, какие-то смутные угрозы на этот счет я слышал. Ничего конкретного, но будем считать, что из-за этого может. А-а!.. Как же «ничего конкретного»? Мне прямо было сказано: не пей воды, козленочком станешь. Не показывай фокус с монеткой, удачу можешь спугнуть. А я показал. Ксюше, кстати. Черт, все время Ксюха всплывает!

Нет, ну подождите! Потом-то у меня все стабилизировалось на нормальном уровне. А вниз покатило, когда мы встречаться начали. Дьявол! Это что же получается? Что мне надо теперь держаться от нее подальше, что ли? Раз я ей все рассказал?

Да ну, бред! Не то это все. Не может этого быть. Это же явление чисто энергетическую природу имеет. Черная пси-энергия. Как она может у меня удачу оттягивать? Для этого ей надо постоянно черной пси-энергией подзаряжаться. Подпитываться. На собраниях бывать.

Рудников ощутил внезапно самый настоящий ужас. Он даже со стула привстал!

А какой был день, когда я ее в подъезде караулил? Когда она в три часа ночи домой вернулась. Пятница!! Ночь с пятницы на субботу. День собрания.

Та-ак... Подождите. Подождите-подождите-подождите-подождите! Не надо! Вот не надо поспешных выводов! Как она могла о секте -то узнать? Адрес? Случайно? Просто от кого-то? За тот месяц, пока мы не встречались? Хм... Теоретически это, конечно, возможно, но вряд ли. Во-первых, такое совпадение,.. а во-вторых, она же знала, что это для меня губительно. С ней встречаться. Если она сектанткой стала. Должна же она была меня хоть предупредить!?

Да нет, нет, подожди! Не в этом даже дело! Если она заинтересовалась сектой, то почему у меня сразу не спросила? Где и что?.. Что я ей вообще тогда сказал-то?

Рудников стал припоминать тот разговор с Ксюшей. Когда он показал ей опыт с монеткой. Да! нейтральный совершенно разговор был. Она даже вопросов никаких не задавала. Молчала, как обычно. Или задавала? О чем мы хоть вообще говорили-то?

Так, ну я монетку стал при ней кидать... Она спросила: это фокус? Я говорю, что нет, мол, не фокус, и про секту ей все рассказал. Сатанисты, мол, хуе-мое!.. Так... Ну, и дальше чего? Дальше... Дальше она про кино вспомнила, что, мол, кино какое-то такое видела, тоже про секту, как они там хороводы в лесу вокруг костра водят. И спросила: а вы что, тоже в лесу? за городом? Я говорю, что нет, прямо в центре города, и станцию метро назвал.

Ужас исчез, уступив место какой-то глухой, безысходной тоске. Он уже все понял.

...И сказал, что в здании школы. В двух шагах от метро «Сокольники» в здании школы. То есть найти она могла запросто. Если захотела. Много ли школ около «Сокольников»? Одна наверняка и есть! Одна-единственная! Ну, две, в крайнем случае. Да и то вряд ли. В общем, встал в пятницу вечером, постоял... Ни одна, так другая. Про пятницу же она, кажется, тоже знала? Или не знала? Да это уж и не важно! Не пятница, так суббота. Когда еще могут собрания проходить?! Да можно хоть каждый день стоять, если уж на то пошло! Было бы желание. Да и школа там наверняка одна. Какие еще «две»!

Но почему?! Почему?! Почему она даже не предупредила?

— Почему-почему! Да потому что не знала, как ты к этому отнесешься! — сказал внутри него какой-то холодный и безжалостный голос. — Зачем ей лишние проблемы? А на тебя ей наплевать. Даже лучше, если с тобой что-нибудь случится, и ты исчезнешь. На фиг ты ей теперь нужен?! Она теперь сама хозяйка жизни. Как Леди Зю.

При упоминании о Леди Зю в мозгу его вдруг что-то щелкнуло, и словно рухнул сразу в памяти какой-то невидимый барьер. Он вдруг все вспомнил.

Последняя оргия... Клубок обнаженных переплетенных тел, мужских и женских, и в центре совсем молоденькая, юная девушка в маске, неистово и жадно совокупающаяся и совокупающаяся, кажется, вообще со всеми сразу, во всех мыслимых и немыслимых позах.

Какие-то просто упражнения по спортивной акробатике! — брезгливо думает, глядя на нее, Рудников.

Ждущая своей очереди Леди Зю, стоящая рядом в своей сбруе, с пристегнутым искусственным фаллосом, встречается с ним взглядом, насмешливо ему улыбается и, не отводя от него

глаз, не спеша подходит к девушке, грубо хватая ее за волосы и рывком приподнимает голову...

Рудников облизал пересохшие губы. Это была Ксюша! Эта молоденькая девушка была Ксюша!

Рудников почувствовал, что ему не хватает воздуха.

Неужели правда? Да это я сам себе уже напридумывал! Она же в маске была, та тварь! Потаскушка эта. С чего я взял, что это?.. Не могла!..

— Чего там «не могла»! — издевательски подсказал ему все тот же неумолимый голос. — Если она на собраниях бывает, значит... ясное дело!.. Как и все... Это же необходимая часть ритуала. Причем, чем больше, тем лучше! Вот девочка и старается. Коэффициентик себе поднимает. Благо, молоденькая пока, здоровья много... А иначе зачем вообще туда ходить!?

— Но она же... У нас же с ней ничего не было еще даже ни разу!.. Она же девочка еще!.. Ребенок! Она что, и девственностью ради этого пожертвовала!? — беспорядочно, словно хватаясь за соломинку, попытался возразить Рудников.

— А с чего ты все это взял? — снова раздалось у него в голове. — Что она девочка и все такое прочее? Это ты сам себе навоображал. Просто тебе хотелось так считать, вот и все. «Не было у нас с ней ни разу!» А ты просил хоть раз? Попросил бы с самого начала, может, бы тебе и дали? Все так же молча и загадочно улыбаясь. Правильно! А чего тут зря болтать!?

— Замолчи!! Замолчи!! Замолчи!! — в бешенстве закричал Рудников на самого себя. — Заткнись!! Не может этого быть!! Не может!

Так, ладно! — начал лихорадочно соображать он, чуть успокоившись. — Ладно... Хорошо... Предположим. Бред, но предположим. Допустим на секундочку. Можем мы тут что-нибудь выяснить? Как-нибудь убедиться, проверить? Что-нибудь про нее узнать?

Из небытия выплыл вдруг самодовольно улыбающийся Витька Ильин с наставительно поднятым вверх указательным пальцем.

Д-да... Хороший был парень... Рак у него потом обнаружили... Я уже тогда в секту ходил... Д-да... Так чего он там говорил-то? Что-то как раз, вроде, на эту тему?

Он наморщил лоб, припоминая.

Курилка... клубы сизого дыма... Витька менторским тоном вещает...

«Сегодня, старик, выяснить все про любую телку не проблема. Раз плюнуть. Если у тебя, конечно, хоть одна извилина в голове есть. Просто идешь в ее женскую консультацию, денег немного в регистратуре даешь — и берешь на часок ее амбулаторную карту. А там уж все написано! Все как на ладони! Вся ее внутренняя сучность. Внутриматочная».

Рудников вскочил и, одеваясь на ходу, помчался на улицу. Им овладела какая-то болезненная потребность действовать, окончательно убедиться в том, что, по сути, ему уже и так было ясно. Зачем ему это надо было и что он собирается делать потом, он не знал да об этом пока и не задумывался. Он был настолько возбужден и взволнован всеми обрушившимися на него открытиями, что, по сути, полностью утратил способность соображать, спокойно и трезво мыслить. Сейчас он видел перед собой только одну-единственную цель: женская консультация. Съездить туда и прочитать ее амбулаторную карту! Добьемся сначала этого, а там уж видно будет. Посмотрим. Пока с этим надо разобраться. Фактов же у меня пока нет никаких. Одни только домыслы. А вдруг все не так?

Он выбежал на улицу, вскочил в машину и резво рванул с места.

Подъехав к Ксюшиному дому, Рудников остановился, вылез из машины и, увидев выходящую из соседнего подъезда женщину, быстро подошел к ней.

— Простите, а Вы не подскажете, где тут ближайшая женская консультация? Этот район обслуживающая?

Женщина остановилась, несколько удивленно на него посмотрела и задумалась.

— Консультация?.. А, ну это на улице.. — она назвала улицу. — Вот дом только не помню...

— Спасибо! — перебил ее Рудников, повернулся и побежал к машине.

Он почему-то совершенно четко знал, что ему надо делать и как действовать.

Улицу я знаю... Все! Там еще раз спрошу или просто всю улицу из конца в конец проеду. Найду!

Однако на практике все оказалось далеко не так просто. Никто из прохожих не знал, где эта проклятая улица находится. В конечном итоге выяснилось, что это вообще на другой стороне проспекта. Чтобы не делать крюк, Рудников бросил машину, а сам по наземному переходу перешел проспект и снова начал поиски. Уже пешком. Тут, наконец, удача ему улыбнулась. Первый же прохожий уверенно указал ему женскую консультацию

Рудников вошел в консультацию и ни секунды не колеблясь подошел к первой же встретившейся ему в коридоре пожилой женщине в белом халате. Казалось, сама судьба вела его.

Каких-то сто долларов — и вот он уже листает дрожащими от нетерпения руками амбулаторную карту Самойловой Ксении Евгеньевны... Год рождения... Так... Не то... Не то... А это что?! Два аборта... Первый в четырнадцать лет... Второй...

Рудников почувствовал, что он не может больше читать. В висках стучало, глаза застилала слезы. Он постоял немного, наконец кое-как справился с собой и, держа карту в руке, сказал срывающимся голосом ждущей его сестре:

— Вы знаете, я сейчас ксерокопию с некоторых страниц на почте сделаю и через час ее Вам верну.

— Нет-нет, что Вы! Выносить карты категорически запрещено! — перепугалась женщина.

— Да я всего на час, — успокаивающе заверил ее Рудников, доставая из кармана еще одну стодолларовую бумажку. — Ну, сами понимаете, чтобы потом спокойно почитать. А то здесь... второпях...

— Ну, ладно, — решила медсестра, забирая деньги. — Только не больше часа!

— Хорошо, хорошо! Не беспокойтесь! За час я вполне управлюсь.

Рудников уже бежал к двери, засовывая на ходу карту в свой кейс.

Чтобы добраться до машины, надо было опять пересечь проспект. Он дошел уже до середины, когда красный свет светофора сменился на зеленый, и плотный поток машин медленно тронулся с места. Рудников мгновенно прикинул, что перебежать он вполне успевает и резко рванул наперерез потоку. Неожиданно кейс у него раскрылся, и все бумаги вывалились на асфальт.

Рудников в недоумении остановился, обернулся и нагнулся за ними. Дикая визг тормозов, удар!.. боль!.. — и все вокруг навсегда погрузилось для него в черную тьму.

Выпавшая из кармана в момент удара монетка со звоном упала на асфальт. Решка!!

* * *

— Слышь, Ксюх! — окликнули девятиклассницу Ксению Самойлову два ее одноклассника: Боря Швецов и Валерка Знаменский.

— Ну? — остановилась Ксения и вопросительно на них взглянула.

Вместо ответа Боря достал из кармана 50-и-долларовую купюру и показал девушке.

— Ого! — усмехнулась та. — Откуда лавэшки? Тачку чью-нибудь опять вскрыли?

— Точно! — тоже усмехаясь, в тон ей ответил Боря. — Вскрыли. И в бардачке баксы нашли. Повезло.

— Повезло... — со странным выражением повторила вслед за ним девушка. — Понятно. А резинки, мальчики, у вас есть?

— Нет, — переглянувшись с другом, неуверенно ответил Боря.

— Тогда только в пасть!

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Почему та женщина предала того мужчину?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Потому что он был слаб.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Разве это правильно?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Если тебя предадут, значит, не ценят. Значит, ты ничего не стоишь. Каждый получает в жизни только то, чего он стоит. Не больше и не меньше.